

E-ISSN 2713-0622

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

**Russian Journal of
DEVIANT BEHAVIOR**
Scientific and Theoretical
Issues

TOM
vol. **4 № 3 / 2024**

**РОССИЙСКИЙ
ДЕВИАНТОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ**
НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
Том 4 № 3
2024

**Russian Journal
of Deviant Behavior**
Scientific and Theoretical Issues
Vol. 4 № 3
2024

Российский девиантологический журнал

Научно-теоретический журнал

Том 4 № 3 2024

«Российский девиантологический журнал» – периодическое сетевое международное рецензируемое научное издание в области междисциплинарных исследований по девиантологии (девиантному поведению). Дисциплинарное поле журнала – психология, педагогика, право (криминология, уголовное право, уголовно-исполнительное право), медицина, социология.

В «Российском девиантологическом журнале» публикуются результаты оригинальных фундаментальных и прикладных научных исследований по вопросам девиантного поведения.

Цели журнала:

- способствовать научному обмену и сотрудничеству между российскими и зарубежными специалистами в области девиантологии;
- знакомить читателей с новейшими направлениями и теориями в области девиантологии, разрабатываемыми как в России, так и за рубежом, и их практическим применением;
- публиковать результаты оригинальных научных исследований по широкому кругу актуальных проблем девиантологии междисциплинарного характера, касающихся психологии, педагогики, права, социологии, медицины;
- поддержка молодого поколения ученых.

Журнал включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России по научным специальностям:

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

5.3.3. Психология труда, инженерная психология, когнитивная эргономика.

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред.

5.3.5. Социальная психология, политическая и экономическая психология.

5.3.9. Юридическая психология и психология безопасности

Принимает к опубликованию материалы по специальностям (по данным специальностям журнал еще не включен в Перечень ВАК при Минобрнауки России):

5.8.1. Общая педагогика, история педагогики и образования.

5.8.7. Методология и технология профессионального образования.

Язык и география журнала. Основным языком журнала является русский. Метаданные статьи публикуются на русском и английском языках. Редакция журнала ориентируется на географическое разнообразие авторского состава журнала и приглашает к опубликованию новых оригинальных исследований в области девиантологии как российских, так и иностранных авторов. Статьи зарубежных авторов издаются на английском языке, что позволяет расширить читательскую аудиторию и усилить влияние исследований в мировом научном сообществе. Журнал находится в открытом доступе и индексируется в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), включен в базу данных Ulrich's Periodicals Directory.

Требования к статьям. Критериями отбора статей являются соответствие профилю журнала, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Присланные рукописи обратно не возвращаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях. Направляя статью в редакцию, автор соглашается на редакторскую правку материала. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на наличие заимствований из открытых источников, проверка выполняется с помощью системы «Антиплагиат». Плата за публикацию статей отсутствует. Поступившие в редакцию статьи регистрируются. Датой регистрации считается день предоставления полного комплекта материалов. Если статья возвращается автору на доработку, то датой ее регистрации считается день получения окончательного текста. Поступившие в редакцию статьи рецензируются. Редакция оставляет за собой право на литературное редактирование статьи.

При перепечатке или воспроизведении любым способом полностью либо частично материалов «Российского девиантологического журнала» ссылка на журнал обязательна.

Редакторы – Г. Н. Голядкин, Л. М. Букина.

Дизайн и верстка – С. Н. Горбунова.

ISSN 2713-0622 (online)

Учредитель и издатель – Санкт-Петербургский университет МВД России.

Журнал издается с января 2021 года.

Финансирование издания журнала осуществляется за счет средств учредителя журнала – Санкт-Петербургского университета МВД России.

Периодичность – 4 номера в год.

Сайт: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Адрес учредителя и издателя: 198206, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилютова, д. 1

Тел. +7 (812) 730-26-96

Russian Journal of Deviant Behavior

Scientific and Theoretical Issues

Vol. 4 N° 3 2024

“Russian Journal of Deviant Behavior” is an international online peer-reviewed publication in the field of interdisciplinary research in deviancy. The journal publications combine the insights of psychology, pedagogy, law (criminology, criminal law, penal law), medicine and sociology.

The journal “Russian Journal of Deviant Behavior” publishes the results of original basic and applied researches in the field of deviancy.

The journal aims:

- to bring together scientists and practitioners researching into relevant issues of deviant behavior;
- the journal makes every effort to disseminate research findings as well as to integrate scientific research in the field of deviant behavior
- the journal's priority is to support young scholars.

The journal is included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia in scientific specialties:

- 5.1.4. Criminal law sciences (legal sciences)
- 5.3.3. Labor psychology, engineering psychology, cognitive ergonomics.
- 5.3.4. Pedagogical psychology, psychodiagnostics of digital educational environments
- 5.3.5. Social psychology, political and economic psychology
- 5.3.9. Legal Psychology and Security Psychology

Accepts for publication materials in specialties (for these specialties the journal is not yet included in the List of Higher Attestation Commissions under the Ministry of Education and Science of Russia):

- 5.8.1. General pedagogy, history of pedagogy and education
- 5.8.7. Methodology and technology of vocational education

Language and geography of the journal. The main language of the journal is Russian. Metadata articles are published both in Russian and English. The editorial board of the journal focuses on the geographical diversity of the authors and invites both Russian and foreign authors to publish new original research in the field of deviancy. Articles of foreign authors are published in English, which makes it possible to expand the readership and strengthen the influence of research in the world scientific community.

The journal is open access. All articles are freely available to readers immediately after publication. Journal is included in the system of the Russian Scientific Citation Index (RSCI) and in Ulrich's Periodicals Directory.

Editorial and publishing policies. The main criteria for the manuscript selection is compliance with the profile of the journal, relevance and validity of the results. Submission of a manuscript implies that the work described has not been published before; that it is not under consideration for publication anywhere else. The journal does not tolerate plagiarism in any form to prevent publication malpractice. There are no fees payable to submit or publish in this journal. If you have been invited to revise and resubmit your paper, you should follow instructions provided by the editor in their decision email. All manuscripts undergo review. The editors reserve the right to stylistic editing. Manuscripts not accepted for the publication will not be returned.

Reference to the scientific-theoretical journal “Russian Journal of Deviant Behavior” is obligatory when reprinting or reproducing in whole or in part its materials.

Editors – G. N. Golyadkin, L. M. Bukina.

Design and layout – S. N. Gorbunova.

ISSN 2713-0622 (online)

Founder and publisher – Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.
The journal has been published since January, 2021.

The publication of the journal is financed at the expense of the founder of the journal - Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of the Russian Federation.

Frequency - 4 issues per year.

Website: <https://russianjournaldeviantbehavior.ru>

E-mail: rusjdb@list.ru

Postal address: 1 Letchika Pilyutova Street, St.Petersburg, Russian Federation, 198206

Phone +7 (812) 730-26-96

Главный редактор

Реан А. А., доктор педагогических наук, профессор, Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического государственного университета, заведующий лабораторией психологии деструктивного поведения и агрессии молодежи ФНЦ ПМИ (Россия, Москва)

Заместитель главного редактора

Злоказов К. В., кандидат психологических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Редакционная коллегия

Бавсун М. В. – председатель редакционной коллегии, доктор юридических наук, профессор, заместитель начальника Санкт-Петербургского университета МВД России по научной работе (Россия, Санкт-Петербург)

Каверина Л. В. – ответственный секретарь редакционной коллегии, кандидат филологических наук, Санкт-Петербургский университет МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Базаров Т. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры социальной психологии Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (Россия, Москва)

Баранов А. А. – доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития и дифференциальной психологии Удмуртского государственного университета (Россия, Ижевск)

Бородавко Л. Т. – доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гайдамашко И. В. – доктор психологических наук, доцент, действительный член (академик) РАО, и.о. ректора Сочинского государственного университета (Россия, Сочи)

Гаррисон Е. – доктор педагогических наук, профессор, Университет Монтаны (США, Вашингтон).

Гейжан Н. Ф. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гилинский Я. И. – доктор юридических наук, профессор, Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена (Россия, Санкт-Петербург)

Гогиберидзе Г. М. – доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры психологии воспитания и профилактики девиантного поведения Института психологии и педагогики Московского педагогического государственного университета (Россия, Москва)

Горелов А. А. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник – заведующий учебно-научным центром кинезиологических исследований и лечебно-реабилитационных технологий Северо-Восточного федерального университета имени М. К. Аммосова, (Россия, Якутск)

Григорьев А. Н. – доктор педагогических наук, доцент, начальник кафедры административно-правовых дисциплин и информационного обеспечения органов внутренних дел Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Гундур Р. – доктор криминологии, Университет Флиндерс (Центр политики и исследований в области преступности) (Австралия, Аделаида)

Дозорцева Е. Г. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой юридической психологии и права факультета юридической психологии и права МГППУ, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста ГНЦССП имени В. П. Сербского (Россия, Москва)

Змановская Е. В. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психотерапии Восточно-Европейского института психоанализа (Россия, Санкт-Петербург)

Илакавичус М. Р. – доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Караяни А. Г. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии служебной деятельности Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии, (Россия, Санкт-Петербург)

Кириллова Т. В. – доктор педагогических наук, профессор, главный научный сотрудник НИИ ФСИН России (Россия, Москва)

Клейменов М. П. – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Омского государственного университета имени Ф. М. Достоевского (Россия, Омск)

Костромина С. Н. – доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой психологии личности Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, Санкт-Петербург)

Лельчицкий И. Д. – доктор педагогических наук, профессор, академик РАО, Директор Института педагогического образования и социальных технологий, заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия, Тверь)

Лясковска К. – доктор юридических наук, профессор, Белостокский университет (Польша, Белосток)

Пудовочкин Ю. Е. – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (Россия, Москва)

Рыбников В. Ю. – доктор медицинских наук, доктор психологических наук, Заслуженный деятель науки РФ, заместитель директора Всероссийского центра экстренной и радиационной медицины имени А. М. Никифорова МЧС России (Россия, Санкт-Петербург)

Ситников В. Л. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры юридической психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Стрельникова Ю. Ю. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, Санкт-Петербург)

Тесленко А. Н. – доктор педагогических наук, доктор социологических наук, профессор, директор Кокшетауского университета имени Абая Мырзахметова (Центр ювенологических исследований) (Казахстан, Кокшетау)

Утюганов А. А. – доктор психологических наук, доцент, заместитель начальника военного института по научной работе – начальник научно-исследовательского и редакционно-издательского отдела Санкт-Петербургского военного ордена Жукова института войск национальной гвардии Российской Федерации (Россия, Санкт-Петербург)

Федотов С. Н. – доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя (Россия, Москва)

Хусаинова С. В. – доктор психологических наук, ведущий научный сотрудник Института педагогики, психологии и социальных проблем (Россия, Казань)

Шестаков Д. А. – доктор юридических наук, Заслуженный деятель науки РФ, профессор, Президент Санкт-Петербургского международного криминологического клуба (Россия, Санкт-Петербург)

Яворчикова Я. – PhD, университет Матвея Бела (Словакия, Банска-Бистрица)

Editor-in-chief

A. A. Rean, Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Honored Scientist of the Russian Federation, Chairman of the Scientific Council of the Russian Academy of Education on the problems of preventing aggression and destructive behavior in students, Head of Center for Socialization, Family and Prevention of Antisocial Behavior Research Moscow Pedagogical State University, Head of the Laboratory of Psychology of Destructive Behavior and Aggression of Youth, Federal Scientific Center for PMI, (Russia, Moscow)

Deputy Chief Editor

Zlokazov K. V., Cand. Sci. (Psychol.), Associate Professor, Head of the Research Department Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Editorial Board

Bavsun M. V. – Chairman of the Editorial Board, Doctor of Law, Professor, Deputy Head for Science and Research of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Kaverina L. V. – Executive Secretary of the Editorial Board, Cand. Sc. (Philology), Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Bazarov T. Yu. – Doctor of Psychology, Professor, Lomonosov Moscow State University (Department of Social Psychology, professor) (Russia, Moscow)

Baranov A. A. – Doctor of Psychology, Professor, Udmurt State University (director Department of Developmental Psychology and Differential Psychology,) (Russia, Izhevsk)

Borodavko L. T. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts of the Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gaidamashko I. V. – Doctor of Psychology, Associate Professor, full member (academician) of RAO, acting Rector of Sochi State University (Russia, Sochi)

Garrison E. – Doctor of Education, Professor, University of Montana (USA, Washington)

Geyzhan N. F. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gilinskiy Ya. I. – Doctor of Law, Professor, Herzen University (Russia, St. Petersburg)

Gogiberidze G. M. – Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of the Department of Psychology of Education and Prevention of Deviant Behavior, Institute of Psychology and Pedagogy Moscow State Pedagogical University (Russia, Moscow)

Gorelov A. A. – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher – Head of the Educational and Scientific Center for Kinesiological Research and Treatment and Rehabilitation Technologies of the North-Eastern Federal University named after M.K. Ammosov, (Russia, Yakutsk)

Grigoriev A. N. – Doctor of Pedagogy, Associate Professor, Head of the Department of Administrative Legal Disciplines and Information Support of Internal Affairs Bodies of the Kaliningrad Branch of Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)

Gundur R. – Doctor of Criminology, Flinders University (the Center for Crime Policy and Research) (Australia, Adelaide)

- Dozortseva E. G.** – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Legal Psychology and Law, Faculty of Legal Psychology, Moscow State University of Psychology and Education, Head of the Laboratory of Child and Adolescent Psychology of the Serbsky State Scientific Center for Social and Forensic Psychiatry (Russia, Moscow)
- Zmanovskaya E. V.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychotherapy of the East European Institute of Psychoanalysis (Russia, St. Petersburg)
- Ilakavichus M. R.** – Doctor of Pedagogy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Karayani A. G.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology of Service Activities of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops, (Russia, St. Petersburg) (Russia, St. Petersburg)
- Kirillova T. V.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Chief Researcher of the Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Russia, Moscow)
- Kleimenov M. P.** – Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Criminology, Dostoevsky Omsk State University (Russia, Omsk)
- Kostromina S. N.** – Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Personality Psychology St. Petersburg State University (Russia, St. Petersburg)
- Lelchitsky I. D.** – Doctor of Pedagogy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Director of the Institute of Teacher Education and Social Technologies, Head of the Department of Social Work and Pedagogy, Tver State University (Russia, Tver)
- Lyaskovska K.** – Doctor of Law, Professor, University of Bialystok (Poland, Bialystok)
- Pudovochkin Yu. E.** – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law Kutafin Moscow State Law University (Russia, Moscow)
- Rybnikov V. Yu.** – Doctor of Medical Sciences, Doctor of Psychology, Honored Scientist of the Russian Federation, Deputy Head of Nikiforov's All-Russian Center for Emergency and Radiation Medicine of the Emergencies Ministry of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Sitnikov V. L.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Legal Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Strelnikova Yu. Yu.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology Saint Petersburg University of the MIA of Russia (Russia, St. Petersburg)
- Teslenko A. N.** – Doctor of Pedagogy, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Abay Myrzakhmetov Kokshetau University (Center for Juvenile Research) (Kazakhstan, Kokshetau)
- Utyuganov A. A.** – Doctor of Psychology, Associate Professor, Deputy Head of the Military Institute for Scientific Work – Head of the Research and Editorial and Publishing Department of the St. Petersburg Military Order of Zhukov Institute of National Guard Troops of the Russian Federation (Russia, St. Petersburg)
- Fedotov S. N.** – Doctor of Psychology, Professor, Professor of the Department of Psychology Moscow University of the MIA of Russia named after V. Ya. Kikotya (Moscow, Russia)
- Khusainova S. V.** – Doctor of Psychology, Institute of Pedagogy, Psychology and Social Problems (Deputy Director for Science, Leading Researcher) (Russia, Kazan)
- Shestakov D. A.** – Doctor of Law, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor, Chairman of St. Petersburg International Criminological Club (Russia, St. Petersburg)
- Javorchikova J.** – PhD, Matej Bel University (Slovakia, Banska Bystrica)

Содержание

Слово главного редактора

Реан А. А.	330
Современная девиантология: теории и концепции	
Савченков А.В. Тревога в генезе аффектов негативного спектра: психодинамический подход.....	332
Методология изучения девиантного поведения	
Иванова А.М., Кодиркулов А.С. Оценка контрпродуктивного поведения в служебных коллективах органов внутренних дел Республики Узбекистан.....	350
Психологические исследования девиантного поведения	
Баринова М.Г., Мосарве Госегоманг Взаимосвязь агрессивного поведения и стажа службы сотрудников МВД Республики Ботсвана.....	366
Бородавко Л.Т., Силкин Н.Н., Корзунин В.А. Психологическое исследование поликодового текста противоправной направленности: логико-семантический и послойный методы.....	382
Робин С. Д., Кружкова О. В. Диагностика склонности к наркотической зависимости методом айтрекинга: опыт разработки.....	394
Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения	
Илакавичус М. Р., Иванов Е. Ю. Подготовка сотрудников курсов суворовских военных училищ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков.....	408
Мещерякова Е. И. Психолого-педагогические аспекты противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих.....	425
Никитская Е. А., Мудрик А. В. Практика как важнейший компонент профессиональной подготовки будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних на этапе обучения в высшей школе.....	440
Правовое противодействие девиантному поведению	
Слюсарева Е. А. Совершенствование практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением.....	453
Даваацэрэн Бадамцэцэг. Реализация конституционных прав граждан Монголии на здоровую и безопасную окружающую среду.....	465
Сообщения о научных событиях	
Жаворонкова А. А., Каверина Л. В., Рожков А. А. «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (обзор III международной научно-практической конференции).....	475

Contents

Editor-in-Chief's word

Rean A. A.	330
-------------------------	-----

Modern deviantology: theories and concepts

Savchenkov A. V. Anxiety in the genesis of negative spectrum affects: a psychodynamic approach.....	332
--	-----

Methodology for studying deviant behavior

Ivanova A. M., Kodirkulov A. S. Assessment of counterproductive behaviour of law enforcement agencies' teams of the Republic of Uzbekistan.....	350
--	-----

Psychological research of deviant behavior

Barinova M. G., Mosarwe G. The relationship between aggressive behaviour and length of service of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Botswana.....	366
---	-----

Borodavko L. T., Silkin N. N., Korzunin V. A. Psychological examination of a polycoded text of unlawful orientation: logical-semantic and layer-by-layer methods.....	382
--	-----

Robin S. D., Kruzhkova O. V. Diagnosis of the tendency towards drug addiction using eye tracking technology: development experience.....	394
---	-----

Pedagogical research and prevention of deviant behavior

Ilakavichus M. R., Ivanov E. Yu. Training of the employees of the courses of Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia for working on the prevention of deviant behaviour among older adolescents.....	408
--	-----

Meshcheryakova E. I. Psychological and pedagogical aspects of counteracting mental intervention aimed at destroying military personnel's self-awareness.....	424
---	-----

Nikitskaya E. A., Mudrik A. V. Practice as the most important component of the professional training of future juvenile inspectors at the stage of higher education.....	440
---	-----

Legal counteraction to deviant behavior

Slusareva E. A. Improving the practice of criminal law combating the secretly violent of theft.....	453
--	-----

Badamtsetseg Davaatseren. Implementing a constitutional rights of Mongolian citizens to a healthy and safe environment.....	465
--	-----

Reports on scientific events

Zhavoronkova A. A., Kaverina L. V., Rozhkov A. A. "Russian deviantology panorama: theory and practice" (Review of the III International Scientific and Practical Conference).....	475
--	-----

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-330-331

Уважаемые читатели!

Номер открывает рубрика «**Современная девиантология: теории и концепции**» и статья «Тревога в генезе аффектов негативного спектра: психодинамический подход», в которой проводится исследование генеза аффектов и эмоций негативного спектра. Тревожные расстройства являются самыми распространенными среди людей, переживших экстремальные ситуации. За период с 2022 по 2024 гг. их уровень значительно повысился. Автором установлено, что тревога является ведущим этиологическим фактором в патогенезе психогенных расстройств, конституирует психодинамические процессы личности, приводящие к психическим и психосоматическим расстройствам, коррекция которых возможна гипносуггестивным методом «Психодинамическая гипнотерапия».

В рубрике «**Методология изучения девиантного поведения**» представлено совместное исследование авторов из России и Узбекистана, посвященное оценке контрпродуктивного поведения в служебных коллективах органов внутренних дел Республики Узбекистан, в котором проанализированы теоретические и методологические подходы к изучению контрпродуктивного поведения, обоснована необходимость изучения специфики форм контрпродуктивного поведения в контексте профессиональной деятельности, в т. ч. служебной деятельности

сотрудников ОВД. Показано, что психосемантические основания категоризации контрпродуктивных действий могут служить маркерами уровня развития профессионального сознания отдельных сотрудников ОВД и уровня развития корпоративной культуры в конкретном подразделении.

Рубрику «**Психологические исследования девиантного поведения**» открывает исследование «Взаимосвязь агрессивного поведения и стажа службы сотрудников МВД Республики Ботсвана», также проведенное международным авторским коллективом, который пришел к выводу, что длительное профессиональное взаимодействие сотрудников полиции с агрессивными правонарушителями способствует увеличению частоты агрессивного поведения сотрудников правоохранительных органов, в некоторых случаях неоправданного.

Авторы следующей работы «Психологическое исследование поликодового текста противоправной направленности: логико-семантический и послыйный методы» отмечают, что отсутствие единого подхода к анализу поликодовых текстов затрудняет их судебно-экспертное исследование в случаях, если они применяются для распространения экстремистских идей. В статье обсуждается методология контент-анализа, основывающаяся на изучении психологических закономерностей восприятия его семантики.

Завершает рубрику статья «Диагностика склонности к наркотической зависимости методом айтрекинга: опыт разработки», авторы которой сосредоточили внимание на разработке новых надежных методов диагностики склонности к наркотической зависимости. Технология неинвазивного айтрекинга с опорой на эффекты смещения внимания и ценностно ориентированного контроля внимания может выступить альтернативной для традиционных опросных методов (личностных диагностических опросников) или процедуре полиграфного исследования. В результате проведенного исследования было обнаружено, что присутствуют значимые различия в фиксации на аддиктивные стимулы раздражители в исследуемых контрастных группах. Кроме того, качественный анализ сценариев движения глаз дает возможность зафиксировать саккады у респондентов с опытом употребления наркотических веществ в сторону изображений, демонстрирующих наркотические вещества, в отличие от группы без опыта употребления.

Редакционной командой журнала для рубрики «**Педагогические исследования и профилактика девиантного поведения**» были отобраны материалы, в которых исследуются различные аспекты профилактической работы поведения старших школьников, военнослужащих, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних. Так, авторы первого исследования, посвященного профилактике

девиантного поведения старших подростков, утверждают, что это одна из актуальных современных социально-педагогических задач, которую в суворовских военных училищах МВД России призваны решить сотрудники подразделений курсов. Проведя анализ теории и практики формирования педагогических компетенций в условиях ограниченного временного ресурса и трудности обучения сотрудников вне училища, авторы в качестве основного вида подготовки выбрали внутрифирменную. Была создана модель такой подготовки сотрудников курсов на основании импликационной связи девяти процессуально-методических блоков, разработана соответствующая программа, которая апробировалась с 2019 по 2024 гг., и в опытно-экспериментальной работе доказана ее результативность. Перспективным видится дальнейшее исследование внутрифирменной подготовки как эффективного способа обучения сотрудников образовательных организаций МВД России.

Актуальность исследования «Психолого-педагогические аспекты противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих», определяется автором необходимостью и значимостью разрешения (сглаживания) противоречий, возникающих и обостряющихся в связи с ментальным противоборством, направленным на разрушение сознания представителей самых разных социальных групп. При этом главным направлением использования противником инструментария современного ментального противоборства становится воздействие на сознание и самосознание военнослужащих Российской армии. Объектом исследования стали психолого-педагогические аспекты проблемы противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания курсантов – будущих офицеров Российской армии, а также выработка эффективных способов превенции ее негативного влияния на становление значимых личностно-профессиональных качеств защитников Отечества в образовательном процессе военных вузов.

В статье «Практика как важнейший компонент профессиональной подготовки будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних на этапе обучения в высшей школе» описывается успешный опыт профессиональной подготовки будущих инспекторов по делам несовершеннолетних в форме практики, которая, с одной стороны, ориентирована на приобретение и закрепление обучающимися профессиональных компетенций инспектора по делам несовершеннолетних, а с другой – является действующим инструментом конкретизированной работы по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних.

В рубрику «**Правовое противодействие девиантному поведению**» включено исследование, посвященное совершенствованию практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением, автор которого определил критерии тайности; разграничил насилие, не опасное для жизни и здоровья, от физического воздействия, используемого виновным лицом для отвлечения внимания при совершении хищения; уточнил понятийно-категориальный аппарат, а также предложил конкретные пути решения обозначенной проблемы для достижения единого применения уголовного законодательства при решении вопросов квалификации по указанному преступному деянию; а также статья монгольского исследователя, в которой на основе анализа современного состояния и практики реализации конституционных прав на здоровую и безопасную окружающую среду в Монголии обоснована необходимость принятия мер, направленных на решение проблем в рамках анализируемого права.

В рубрике «**Обзоры**» представлен информационный материал о прошедшей 27 сентября III международной научно-практической конференции «Девиантологическая панорама: теория практика».

**Главный редактор – доктор педагогических наук, профессор,
Академик РАО, Заслуженный деятель науки Российской Федерации,
Председатель научного совета РАО по проблемам профилактики агрессии
и деструктивного поведения учащихся, Директор Центра социализации,
семьи и профилактики асоциального поведения Московского педагогического
государственного университета, заведующий кафедрой психологии воспитания
и профилактики девиантного поведения МПГУ
А. А. Реан**

УДК 159.96

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-332-349

Тревога в генезе аффектов негативного спектра: психодинамический подход

Александр Витальевич Савченков

Ассоциация психоаналитиков и гипнологов
«Психодинамическая школа клинического гипноза»
(Челябинск, Россия)
sav@psychd.ru
ORCID: 0000-0003-0128-8176

Аннотация

Введение. Тревожные расстройства являются самыми распространенными среди людей, переживших экстремальные ситуации. За период с 2022 по 2024 гг. их уровень значительно повысился. Главным фактором в увеличении числа тревожных случаев стала специальная военная операция, которая влияет как на людей, находящихся в «зоне соприкосновения», так и на их родственников (Савченков, 2023, с. 92). Известно, что психоэмоциональная и нервно-психическая устойчивость человека, предрасположенность к развитию психогений зависит от способности личности к психической переработке аффектов, вызванных внешними и внутренними раздражителями. Цель статьи – изучение взаимосвязи тревоги с другими аффектами негативного спектра и ее влияние на формирование психогенных расстройств. Для решения данной задачи исследован существующий теоретический материал, проведено сравнение с эмпирическими данными, полученными в результате применения авторского метода гипносуггестивного воздействия «Психодинамическая гипнотерапия». Проведенная работа позволила уточнить психологические понятия «психодинамика», «аффект», «тревога». В статье проводится исследование генеза аффектов и эмоций негативного спектра. Научная новизна состоит в том, что впервые проведена дифференциация аффектов на примитивные и зрелые; описана психодинамика и генетическая связь тревоги с другими аффектами негативного спектра. **Методы исследования.** Использован корреляционный и сравнительный анализ исследований аффектов негативного спектра. Проведена оценка полученных теоретических результатов с результатами применения авторского метода гипносуггестивного воздействия в работе с лицами зрелого возраста, страдающими ПРЛ. **Результаты.** Установлено, что тревога является базовым этиологическим фактором в генезе аффектов негативного спектра, как примитивных, так и зрелых. Показано, что тревога – это аффект, впервые переживаемый субъектом в перинатальном, довербальном возрасте. Установлено, что тревога является ведущим этиологическим фактором в патогенезе психогенных расстройств, конституирует психодинамические процессы личности, приводящие к психическим и психосоматическим расстройствам, коррекция которых возможна гипносуггестивным методом «Психодинамическая гипнотерапия».

Ключевые слова

тревога, аффект, психодинамика, этиопатогенез психогений, примитивный аффект, гипносуггестивное воздействие

Для цитирования: Савченков, А. В. (2024). Тревога в генезе аффектов негативного спектра: психодинамический подход. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 332–349. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-332-349.

Original paper

Anxiety in the genesis of negative spectrum affects: a psychodynamic approach

Alexander V. Savchenkov

Association of Psychoanalysts and Hypnologists

"Psychodynamic School of Clinical Hypnosis"

(Chelyabinsk, Russia)

sav@psychd.ru

ORCID: 0000-0003-0128-8176

Abstract

Introduction. Anxiety disorders are the most common among people who have experienced extreme situations. In the period from 2022-24, their level has increased significantly. The main factor in the increase in the number of anxiety cases was a special military operation, which affects both people in the "contact zone" and their relatives (Savchenkov, 2023, p.92). It is known that the psychoemotional and neuropsychic stability of a person, predisposition to the development of psychogenics depends on the ability of a personality to psychically process affects caused by external and internal stimuli. The aim of the article is to study the relationship between anxiety and other affects of the negative spectrum and its influence on the formation of psychogenic disorders. To solve this problem, the existing theoretical material was studied and compared with empirical data obtained as a result of using the author's method of hypnosuggestive influence 'Psychodynamic hypnotherapy'. The work done allowed to clarify the psychological concepts of 'psychodynamics', 'affect', 'anxiety'. The article investigates the genesis of affects and emotions of the negative spectrum. Scientific novelty consists in the fact that for the first time the differentiation of affects into primitive and mature ones is carried out; psychodynamics and genetic connection of anxiety with other affects of the negative spectrum are described. **Research methods.** Correlational and comparative analyses of studies of negative spectrum affects were used. The theoretical results obtained were evaluated with the results of application of the author's method of hypnosuggestive influence in work with mature-aged persons suffering from PID. **Results.** It has been established that anxiety is a basic etiological factor in the genesis of negative spectrum affects, both primitive and mature. It is shown that anxiety is an affect experienced for the first time by a subject at a perinatal, preverbal age. It has been established that anxiety is the leading etiological factor in the pathogenesis of psychogenic disorders, constitutes the psychodynamic processes of personality, leading to destructive mental and psychosomatic conditions, the correction of which is possible through the method of hypnosuggestive influence.

Keywords

anxiety, affect, psychodynamics, etiopathogenesis of psychogeny, primitive affect, hypnosuggestive influence

For citation: Savchenkov, A. V. (2024). Anxiety in the genesis of negative spectrum affects: a psychodynamic approach. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 332–349. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-332-349.

Введение

Феномен тревоги на протяжении многих веков является актуальным объектом исследования. В современных гуманитарных науках поддерживается интерес к ее изучению. В последние годы это связано с увеличением числа тревожных расстройств, вызванных различными социальными факторами, среди которых урбанизация, особо выделенная К. Лоренцем (Лоренц, 1994), развитие технических средств, индуцирующих виртуальную реальность, отмеченное М. М. Мариновой (Маринова, 2022), мировая эпидемиологическая ситуация последних лет, психологические последствия которой описывает Т. Р. Lipai (Lipai, 2020), политическое и вооруженное противостояние, влияющее на адаптационные способности участников боевых действий, что отражено в исследованиях А. А. Зуйковой (Зуйкова, 2014), и др. В сложной современной социальности тревожные расстройства сопровождаются увеличением индивидуальной и социальной агрессии, страхами, чувством вины и другими аффективными состояниями, о которых сообщают пациенты в клиническом пространстве и генетический аспект которых в данной статье будет переоткрыт исходя из тезиса, высказанного З. Фрейдом в работе «Введение в психоанализ»: «Без сомнения, проблема тревоги является узловой точкой многих важнейших вопросов; разрешение загадки тревоги прольет поток света на всю психическую жизнь человека» (Фрейд, 2005, с. 402). Фрейд был убежден, что природа тревоги – фундаментальный вопрос, без ответа на который невозможно понять природу психоэмоциональных нарушений.

Необходимо заметить, что в работах З. Фрейда, переведенных на русский язык, нередко встречаются слова «тревога» и «страх», в частности, в работе «В духе времени о войне» (Фрейд, 2000). Иногда в одном тексте понятия «тревога» и «страх» имеют смысловые пересечения. Если обратиться к источникам на немецком языке, то мы встретим у З. Фрейда «страх» (Angst), «боязнь» (Furcht) и «испуг» (Schreck), а в отдельных местах упоминается «жуткое» (unheimlich). Скорее всего, слово «тревога» в русскоязычных текстах появилось в силу трудностей перевода. По мнению Виктора Мазина, «парадокс в целом заключен в том, что, появляясь в русскоязычных переводах, тревога обнаруживается то вместе со страхом, то вместо страха» (Мазин, 2024). В связи с изложенным может показаться нелогичным использование тезиса З. Фрейда о тревоге в качестве отправной точки исследования. Однако мы убеждены в правоте приведенного утверждения независимо от правильности перевода.

Опираясь на тезис З. Фрейда, мы акцентируем внимание на том, что первичным, примитивным, разрушительным аффектом, который переживается субъектом в раннем перинатальном, довербальном периоде развития, является тревога, трансформирующаяся в другие примитивные аффекты – ярость и стыд. Примитивные аффекты, в свою очередь, с развитием высшей нервной деятельности, в том числе коры головного мозга (ассоциативной коры), а также с появлением способности к социальной коммуникации (ребенок–мать) лежат в основе генеза более зрелых (поздних) негативных аффектов – страх, злость, вина и др. (Савченков, 2018). В данном случае нас интересует их генетическая связь. Под генетической связью мы понимаем внутренние процессы, формирующие аффект, динамику развития и трансформацию одного аффекта в другой.

Сегодня имеется немало исследований, посвященных изучению тревоги и других негативных аффектов, но все они феноменологически ориентированы и не решают задач, поставленных в данном исследовании. Под феноменологией здесь мы понимаем исследование психических процессов с точки зрения того, как они переживаются субъектом, их интенциональность.

Целью данного исследования является изучение взаимосвязи тревоги с другими аффектами негативного спектра. Для достижения поставленной цели необходимо уточнить не-

которые особенности психологических явлений: психодинамический, аффект и доказать следующие гипотезы:

– примитивный аффект – раннеинфантильное эмоциональное состояние, характеризующееся высокой интенсивностью, диффузностью (размытостью), глобальностью (всеобъемлемостью, заполняющее жизненное пространство целиком) и отсутствием когнитивной обработки (способности к когнитивной оценке переживаемых эмоций и их связи с объектами возбуждения);

– зрелый аффект – когнитивно дифференцированный (показатель многомерности и сложности восприятия эмоциональных состояний) примитивный аффект;

– тревога – первичный, примитивный, базовый аффект, впервые переживаемый субъектом в состоянии депривации в раннем инфантильном периоде развития;

– примитивные аффекты ярость и стыд вторичны по отношению к тревоге, являются преобразованиями тревоги и выступают своего рода защитами от тревоги;

– аффекты подразделяются на примитивные и зрелые.

Методы исследования

Для достижения указанной цели и решения поставленных задач были использованы методы: общенаучный, сравнительный анализ, анализ научной литературы, анализ собственных эмпирических наблюдений автора по результатам психокоррекционной работы с лицами, страдающими ПРЛ психогенной этиологии (F60.3, F60.6, F60.7), с применением метода «Психодинамическая гипнотерапия».

Метод «Психодинамическая гипнотерапия» состоит из этапов:

а) получение информации о травмирующей ситуации: производится сбор информации о событиях, вызвавших острые переживания негативного спектра. События хронологически ранжируются;

б) индукция (погружение в гипнозосостояние – транс); индуцирование транса производится через фиксацию взгляда на руке, с вызыванием катаlepsии и последующим внушением, направленным на закрытие глаз (Савченков, 2022, с. 6);

в) инкапсуляция: внушение пациенту визуальных образов воспоминаний, вызывающих тревогу, собранных на этапе «а»;

г) абреакция – многоступенчатый этап, нацеленный на разрядку ущемленного аффекта тревоги, проявляющегося в травмирующих ситуациях. Вначале внушается усиление тревоги до создания катарсиса. Для достижения разрядки используются в т. ч. специфические движения рук и ног. Затем проводится процедура интроспекции для переосмысления аффективного события отстраненно от аффекта, как нейтрального. Заканчивается абреакция суггестией, направленной на смену гормонального подкрепления;

д) постгипнотическое внушение – суггестивная установка на улучшение самочувствия и позитивное восприятие окружающей реальности;

е) дегипнотизация – выход из гипнозосостояния.

Обсуждение результатов

Понятие «психодинамика» обязано своим появлением З. Фрейду. Формирование классической психодинамики нашло отражение в работах врачей, развивавших психоанализ: З. Фрейда, К. Г. Юнга, А. Адлера и др. Все они сходились во мнении, что инстинкты и влечения, которые по природе бессознательны, и осознаваемое поведение, регулируемое морально-нравственными нормами, находятся в динамическом взаимодействии. Главная роль в этом взаимодействии отводилась бессознательному. В данном ключе З. Фрейд называл психические процессы

«перехода» бессознательных импульсов в сознательные реакции «душевной динамикой» (Фрейд, 2005, с. 842). Он утверждал, что не только бессознательное (оно) детерминирует сознательные процессы (я), но и наоборот: «Не трудно убедиться в том, что Я есть только измененная под прямым влиянием внешнего мира и при посредстве W–Bw часть Оно, своего рода продолжение дифференциации поверхностного слоя. Я старается также содействовать влиянию внешнего мира на Оно и осуществлению тенденций этого мира» (Фрейд, 2005, с. 849).

Главный акцент в теории психоанализа З. Фрейд сделал на психодинамику развития личности, описанную в теории психосексуального развития, в т. ч. в работе «Некоторые типы характеров» (Фрейд, 2000) он представил ряд положений, которые раскрывают, как раннеинфантильный опыт переживания депривированных ситуаций детерминирует характер и поведение взрослого человека. К аналогичному мнению приходят и современные исследователи.

М. М. Решетников в книге «Психодинамика и психотерапия депрессий» (Решетников, 2003) психодинамические процессы рассматривает на примерах психоанализа депрессий. В результате развитие психодинамического подхода позволило ввести в психологию медицинскую терминологию, в частности, этиологию и патогенез.

В академической традиции большой вклад в изучение психодинамики внес Д. В. Сочивко, всесторонне рассмотрев психодинамические процессы в книге «Психодинамика» (Сочивко, 2007). В частности, он пишет: «Таким образом, полная психодинамика личности реализуется на всем времени жизни, начиная от появления первых циклов состояний после рождения (можно–нельзя), вместе со всеми их изменениями в течение жизни вплоть до последних проблесков сознания» (Сочивко, 2003, с. 24). Следовательно, психодинамика – ключевой процесс всех психических, а в нашем случае психоэмоциональных явлений. Поскольку первичные, раннеинфантильные аффекты являются элементарными состояниями, нам важно показать, что «полная психодинамика личности есть общее количество циклов взаимозамещений элементарных состояний в период времени» (Сочивко, 2003, с. 24), где одно элементарное состояние «тревога» замещается другими элементарными состояниями (ярость, стыд) и вследствие психодинамических процессов замещается / переходит в более зрелые, неэлементарные эмоциональные состояния. Отсюда следует, что психодинамика – это в т. ч. процесс развития и трансформации элементарных бессознательных психических состояний/аффектов в зрелые.

Аффект и его дифференциация. В определенных условиях люди склонны переживать интенсивные эмоции, возникающие мгновенно. Такие состояния принято называть аффектами. Определение аффекта появляется уже у Бенедикта Спинозы (Спиноза, 1957). Исследованию аффектов и их проявлениям уделено большое внимание в работах современных авторов, в частности, это О. А. Черчен (Черчен, 2014), Ф. С. Сафунов, Е. В. Макушкин (Сафунов, Макушкин, 2013), Э. К. Болтбекова, И. А. Козубаев (Болтбекова, Козубаев, 2023), М. С. Власов (Власов, 2022).

Теорию аффектов активно развивал З. Фрейд, однако в терминах психоанализа довольно сложно сформулировать определение аффекта, которое Фрейд и его последователи использовали довольно широко. В ранних работах З. Фрейд определял аффект как психическую энергию, позже – как манифестацию неосознанных влечений. В других работах З. Фрейда аффект – предупредительный сигнал, действующий в тандеме с защитами (Фрейд, 2005). В работе «Торможение, симптом, тревога» З. Фрейд определяет сущность аффекта: «...оценка собственной силы в сравнении с величиной опасности, признание нашей беспомощности перед ней: материальной беспомощности – в случае реальной опасности, психической беспомощности – в случае опасности, исходящей от влечения» (Фрейд, 2005). В результате З. Фрейд предложил так называемую «гидравлическую модель», в которой интенсивность аффекта определялась силой подавления влечения. Центральное место во фрейдовской модели занимает внешнее

событие, провоцирующее психотравмирующее состояние, приводящее к неконтролируемому возбуждению (аффекту). Данные положения теории психоанализа стали основой модели «аффективной травмы», позже развитой А. Рапопортом в работе «Operational Philosophy» (1953), на которую ссылается Р. Л. Тайсон (Тайсон, 1990) и др.

У. Блон (Блон, 2009), будучи сторонником филогенетической парадигмы, считал аффекты наследуемыми архаичными состояниями, переходящими в процессе психогенеза в когнитивный регистр.

Отто Кернберг в монографии «Агрессия при расстройствах личности и перверсиях» сообщает следующее: «примитивные аффекты появляются в течение первых двух-трех лет жизни и обладают качествами интенсивности и глобальности, а также диффузным, недифференцированным когнитивным элементом» (Кернберг, 2019).

Л. М. Аболин дал следующее определение аффекту: «Так, под аффектом понимается кратковременное, резко выраженное, стремительно развивающееся состояние человека, которое характеризуется сильными, глубокими переживаниями, сужением сознания и контролем над своими действиями» (Аболин, 1987, с. 5).

С. Л. Рубинштейн писал: «Аффект – это стремительно и бурно протекающий эмоциональный процесс взрывного характера, который может дать неподчиненную сознательному волевому контролю разрядку в действии» (Рубинштейн, 2012, с. 341).

По мнению П. М. Якобсона, аффект – это «резко выраженная, стремительно развивающаяся эмоция, которая характеризуется силой и глубиной переживания, диффузным характером влияния на психику, бурным внешним выражением, кратковременностью» (Якобсон, 1998, с. 25).

Опираясь на перечисленные определения, выделим основные параметры аффекта – кратковременность, диффузность, высокую интенсивность, сужение сознания, утрату волевого контроля. Следовательно, «аффект», по Александрову, можно приравнять к «эмоциональному состоянию» (Александров, 2010), во время которого поведение взрослого человека архаично, то есть аналогично поведению младенца, у которого эмоции не дифференцированы, когнитивно не обработаны и характеризуются приведенными выше параметрами.

Давая определения аффекту, все исследователи обращают внимание на ситуацию избыточной стимуляции, в которой аффект появляется и с которой Эго не справляется. Следовательно, один и тот же уровень стимуляции у различных персон приводит к различным последствиям, в зависимости от уровня зрелости психических защит. Рассмотрение проблемы аффекта в данной оптике приводит нас к способности субъекта означивать источник стимуляции в символическом регистре, иными словами, к способности когнитивного связывания стимула и последствий. Важно и то, что в приведенных выше определениях отсутствует дифференциация аффектов на примитивные и зрелые, что является недостатком в понимании генеза психических расстройств психогенной этиологии и их психокоррекции. При этом из результатов психокоррекционной работы известно, что различия между ними существенны.

Ранние, примитивные аффекты характеризуются высокой интенсивностью, диффузностью, глобальностью и отсутствием когнитивной обработки. Вытекает это из положения о том, что в раннем младенчестве (до 6 мес.) реакцией на стресс, связанный с угрозой витальности в депривированной ситуации, является выработка нейромедиатора норадреналина, в результате чего ребенок испытывает тревогу. В этом возрасте субъект не способен дифференцировать собственное эмоциональное состояние вследствие незрелости нейроанатомических структур. Здесь аффект в момент стресса имеет высокую интенсивность, диффузный и глобальный характер (ощущение затопленности).

Зрелые аффекты, в отличие от примитивных, не затопляют субъекта, их интенсивность значительно слабее и поддается контролю, тогда как примитивные (архаичные) аффекты,

выраженно диффузные, полностью парализуют когнитивную и волевую сферу деятельности человека и могут сопровождаться импульсивным деструктивным поведением.

В работе Карен Хорни «Невроз и личностный рост: борьба за самореализацию» впервые вводится понятие «базальная тревога», которое раскрывается следующим образом: «Острое ощущение уязвимости и мрачные предчувствия» (Хорни, 2000, с. 5). Базальная тревога, по мнению К. Хорни, оказывает на ребенка мощное давление, регулирующее его коммуникацию с Другими. «Он вынужден бессознательно вести себя с людьми так, чтобы это не возбуждало (или не повышало), а смягчало его базальную тревогу» (Хорни, 2000, с. 5). В своей работе К. Хорни представляет феноменологический анализ того, как в результате тревоги формируются поведенческие паттерны ребенка, его эмоциональное восприятие объектов и патологические особенности его личности. Вся работа К. Хорни посвящена тому, в основе каких личностных изменений лежит тревога. Однако автор не отвечает на вопрос о психофизиологической природе и уходит от обоснования тревоги как базового, первичного аффекта, перечисляя лишь последствия, вызванные его переживанием.

О тревоге как об аффекте, вызванном «травмой рождения», писал Отто Ранк в книге «Травма рождения». Он определяет травму рождения как «болезненнейшее из всех “воспоминаний”» (Ранк, 2019, с. 40). По нашему мнению, это вполне логично, поскольку акт рождения воспринимается младенцем как угроза витальности. Ребенок отделяется от пуповины, прекращается подача в кровь кислорода, питательных веществ, создается ситуация, аналогичная той, как если бы взрослый человек находился в состоянии обезвоживания, многодневного голода и с заблокированными дыхательными путями. Естественно, что такое состояние считается психикой как предсмертное, в котором тревога затапливает и побуждает совершать действия, направленные на выживание. В случае с ребенком впервые запускается функция дыхания, нарастающая тревога побуждает его искать сосок материнской груди как источник пищи. Аналогичной позиции придерживался З. Фрейд, обозначив в качестве источника тревоги аффектообразующие физиологические трудности, возникающие в момент рождения. В свою очередь Отто Ранк связывал тревогу с выходом из пренатального рая, в котором потребности удовлетворяются автоматически. Впрочем, оба мыслителя говорили о двух сторонах одного и того же. В целом работа О. Ранка посвящена анализу того, как «травма рождения» связана с различными фобиями и конверсионными симптомами. Таким образом, исследование О. Ранка решает задачи, отличные от наших.

Еще одним выдающимся последователем З. Фрейда, развивающим его идеи, в т. ч. и в отношении тревоги, был Жак Лакан. Он полагал, что импульс тревоги возникает в «Супер-Эго», таким образом отделяя тревогу от бессознательного и помещая ее в репрессивную часть психики. Ж. Лакан считал тревогу самым важным объектом психоаналитического наблюдения. По его мнению, тревога возникает как ответ на угрозу исчезновения «нехватки» и, как следствие, на исчезновение желания. «Нехватка», по Ж. Лакану, приводит к возникновению желания. Ребенок не в силах полностью осознать, что требуют от него другие люди, даже его мать. Поэтому страх, что чрезмерная материнская забота приведет к полному уничтожению «нехватки» (в случае с ребенком – нехватки в пище, тепле, любви), а значит, и желания, первоначален для человека (Лакан, 2010, с. 67). Ж. Лакан иллюстрирует тревогу через взаимодействие с Другим таким образом, что аффект возникает в связи с тем, что Другой способен лишить субъекта желания. Здесь Ж. Лакан в традиции психоанализа рассматривает причину тревоги в логике экономии либидо. Однако когда речь заходит о желании, на передний план выходит регистр сознательного, поскольку «желание есть одновременно и побудительный, аффективный мотив, и некоторое осознанное представление об объекте желания» (Савченков, 2018, с. 20). По нашему же убеждению, тревога в полной мере относится к сфере

бессознательного. Таким образом, лакановские интенции не вносят ясности в представление тревоги как первичного базового аффекта психики. Ж. Лакан видит в ней вторичность по отношению к желанию, которое в свою очередь в большей степени принадлежит области сознательного.

Самой популярной в цитировании является работа Р. Мэя «Смысл тревоги» (Мэй, 2001). Ее автор, исследовав работы своих предшественников, представил широкий анализ проявления тревоги от клинического пространства до социального и сделал важный вывод о том, что тревога – основа человеческого существования: «Она создает то напряжение, на котором основано сохранение человеческого существования. Если есть тревога, значит, человек живет. Как и лихорадка, тревога свидетельствует о том, что внутри человека идет борьба» (Мэй, 2001). О. Н. Ефремова дополняет положение Р. Мэя об активном статусе тревоги следующими словами: «Тревога побуждает к активности, и эта активность должна направиться в целях реализации своего потенциала» (Ефремова, 2017, с. 17), к тому же клинические данные говорят о том, что тревога переживается как негативное, диффузное состояние, источник которого остается неосознанным. В свою очередь сознание, которое регистрирует невыносимость тревоги, активно пытается найти от нее избавление. Следовательно, тревога – нечто неосознаваемое, неконтролируемое, непереживаемое, то, что затапливает, имеет аффективный потенциал и побуждает субъект вывести этот аффект в поле сознательного в любой доступной форме (рационализации): от ритуального (социального) поведения до симптома. Симптом здесь, вслед за З. Фрейдом, мы понимаем как проявление вытесненного или травматического, т. е. как особую форму рационализации психического материала. Указанная выше работа Р. Мэя – перечисление вариантов рационализаций, изложенных в различных научных работах.

Благодаря анализу научных источников, мы делаем вывод о недостаточной изученности тревоги как первичного, примитивного, базового аффекта. Все, что связано с тревогой, в литературе описывается с феноменологической позиции, без уточнения дифференцированного статуса тревоги как примитивного аффекта и ее этиологического статуса.

Для прояснения тезиса о том, что тревога – первичный, примитивный и базовый негативный аффект, обратимся к психофизиологии.

На этапе раннего онтогенеза у детей в возрасте до шести месяцев реакции регистрируются на трех уровнях индикации: по выражению лица, издаваемым звукам и движениям тела. Первые проявления страдания у ребенка в указанном возрасте сопряжены с ситуациями нарушения витальности – голод, затрудненное дыхание, нарушение работы ЖКТ и др. Все перечисленное для младенца является депривирующим и влечет за собой повышение электрохимической активности голубого пятна и, как следствие, амигдалы, которая, как известно, является центром тревоги, что подтверждается современными исследованиями, в результате которых регистрируются «высокие показатели норадреналина в крови» (Нехорошкова, 2016, с.26). Поскольку в этом возрасте у ребенка не сформирована ассоциативная кора головного мозга, тревога считается как разрушающий аффект (независимо от ситуации) и активирует индикаторы (крик, корчи, мимика), побуждающие мать выполнить действия, направленные на снижение тревоги. Следует отметить, что младенец еще не дифференцирует причины, предшествующие тревоге. Несмотря на то, что впоследствии мать контейнирует тревогу младенца, эмоциональный «след» о пережитом аффекте сохраняется в соответствующей нейронной сети и может быть воспроизведен при определенных условиях, о чем свидетельствуют результаты опытов по изучению локализации следа, отмеченные Ю. И. Александровым (Александров, 2010, с. 116).

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что в раннем пренатальном возрасте тревога в силу неразвитости нейрофизиологических механизмов и, как следствие, отсутствия

рефлексии ассоциативно не прикрепляется к депривующей ситуации и остается неозначенной. Иными словами, младенец не осознает, в силу каких обстоятельств он испытывает тревогу, она им регистрируется как разрушительная данность, проявляется как сигнальная реакция на депривующую ситуацию. Здесь мы можем предположить, что тревога – аффект смерти (ошибочно называемый страхом смерти), поскольку она возникает в ответ на угрозу витальности, в связи с чем мы считаем необходимым разграничить тревогу и страх, т. к. тревога – это примитивный аффект, а страх – зрелый.

Страх является ближайшим к тревоге аффектом, который ошибочно принимают за единственную производную тревоги или ставят в один ряд как обозначение одного и того же. Однако первое разграничение страха и тревоги проведено С. Кьеркегором в работе «Страх и трепет» (Кьеркегор, 2010). Подтверждение положений С. Кьеркегора мы находим в клинической практике.

При сборе анамнеза пациенты зачастую говорят о том, что испытывают тревогу в отношении чего-то. Например: «Сын служит в армии, я за него тревожусь». При наводящих вопросах выясняется, что на самом деле пациентка испытывает страх от того, что сына переведут в «горячую точку». Или пациент жалуется на тревогу, по причине того, что необходимо пройти вакцинацию от COVID-19. При детальном исследовании оказывается, что он испытывает страх перед вакциной. Клинические исследования показывают, что пациенты ошибочно принимают страх за тревогу по причине неправильной интерпретации понятий. Однако те, кто испытывает страх и тревогу, говорят о схожих психических переживаниях и соматических ощущениях, из чего следует, что страх – это тревога означенная, имеющая объект. Так, Д. А. Леонтьев, ссылаясь на П. Тиллиха, пишет: «У страха есть конкретный объект, с этим объектом можно как-то встретиться, проанализировать его, побороться с ним, вытерпеть его, как-то к нему отнестись» (Леонтьев, 2003, с. 111).

Фриц Риман в работе «Основные формы страха: исследование в области глубинной психологии» выводит четыре формы страха, порожденные тревогой:

1. Страх перед самоотвержением, переживаемый как утрата “Я” и зависимость.
2. Страх перед самостановлением (стагнацией “Я”), переживаемый как незащитность и изоляция.
3. Страх перед изменением, переживаемый как изменчивость и неуверенность.
4. Страх перед необходимостью, переживаемый как окончательность и несвобода» (Риман, 1999, с. 6).

Здесь мы видим, что формы страха связаны с моделями рационализации, за счет которых субъект адаптируется к социуму, а страх появляется в момент угрозы, когда рационализация подвергается разрушению. Это позволяет заключить: страх дает о себе знать там, где человек сталкивается с объектом, угрожающим исчезновению рационализации, в результате чего тревога обнажается и становится невыносимой. Как только, например, «нарушение стабильности» осознается как возможность сформировать «новую стабильность», страх исчезает. Аналогично тому, как наши непросвещенные предки воспринимали солнечное затмение как предвестник конца света, пока им на помощь не пришло научное осмысление данного феномена, поместившее его в разряд обыденности. «Страх всегда возникает, если мы оказываемся в неразрешимой или еще не разрешенной ситуации», связанной с объектом (Риман, 1999, с. 10).

Следующий аффект, производный от тревоги, – ярость. Важно то, что рассуждения о ярости встречаются уже у мыслителей античности. Платон в «Учении о душе» (Платон, 1994) писал, что начало души исходит из ярости. Р. Дж. Столлер (Столлер, 2016) считал ярость эротической формой ненависти. Кернберг пишет о том, что полностью развернутая реакция ярости «носит всеобъемлющий характер, диффузна и сопровождается когнитивной затененностью»

(Кернберг, 2019, с. 36). В момент приступа ярости субъект не осознает его причины. Ряд пациентов сообщали о приступах ярости, следующих за внезапным приступом тревоги. Ярость регистрируется пациентами резким снижением когнитивных функций, ощущением напряжения, усилением сердцебиения и частоты дыхания. Главное, на что обращают внимание пациенты, – неконтролируемый агрессивный, атакующий импульс. «Хочется порвать», – одно из часто встречающихся выражений, когда речь идет о ярости. Свидетельства о ярости наполнены неожиданностью: «Я готова была вцепиться ему в лицо». На вопрос «Почему?» пациентка не может обосновать свою реакцию.

Б. Розенберг ярость представлял «примитивной формой агрессии, сформированной под влиянием ранней коммуникации с материнским объектом» (Розенберг, 2018, с.100), в результате которой ребенок воспринимает его как враждебный. Р. Дж. Столлер особое внимание уделял механизму формирования агрессии в раннеинфантильном возрасте. По его мнению, ребенок мстит депривировавшей матери за причиненные страдания. «У младенца формируется фантазия о гиперконтроле депривировавшего объекта (матери), позволяющем, таким образом, одерживать над ней триумф» (Столлер, 2016, с. 121). В результате, ярость – аффект, направленный на устранение депривировавшего объекта. «Исследования младенцев свидетельствуют о раннем появлении аффекта ярости и его первоначальной функции: удаления источника боли или раздражения» (Кернберг, 2019, с. 36). В клиническом пространстве при терапии пациентов с пограничной и нарциссической организацией личности мы сталкиваемся со злостью и ненавистью как вторичными характерологическими особенностями по отношению к ярости.

Поведенческая реакция младенца, обусловленная яростью, формируется благодаря тому, что единственным механизмом психорегуляции в этот период жизни является сосательный аппарат, он выполняет гомеостатическую функцию разрядки. Следовательно, нарушение кормления нарушает данную функцию и способствует избыточному напряжению и последующей разрядке через повышение тонуса в челюстно-лицевых мышцах, что приводит к так называемой «мертвой хватке». Описанный механизм разрядки запускается не только при нарушении кормления. Это происходит каждый раз, когда напряжение вызывается переживанием аффекта, которым, как сказано выше, является тревога. В данном описании четко прослеживается аналогия с положениями З. Фрейда о том, что напряжение приводит к накоплению энергии и в острой фазе достигает разрядки с последующим расслаблением и избавлением от страданий, что весьма важно при проведении параллели между яростью и наслаждением. Ребенок, таким образом, запоминает схему получения удовольствия: нужно продемонстрировать ярость для достижения расслабления. Иными словами, разрядка напряжения, вызванного яростью, уничтожает депривировавший объект и, как следствие, неудовольствие. В связи с изложенным мы правомерно можем утверждать, что ярость – примитивная защита от тревоги.

З. Фрейд в работе «Три очерка по теории сексуальности» (Фрейд, 2005) подчеркивал абсолютную важность последствий коммуникации ребенок–мать для генеза психопатологий. Аналогичной позиции придерживался и Карл Абрахам, на которого ссылается У. Мау (Maу, 2001), полагающий, что «холодная мать» – основной источник психических нарушений.

Мать для младенца – единственный объект, удовлетворяющий / не удовлетворяющий его основные потребности, вследствие чего формируется ее первоначальный эмоциональный образ. При удовлетворении потребности – мать идеальная, при неудовлетворении – мать холодная, травмирующая. Следовательно, «главное условие психического здоровья – полноценный адекватный ответ матери на потребности ребенка, его состояние инфантильной зависимости» (Коряков, 2002, с. 105).

Данные положения подтверждают тот факт, что в депривированной ситуации ребенок, испытывающий тревогу в связи с угрозой витальности, воспринимает мать как источник тревоги. Поэтому он пытается защититься от депривированной матери через отчуждение, крайней формой которого, по мнению В. Мухиной и А. Хвостовой (Мухина, Хвостова, 2012), является физическое уничтожение, сопровождающееся яростью. Есть множество подтверждений проявления ярости младенца к матери – агрессивное поведение: интенсивное кусание соска, царапание и сжимание груди. Эмоциональное состояние / аффект ярости формирует соответствующую нейронную сеть и закрепляется в виде потенциально воспроизводимого «следа».

Большинство исследователей ярость ставят в один ряд с гневом / злостью. Ошибка заключается в том, что гнев в отличие от ярости имеет конкретный объект. Гнев – когнитивно обусловленное эмоциональное состояние. В клинической практике пациенты сообщают о том, что гнев / злость проявляются в ответ на неоправданные ожидания: «Я злюсь на ребенка, когда он своевременно не выполняет моих требований». К выводу о том, что гнев имеет когнитивную обработку, приходят С. А. Месникович и Т. А. Драздовская: «Также он понимается как защитная эмоциональная реакция, побуждающая человека преодолевать противостоящие ему реальные или воображаемые силы» (Месникович, Драздовская, 2006, с. 25). Причины, вызывающие гнев, осмыслены субъектом – боль, аверсивная стимуляция, нарушение интрапсихических границ и т. п. Человек может гневаться в результате неправильной интерпретации поведения других людей или социальных процессов. Принципиальные различия гнева и ярости фиксируются как на эмоциональном, так и на лингвистическом/символическом уровне: «через призму мышления, сознания и познавательной деятельности человека» (Сердюкова, 2022, с. 233).

Ярость наступает мгновенно, тогда как гнев развивается постепенно и человек способен отследить динамику развития гнева продолжительностью от секунды до нескольких минут. Следовательно, гнев поддается когнитивному контролю, а его источник – устранению, как отмечает П. Экман (Экман, 2011).

Следующим аффектом, производным от тревоги, по нашему мнению, является стыд. З. Фрейд в работе «Толкование сновидений» (Фрейд, 2003) описывает феноменологию стыда и связывает причину стыда с табуированными желаниями. Эрик Эриксон в работе «Детство и общество» (Эриксон, 2000) этиологически относил стыд к анальному этапу развития, коррелирующему со способностью формирования самоконтроля при дефекации. Карен Хорни считала, что стыд обусловлен культурными предписаниями (Хорни, 2000).

Марио Якоби пишет: «Стыд – это эмоция, внутренне присущая всем человеческим существам» (Якоби, 2016, с. 91). В исследованиях S. S. Tomkins (Tomkins, 1963) сообщается о том, что стыд, по внешним проявлениям, регистрируется у детей уже в возрасте 6–8 месяцев. Шестимесячный ребенок при встрече с посторонним человеком испытывает тревогу и демонстрирует соответствующее поведение: «Он может “застенчиво: прикрывать глазки – закрывать их руками, прикрывать лицо краем одежды, вытягиваться ничком на кровати и скрывать свое лицо одеялом, а может заплакать и закричать» (Якоби, 2016, с. 93). М. Якоби такое поведение связывал с тем, что Р. Шпиц называл «тревогой восьмимесячного ребенка» (Шпиц, Коблинер, 2006). Однако, опираясь на индикативное поведение младенца, мы не можем сделать достоверный вывод о том, что переживает ребенок – стыд или страх другого. Аппроксимированно мы полагаем, что перечисленные паттерны имеют сходство с поведением взрослого и младенца, в том числе в то время, когда возникает аффект стыда, функционирующий как психическая защита, и «предупреждает дальнейшее проявление слабости и отсутствия контроля над ситуацией и помещает самость в безопасное, закрытое для

посторонних, спрятанное место, где она может восстановиться. В этом смысле стыд выполняет функцию психического щита» (Асанов, 1997, с. 262).

В результате исследований работ различных авторов мы приходим к выводу о том, что психогенез стыда рассматривается в феноменологическом ключе – в логике социализации и де-социализации, как это обобщено у А. В. Прокофьева (Прокофьев, 2017) и у Е. Е. Стефанского: «Стыд – это иррациональное психофизиологическое состояние, связанное со страхом нарушения табу» (Стефанский, 2008, с. 181). Но так или иначе все исследователи приходят к выводу о том, что стыд сопряжен с тревогой и в норме является «регулятором дистанции между людьми» (Попова, 2018), защищающим от тревоги.

Наша задача – перевести исследование генеза стыда в плоскость симбиотической коммуникации мать–ребенок, в которой стыд возникает как защита от тревоги. По этому поводу А. В. Прокофьев определяет стыд как «достаточно острое беспокойство» (Прокофьев, с. 67). В данной логике мы отмечаем, что стыд, как и ярость, – аффект защиты от депривированного объекта. Если ярость нацелена на разрушение объекта, то стыд нацелен на отторжение объекта. Стыд возникает как защита от нарушения табу на уничтожение материнской груди, тогда как ярость – нарушение этого табу. Стыд возникает как «страх» перед отказом матери от кормления за проявленную агрессию. Стыд – это неозначенный аффект, побуждающий ребенка «укрыться» от депривированного материнского объекта, что регистрируется в индикативном поведении, описанном выше.

Стыд и чувство вины присущи каждому человеку, но их непросто различить. Иногда стыд используют вместо вины, иногда объединяют с виной. Чтобы развести эти понятия, обратимся к М. Якоби, который в книге «Стыд и истоки самоуважения» пишет следующее: «Чувство вины происходит от этических или моральных норм» (Якоби, 2016, с. 8) в тот момент, когда человек что-то сделал вопреки этим нормам, тогда как стыд «охватывает нас с головы до пят, заставляет чувствовать полную собственную никчемность, когда мы ничего плохого и не делали» (Якоби, 2016, с. 8). Пациенты, сообщающие о переживании стыда, используют словосочетание «окаменел от стыда», «стыд меня парализует», что отсылает к этимологии слова «стыд» (общеславянское *studъ/stydъ*) и означает «сжиматься, цепенеть, коченеть». Отсюда следует, что стыд – неуправляемое эмоциональное состояние, аналогичное тому, которое испытывает младенец в раннем перинатальном возрасте. Осознанное нарушение норм супер-эго приводит к чувству вины, неосознаваемое – к стыду. Но в обоих случаях психика считывает это как конфликт с символической матерью, которая за плохое поведение откажет в кормлении.

Изложенные выше положения находят подтверждение в психокоррекционной работе с помощью метода «Психодинамическая гипнотерапия» с лицами зрелого возраста, страдающими ПРЛ психогенной этиологии, в частности F60.3, F60.6, F60.7. Была проанализирована выборка из шести человек. В результате проведенного структурного интервью у всех участников диагностировано ПРЛ. Среди симптомов особо отмечалась тревога, сопровождающаяся стыдом и яростью.

Метод «Психодинамическая гипнотерапия» основан на психодинамической модели этиологии и патогенеза. Центральным местом этиопатогенеза в психодинамическом подходе является фиксация раннеинфантильного опыта коммуникации ребенок-мать и дальнейшее его отыгрывание в моделях поведения взрослого человека, сопровождающееся переживанием аналогичных аффектов аппроксимированно с тем, как функционирует механизм условного рефлекса. Одним из источников методологического обоснования метода является кортико-висцеральная теория, изложенная в работе К. М. Быкова (Быков, 1947).

В указанном психокоррекционном методе тревога является ключевым этиологическим фактором в генезе аффектов и эмоциональных состояний негативного спектра. Воздействуя

на этиологический фактор в сторону снижения его интенсивности, мы добились ослабления, а в некоторых случаях полного исчезновения ярости, стыда, чувства вины и спонтанного проявления агрессивных импульсов.

Заключение

Анализ имеющихся источников и эмпирических данных позволил нам выявить слабые места в концептуальных положениях теории аффектов; недостаточность разработанности взаимосвязи и генеза аффектов в психодинамическом подходе, дифференциации аффектов на примитивные и зрелые. В результате обобщения имеющихся теоретических данных и аппроксимации с собственным опытом психокоррекционной работы с применением метода «Психодинамическая гипнотерапия» нам удалось приблизиться к пониманию того, какое место тревога занимает в генезе аффектов и эмоциональных состояний негативного спектра и формировании ПРЛ в целом, а именно, тревога – этиологическое основание всех негативных аффектов.

Результаты настоящего исследования показывают, что гипносуггестивный метод «Психодинамическая гипнотерапия» может быть использован при психокоррекции аффективных деструктивных состояний у лиц, переживших чрезвычайные ситуации, в т. ч. находящихся в зоне специальной военной операции, а также для профилактики снижения тревоги, страха, повышения нервно-психической устойчивости перед отправкой в «зону соприкосновения».

Мы понимаем, что наше обоснование выдвинутых гипотез поднимает новые вопросы и требует более детального и глубокого как теоретического, так и эмпирического изучения. Но как бы то ни было, мы считаем, что данный материал послужит основанием для формирования еще одного вектора исследований в психологической науке.

Список литературы

- Аболин, Л. М. (1987). *Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека*. Казань: Изд-во Казанского университета.
- Александров, Ю. И. (2010). *Психофизиология* (3-е изд., доп. и перераб.). Санкт-Петербург: Питер.
- Асанова, Н. К. (1997). *Руководство по предупреждению насилия над детьми*. Москва: ВЛАДОС.
- Бион, У. Р. (2009). *Элементы психоанализа* (пер. с англ.). Москва: Когито-Центр.
- Болотбекова, Э. К., Козубаев, И. А. (2023). Уголовно-правовая и психологическая характеристика убийства в состоянии аффекта. *Вестник Международного Университета Кыргызстана*, 4 (52), 486–491. https://doi.org/10.53473/16946324_2023_4_486
- Быков, К. М. (1947). *Кора головного мозга и внутренние органы*. Москва.
- Власов, М. С., Торопчина, О. В. (2022). Позитивный аффект и негативный аффект как предикторы эмотивных оценок интернет-сленгизмов. *Социо- и психолингвистические исследования*, 10, 14–21.
- Ефремова, О. Н. (2017). Этиология тревоги: философское осмысление. В *Актуальные проблемы современного гуманитарного знания: материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. Участием* (Кемерово, 17 мая 2017 г., стр. 16–19). Кемерово: Кемеровский технологический институт пищевой промышленности (университет).
- Зуйкова, А. А. (2014). *Особенности этиопатогенеза дезадаптивных изменений участников боевых действий*: автореф. дис... д-ра мед. наук. Нижний Новгород.
- Кернберг, О. (2019). *Агрессия при расстройствах личности и перверсиях* (пер. с англ. А. Ф. Ускова). Москва: Класс.
- Коряков, Я. И. (2002). Эволюция родительских образов в психоанализе. *Психологический вестник Уральского государственного университета*, 3, 101–123. EDN ROMJSW.

- Кьеркегор, С. (2010). *Страх и трепет*. Москва: Культурная революция.
- Лакан, Ж. (2010). *Тревога* (Семинар, Книга X (1962/63)) (пер. с фр. А. Черноглазова). Москва: Гнозис, Логос.
- Леонтьев, Д. А. (2003). Экзистенциальная тревога и как с ней не бороться. *Московский психотерапевтический журнал*, 2.
- Лоренц, К. Л. (1994). Агрессия (так называемое «зло») (Б-ка зарубежной психологии, пер. с нем.). Москва: Прогресс, Универс.
- Мазин, В. (2024). Понятия «страха» и «тревоги» в текстах Фрейда. URL: <https://freudproject.ru/?p=12143>
- Маринова, М. М. (2022). Влияние VR-среды на уровень тревожности. *Экспериментальная психология*, 15 (2), 49–58.
- Месникович, С. А., Драздовская, Т. А. (2016). Представления о гнев в контексте психологической науки. *Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук*, 10 (3-2), 23–25. EDN VVZHSR.
- Мухина, В., Хвостов, А. (2012). Отчуждение от других: от ярости и цинизма до хамства. *Развитие личности*, 4, 69–105. EDN REPFHB.
- Мэй, Р. (2001). Смысл тревоги (Б-ка психологии и психотерапии, вып. 89, пер. с англ. М. И. Завалова, А. И. Сибуриной). Москва: Класс.
- Нехорошкова, А. Н., Большевидцева, И. Л. (2016). Нейробиологические предпосылки формирования тревожных состояний. *Вестник САФУ. Сер. Медико-биологические науки*, 3, 24–36.
- Платон (1994). *Собрание сочинений*: в 4 т. Т. 4. Москва.
- Попова, Н. М. (б. д.). Нарциссическая травма и стыд в психотерапии. *Портал Психоаналитики в Санкт-Петербурге*. URL: <http://psychoanalitiki.ru/narcissicheskajatraumaistydyvpsychoterapii.html>
- Прокофьев, А. В. (2017). Социализированная и десоциализированная концепции стыда: их специфика и возможности соединения. *Философия и общество*, 2 (83), 68–86. EDN ZCPEIZ.
- Прокофьев, А. В. (2023). Стыд в моральной философии Джона Локка. *Этическая мысль*, 23 (1), 66–81. EDN VLAELE. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2023-23-1-66-81>
- Ранк, О. (2019). *Травма рождения и ее значение для психоанализа* (пер. Е. Н. Баканова). Москва.
- Решетников, М. М. (2003). *Психодинамика и психотерапия депрессий*. Санкт-Петербург: Восточно-Европейский институт психоанализа.
- Риман, Ф. (1999). *Основные формы страха* (пер. с нем.). Санкт-Петербург: Алетейя.
- Розенберг, Б. (2018). *Мазохизм смерти и мазохизм жизни*. Москва: Когито-центр.
- Рубинштейн, С. Л. (2012). *Основы общей психологии*. Москва: Питер.
- Савченков, А. В. (2018а). *Дискурс как способ становления идентичности субъекта: к феноменологии человеческих способностей*: монография. LAMBERT Academic Publishing.
- Савченков, А. В. (2018b). *Регрессивно-аналитический метод гипноза в клинике психогений и пограничных расстройств личности*: монография. Челябинск: Изд-во Челяб. гос. ун-та.
- Савченков, А. В. (2022). Психологическая модель гипноза: трансовое состояние как результат процесса торможения коры больших полушарий при перегрузке сенсорных систем. *Вестник психотерапии*, 83, 6–18.
- Савченков, А. В. (2023). Факторы риска развития тревожных расстройств. *Вестник психотерапии*, 85, 92–102.

- Сафунов, Ф. С., Макушкин, Е. В. (2013). *Аффект: практика судебной психолого-психиатрической экспертизы*: хрестоматия. Москва: ГНЦССП им. В. П. Сербского.
- Сердюкова, Н. С. (2022). Концепт "гнев/ярость" в английской и русской фразеологии. В *Актуальные проблемы педагогики, психологии и переводоведения*: сборник статей Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 19–20 мая 2022 года, стр. 231–238). Санкт-Петербург: Центр научно-информационных технологий "Астерион".
- Сочивко, Д. В. (2003). *Психодинамика личности в экстремальных условиях жизнедеятельности*: автореф. дис... д-ра психол. наук. Москва.
- Сочивко, Д. В. (2007). *Психодинамика*. Москва: Московский психолого-социальный институт.
- Спиноза, Б. (1957). *Избранные произведения*: в 2 т. Т. 2 (общ. ред. и вступ. статья, стр. 5–77, В. В. Соколова). Москва: Госполитиздат.
- Столлер, Р. Дж. (2016). *Перверсия: эротическая форма ненависти*. Ижевск: ERGO.
- Стефанский, Е. Е. (2008). Стыд как особый вид иррационального страха (на материале русской, польской и чешской лингвокультур). *Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Философия. Филология*, 1 (3), 181–189. EDN NIZTYZ.
- Тайсон, Р. Л. (1990). *Психоаналитические теории развития*. Москва: Университетское психологическое образование.
- Фрейд, З. (1990). Три очерка по теории сексуальности. В *Психология бессознательного* (в перев.) Москва: Просвещение.
- Фрейд, З. (2000). Некоторые типы характеров из психоаналитической практики. В *Зигмунд Фрейд и психоанализ в России* (сост. В. М. Лейбин). МПСИ, МОДЭК.
- Фрейд, З. (2003). *Толкование сновидений* (пер. с нем.). Минск: Попурри.
- Фрейд, З. (2005). *Введение в психоанализ* (в перев.). Харьков: Фолио.
- Фрейд, З. (2005). *Исследования истерии*. Т. 1. (в перев.). Санкт-Петербург.
- Фрейд, З. (2005). Торможение, симптом, тревога. *Психоаналитическая хрестоматия*. В М. В. Ромашкевич (ред.), *Классические труды* (в перев., стр. 74). Москва.
- Фрейд, З. (2005). *Я и оно: сочинения* (в перев.). Москва: Эксмо; Харьков: Фолио.
- Фрейд, З. (2007). В духе времени о войне и смерти. В З. Фрейд (ред.), *Собрание сочинений*: в 10 т. Т. 9 (в перев., стр. 34–60). Москва: СТД.
- Хорни, К. (2000). *Невротическая личность нашего времени. Самоанализ*. Москва.
- Черчен, О. А. (2014). Генез понятия «аффект» в психологии, психиатрии, праве. Под общ. ред. проф. В. Н. Скворцова в *XVIII Царскосельские чтения* (Санкт-Петербург, 22–23 апреля 2014 г., стр. 211–216). Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина.
- Шпиц, Р. А., Коблинер, У. Г. (2006). *Первый год жизни. Психоаналитическое исследование нормального и отклоняющегося развития объектных отношений* (пер. с англ. Л. Б. Сумм, ред. А. М. Боковиков). Москва: Академический Проект.
- Экман, П. (2011). *Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь* (пер. с англ.), 2-е изд. Санкт-Петербург: Питер.
- Эриксон, Э. Г. (2000). *Детство и общество*. Санкт-Петербург: Летний сад.
- Якоби, М. (2016). *Стыд и истоки самоуважения* (пер. с англ. Л. А. Хегай). Москва: Институт общегуманитарных исследований.
- Якобсон, П. М. (1998). *Психология чувств и мотивации*: избр. психол. тр. (под ред. и с предисл. Е. М. Борисовой). Воронеж: МОДЭК.
- Lipai, T. P. (2020). The COVID-19 pandemic: depression, anxiety, stigma and impact on mental health. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 28 (5), 922–927. EDN UPVCWX. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-5-922-927>

- May, U. (2001). Abraham's discovery of the «bad mother»: a contribution to the history of the theory of depression. *International Journal of Psychoanalysis*, 82.
- Tomkins, S. S. (1963). *Affect Imagery Consciousness: Volume II, Negative effects*. Springer Publishing Company.

References

- Abolin, L. M. (1987). *Psichologicheskie mekhanizmy emocional'noj ustojchivosti cheloveka*. Kazan': Izd-vo Kazanskogo universiteta.
- Aleksandrov, Yu. I. (2010). *Psihofiziologiya* (3-e izd., dop. i pererab.). Saint Petersburg: Piter.
- Asanova, N. K. (1997). *Rukovodstvo po preduprezhdeniyu nasiliya nad det'mi*. Moscow: VLADOS.
- Bion, U. R. (2009). *Elementy psihoanaliza* (per. s angl.). Moscow: Kogito-Centr.
- Bolotbekova, E. K., Kozubaev, I. A. (2023). Ugolovno-pravovaya i psichologicheskaya harakteristika ubijstva v sostoyanii affekta. *Vestnik Mezhdunarodnogo Universiteta Kyrgyzstana*, 4 (52), 486–491. https://doi.org/10.53473/16946324_2023_4_486
- Bykov, K. M. (1947). *Kora golovno mozga i vnutrennie organy*. Moscow.
- Vlasov, M. S., Toropchina, O. V. (2022). Pozitivnyj affekt i negativnyj affekt kak prediktory emotivnyh ocenok internet-slengizmov. *Socio- i psicholingvisticheskie issledovaniya*, 10, 14–21.
- Efremova, O. N. (2017). Etiologiya trevogi: filosofskoe osmyslenie. V *Aktual'nye problemy sovremenogo gumanitarnogo znaniya: materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. Uchastiem* (Kemerovo, 17 maya 2017 g., str. 16–19). Kemerovo: Kemerovskij tekhnologicheskij institut pishchevoj promyshlennosti (universitet).
- Zujkova, A. A. (2014). *Osobennosti etiopatogeneza dezadaptivnyh izmenenij uchastnikov boevykh dejstvij*: avtoref. dis... d-ra med. nauk. Nizhnij Novgorod.
- Kyornberg, O. (2019). *Agressiya pri rasstrojstvah lichnosti i perversiyah* (per. s angl. A. F. Uskova). Moscow: Klass.
- Koryakov, Ya. I. (2002). Evolyuciya roditel'skih obrazov v psihoanalize. *Psichologicheskij vestnik Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta*, 3, 101–123. EDN ROMJSW.
- K'erkegor, S. (2010). *Strah i trepet*. Moscow: Kul'turnaya revolyuciya.
- Lakan, Zh. (2010). *Trevoga (Seminar, Kniga X (1962/63))* (per. s fr. A. Chernoglazova). Moscow: Gnozis, Logos.
- Leont'ev, D. A. (2003). Ekzistencial'naya trevoga i kak s nej ne borot'sya. *Moskovskij psihoterapevticheskij zhurnal*, 2.
- Lorenc, K. L. (1994). *Agressiya (tak nazываемое «zlo»)* (B-ka zarubezhnoj psihologii, per. s nem.). Moscow: Progress, Univers.
- Mazin, V. (2024). *Ponyatiya «straha» i «trevogi» v tekstah Frejda*. URL: <https://freudproject.ru/?p=12143>
- Marinova, M. M. (2022). Vliyanie VR-sredy na uroven' trevozhnosti. *Eksperimental'naya psihologiya*, 15 (2), 49–58.
- Mesnikovich, S. A., Drazdovskaya, T. A. (2016). Predstavleniya o gneve v kontekste psichologicheskoy nauki. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i social'no-ekonomicheskikh nauk*, 10 (3-2), 23–25. EDN VVZHSR.
- Muhina, V., Hvostov, A. (2012). Otchuzhdenie ot drugih: ot yarosti i cinizma do hamstva. *Razvitie lichnosti*, 4, 69–105. EDN REPFHB.
- Mei, R. (2001). *Smysl trevogi* (B-ka psihologii i psihoterapii, vyp. 89, per. s angl. M. I. Zavalova, A. I. Siburinoi). Moscow: Klass.
- Nekhoroshkova, A. N., Bol'shevidceva, I. L. (2016). Nejrobiologicheskie predposylki formirovaniya trevozhnykh sostoyanij. *Vestnik SAFU. Ser. Mediko-biologicheskije nauki*, 3, 24–36.
- Platon (1994). *Sobranie sochinenij*: v 4 t. T. 4. Moscow.

- Popova, N. M. (b. d.). Narcissicheskaya travma i styd v psihoterapii. *Portal Psihoanalitiki v Sankt-Peterburge*. URL: <http://psychoanalitiki.ru/narcissicheskajatraumaistydypsychoterapii.html>
- Prokof'ev, A. V. (2017). Socializirovannaya i desocializirovannaya koncepcii styda: ih specifika i vozmozhnosti soedineniya. *Filosofiya i obshchestvo*, 2 (83), 68–86. EDN ZCPEIZ.
- Prokof'ev, A. V. (2023). Styd v moral'noj filosofii Dzhona Lokka. *Eticheskaya mysl'*, 23 (1), 66–81. EDN VLAELE. <https://doi.org/10.21146/2074-4870-2023-23-1-66-81>
- Rank, O. (2019). *Travma rozhdeniya i ee znachenie dlya psihoanaliza* (per. E. N. Bakanova). Moscow.
- Reshetnikov, M. M. (2003). *Psihodinamika i psihoterapiya depressij*. Saint Petersburg: Vostochno-Evropejskij institut psihoanaliza.
- Riman, F. (1999). *Osnovnye formy straha* (per. s nem.). Saint Petersburg: Aletejya.
- Rozenberg, B. (2018). *Mazohizm smerti i mazohizm zhizni*. Moscow: Kogito-centr.
- Rubinshtejn, S. L. (2012). *Osnovy obshchej psihologii*. Moscow: Piter.
- Savchenkov, A. V. (2018a). *Diskurs kak sposob stanovleniya identichnosti sub"ekta: k fenomenologii chelovecheskih sposobnostej*: monografiya. LAMBERT Academic Publishing.
- Savchenkov, A. V. (2018b). *Regressivno-analiticheskij metod gipnoza v klinike psihogenij i pograničnyh rasstrojstv lichnosti*: monografiya. Chelyabinsk: Izd-vo Chelyab. gos. un-ta.
- Savchenkov, A. V. (2022). Psihologicheskaya model' gipnoza : transovoe sostoyanie kak rezul'tat processa tormozheniya kory bol'shih polusharij pri peregruzke sensoryh sistem. *Vestnik psihoterapii*, 83, 6–18.
- Savchenkov, A. V. (2023). Faktory riska razvitiya trevozhnyh rasstrojstv. *Vestnik psihoterapii*, 85, 92–102.
- Safunov, F. S., Makushkin, E. V. (2013). *Affekt: praktika sudebnoj psihologo-psihiatricheskoj ekspertizy: hrestomatiya*. Moscow: GNCSSP im. V. P. Serbskogo.
- Serdyukova, N. S. (2022). Koncept "gnev/yarost'" v anglijskoj i russkoj frazeologii. V *Aktual'nye problemy pedagogiki, psihologii i perevodovedeniya*: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii (Sankt-Peterburg, 19–20 maya 2022 goda, str. 231–238). Saint Petersburg: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij "Asterion".
- Sochivko, D. V. (2003). *Psihodinamika lichnosti v ekstremal'nyh usloviyah zhiznedeyatel'nosti*: avtoref. dis... d-ra psihol. nauk. Moscow.
- Sochivko, D. V. (2007). *Psihodinamika*. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut.
- Spinoza, B. (1957). *Izbrannye proizvedeniya: v 2 t. T. 2* (obshch. red. i vstup. stat'ya, str. 5–77, V. V. Sokolova). Moscow: Gospolitizdat.
- Stoller, R. Dzh. (2016). *Perversiya: eroticheskaya forma nenavisti*. Izhevsk: ERGO.
- Stefanskij, E. E. (2008). Styd kak osobyj vid irracional'nogo straha (na materiale russkoj, pol'skoj i cheshskoj lingvokul'tur). *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Filosofiya. Filologiya*, 1 (3), 181–189. EDN NIZTYZ.
- Tajson, R. L. (1990). *Psihoanaliticheskie teorii razvitiya*. Moscow: Universitetskoe psihologicheskoe obrazovanie.
- Frejd, Z. (1990). Tri ocherka po teorii seksual'nosti. V *Psihologiya bessoznatel'nogo* (v perev.) Moscow: Prosveshchenie.
- Frejd, Z. (2000). Nekotorye tipy harakterov iz psihoanaliticheskoj praktiki. V *Zigmund Frejd i psihoanaliz v Rossii* (sost. V. M. Lejbin). MPSI, MODEK.
- Frejd, Z. (2003). *Tolkovanie snovidenij* (per. s nem.). Minsk: Popurri.
- Frejd, Z. (2005). *Vvedenie v psihoanaliz* (v perev.). Har'kov: Folio.
- Frejd, Z. (2005). *Issledovaniya isterii*. T. 1. (v perev.). Saint Petersburg.
- Frejd, Z. (2005). Tormozhenie, simptom, trevoga. Psihoanaliticheskaya hrestomatiya. V M. V. Romashkevich (red.), *Klassicheskie trudy* (v perev., str. 74). Moscow.

- Frejd, Z. (2005). *Ya i ono: sochineniya* (v perev.). Moskow: Eksmo; Har'kov: Folio.
- Frejd, Z. (2007). V duhe vremeni o vojne i smerti. V Z. Frejd (red.), *Sobranie sochinenij: v 10 t. T. 9* (v perev., str. 34–60). Moskow: STD.
- Horni, K. (2000). *Nevroticheskaya lichnost' nashego vremeni. Samoanaliz*. Moskow.
- Cherchen, O. A. (2014). Genez ponyatiya «affekt» v psilogii, psihiatrii, prave. Pod obshch. red. prof. V. N. Skvorcova v XVIII *Carskosel'skie chteniya* (Sankt-Peterburg, 22–23 aprelya 2014 g., str. 211–216). Saint Petersburg: Leningradskij gosudarstvennyj universitet im. A. S. Pushkina.
- Shpic, R. A., Kobliner, U. G. (2006). *Pervyj god zhizni. Psihoanaliticheskoe issledovanie normal'nogo i otklonyayushchegosya razvitiya ob"ektnyh otnoshenij* (per. s angl. L. B. Summ, red. A. M. Bokovikov). Moskow: Akademicheskij Proekt.
- Ekman, P. (2011). *Psihologiya emocij. Ya znayu, chto ty chuvstvuesh'* (per. s angl.), 2-e izd. Saint Petersburg: Piter.
- Erikson, E. G. (2000). *Detstvo i obshchestvo*. Saint Petersburg: Letnij sad.
- Yakobi, M. (2016). *Styd i istoki samouvazheniya* (per. s angl. L. A. Hegaj). Moskow: Institut obshchegumanitarnyh issledovanij.
- Yakobson, P. M. (1998). *Psihologiya chuvstv i motivacii: izbr. psihol. tr.* (pod red. i s predisl. E. M. Borisovoj). Voronezh: MODEK.
- Lipai, T. P. (2020). The COVID-19 pandemic: depression, anxiety, stigma and impact on mental health. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 28 (5), 922–927. EDN UPVCWX. <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2020-28-5-922-927>
- May, U. (2001). Abraham's discovery of the «bad mother»: a contribution to the history of the theory of depression. *International Journal of Psychoanalysis*, 82.
- Tomkins, S. S. (1963). *Affect Imagery Consciousness: Volume II, Negative effects*. Springer Publishing Company.

Информация об авторе

Александр Витальевич Савченков – председатель Президиума, Президент Ассоциации психодинамиков и гипнологов «Психодинамическая школа клинического гипноза».

About the author

Alexander V. Savchenkov – Chairman of the Presidium, President of Association of Psychoanalysts and Hypnologists "Psychodynamic School of Clinical Hypnosis".

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 28.07.2024

Одобрена после рецензирования 22.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted July 28, 2024

Approved after reviewing August 22, 2024

Accepted October 28, 2024

УДК 159.9.07+316.62

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-350-365

Оценка контрпродуктивного поведения в служебных коллективах органов внутренних дел Республики Узбекистан

Александра Михайловна Иванова

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

Ivanova_alex@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2267-7309

Азизжон Саидкул угли Кодиркулов

Академия МВД Республики Узбекистан

(Ташкент, Республика Узбекистан)

kodirkulovaziz@gmail.com

ORCID: 0009-0008-2664-5604

Аннотация

Введение. Систематические опоздания, игнорирование предписаний организации и руководства, волокита, подлог документов, моббинг и т. д. наблюдаются в той или иной степени в государственных и коммерческих организациях. Формы поведения, отклоняющегося от принятых в организации норм и этических принципов, исследователями объединены в феномен «контрпродуктивное поведение». Оценка и прогнозирование контрпродуктивных тенденций в служебных коллективах органов внутренних дел (далее – ОВД) служит задачам повышения эффективности профессиональной деятельности, улучшения имиджа правоохранительных органов, предотвращения коррупционных и иных правонарушений, профилактики деструктивного поведения. **Методы исследования.** На основе процедур психосемантического эксперимента, предложенных В. Ф. Петренко, разработана авторская психосемантическая методика применительно к выявлению риска контрпродуктивного поведения сотрудников ОВД. Также применялись методы экспертной оценки, контент-анализа и тестирования (опросник «Индивидуальное выполнение работы», опросник «Темная триада»). Математико-статистическая обработка результатов исследования проводилась при помощи пакета прикладных программ Microsoft Office Excel 2015 и статической программы SPSSv.22. Достоверность полученных статистических данных оценивалась с помощью показателя значимости различий. Интерпретировались результаты, превышающие значения на уровне достоверности ($0,01 < p$) и ($0,001 < p$). **Результаты.** Проанализированы теоретические и методологические подходы к изучению контрпродуктивного поведения. Обоснована необходимость изучения специфики форм контрпродуктивного поведения в контексте профессиональной деятельности, в т. ч. служебной деятельности сотрудников ОВД. Показано, что выделенный экспертами перечень поступков (всего 32) оригинальной методики всесторонне характеризует специфические для сотрудников МВД Республики Узбекистан формы контрпродуктивного поведения и соответствует

условию равномерно представлять встречающиеся в среде сотрудников ОВД формы нарушения социальных и корпоративных норм поведения. Полный перечень контрпродуктивных действий, совершаемых сотрудниками ОВД, в представлении опрошенных сотрудников МВД Республики Узбекистан подразделяется на: 1) оцениваемые нейтрально; 2) оцениваемые негативно, но осуществляемые регулярно; 3) оцениваемые как неприемлемые. Психосемантические основания категоризации контрпродуктивных действий могут служить маркерами уровня развития профессионального сознания отдельных сотрудников ОВД и уровня развития корпоративной культуры в конкретном подразделении.

Ключевые слова

контрпродуктивное поведение, контрпродуктивные действия, контрпродуктивные тенденции, оценка, прогнозирование

Для цитирования: Иванова, А. М., Кодиркулов, А. С. угли (2024). Оценка контрпродуктивного поведения в служебных коллективах органов внутренних дел Республики Узбекистан. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 350–365. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-352-367.

Original paper

Assessment of counterproductive behavior of law enforcement agencies' teams of the Republic of Uzbekistan

Alexandra M. Ivanova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

Ivanova_alex@mail.ru

ORCID: 0000-0002-2267-7309

Azizjon S. Kodirkulov

Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan

(Tashkent, Republic of Uzbekistan)

kodirkulovaziz@gmail.com

ORCID: 0009-0008-2664-5604

Abstract

Introduction. Problems of being systematically late, neglecting the orders of the organization and the authorities, red tape, forgery of documents, mobbing, etc. are common to varying degrees in public and commercial organizations. The researchers examine the phenomenon of 'counterproductive behaviour' comprising of the forms of behaviour that deviate from the norms and ethical principles recognised by the organisation. The assessment and forecasting of counterproductive dynamics in law enforcement teams serves the purpose of increasing the efficiency of professional activities, improving the image of law enforcement agencies, preventing corruption and other offences, and preventing destructive behaviour. **Research Methods.** Analysis of the psychosemantic experiment procedures proposed by V.F. Petrenko was used to develop the authors' psychosemantic methodology to identify the risk of counterproductive behaviour of law enforcement officers. The methods of expert assessment, content analysis and testing (questionnaire "Individual Performance", questionnaire "Dark Triad") were also

used. Mathematical and statistical processing of the study results was carried out by means of Microsoft Office Excel 2015 and statistical programme SPSSv.22. The validity of the obtained statistical data was assessed with the indicator of significance of differences. The results above the significance level ($0.01 < p$) and ($0.001 < p$) were interpreted. **Results.** The paper analyses theoretical and methodological approaches to the study of counterproductive behaviour. The authors justify the necessity of studying the distinctive forms of counterproductive behaviour in the context of professional activity, including law enforcement officers' duties. According to the expert sample of the original methodology, the list of actions (32 in total) fully characterises the particular forms of counterproductive behaviour typical for the officers of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan and corresponds to the condition to represent equally the forms of violation of social and organisational norms of behaviour among law enforcers. The full list of counterproductive actions committed by law enforcement officers, as presented by the respondents of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan, is divided into: 1) assessed neutrally; 2) assessed negatively but carried out regularly; 3) assessed as unacceptable. The psychosemantic basics of categorisation of counterproductive actions can serve as markers of the level of development of professional consciousness of a particular law enforcer and the level of development of organisational culture in a particular unit.

Keywords

counterproductive behaviour, counterproductive actions, counterproductive trends, assessment, prediction

For citation: Ivanova, A. M., Kodirkulov, A. S. (2024). Assessment of counterproductive behaviour of law enforcement agencies' teams of the Republic of Uzbekistan. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 352–367. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-350-365.

Введение

Контрпродуктивное поведение как целостный концепт начало оформляться относительно недавно, но за счет актуальности и исследовательского интереса изучается большими группами специалистов из различных стран. Контрпродуктивное поведение на рабочем месте противоречит организационным нормам и приводит к снижению благосостояния организации и тех, кто в ней работает, негативно влияя как на сотрудников, так и на организацию в целом. Контрпродуктивное поведение приводит к финансовым потерям, например, из-за краж или мошенничества (Li & Chen, 2018), а также вредит сотрудникам, на которых направлено такое поведение, среди прочих результатов, увеличивая прогулы и межличностные конфликты среди коллег (Lee, Liu, Maertz, 2022), снижая показатели благополучия и производительности (Low, Sambasivan, Ho, 2019). Контрпродуктивное поведение проявляется в каждой организации из-за несовершенной природы человека и сложности предугадать его реакцию на различные условия и требования профессиональной среды.

За 30 лет интенсивной работы исследователи, опираясь на различные методологические основания, выделили общие формы и детерминанты контрпродуктивного поведения, разработали классификации и способы оценки (прогнозирования) контрпродуктивности в организациях, увеличив границы изучаемого феномена. Анализ различных подходов к осмыслению феномена контрпродуктивного поведения указывает на разночтения по трем ключевым вопросам.

Что понимается под контрпродуктивным поведением сотрудника и какие действия отнести к категории контрпродуктивных?

Какие факторы детерминируют контрпродуктивность сотрудника: индивидуально-личностные особенности, организационная (корпоративная) культура, стиль руководства в организации или профессиональный стресс?

Как оценивать и прогнозировать контрпродуктивные тенденции в организации?

Контрпродуктивное поведение на рабочем месте представителей различных профессиональных групп имеет как схожие черты, так и специфические. Тип организации формирует особенности совместной деятельности, структуры, а также корпоративные нормы и культуру. Учитывая большое разнообразие и количество профессий, невозможно обозначить универсальное определение контрпродуктивного поведения и единый список контрпродуктивных действий для анализа и оценки. В рамках каждой профессиональной группы складывается собственное понимание данного феномена, которое тем не менее объединено тремя признаками. Во-первых, контрпродуктивное поведение должно быть умышленным, а не случайным. Во-вторых, потенциально наносить вред, хотя и не обязательно иметь негативные последствия. В-третьих, контрпродуктивные действия противоречат законным интересам организации.

Исследования показывают: несмотря на то, что в той или иной степени контрпродуктивное поведение встречается в каждой организации, то, как сотрудники реагируют на организационные факторы (приверженность, справедливость), и типы действий, которые они совершают, часто зависят от конкретной профессии. Следовательно, важно изучать специфику контрпродуктивных тенденций в контексте профессиональной деятельности, и правоохранительная деятельность не является исключением. Хотя многие действия, совершаемые сотрудниками ОВД, могут быть похожи на действия работников иных государственных учреждений, некоторые специфические функции отличают их в силу предоставленных им властных полномочий. Так, специфической формой контрпродуктивного поведения сотрудников ОВД можно считать самосаботаж. В общих чертах самосаботаж можно охарактеризовать как контрпродуктивное или зловредное поведение, которое препятствует собственному успеху, блокирует достижение собственных целей и/или способствует собственному дистрессу или функциональным нарушениям. Случаи даже незначительного самосаботажного поведения иногда могут указывать на то, что сотрудник ОВД движется по траектории к более деструктивному поведению.

Факторы контрпродуктивности на рабочем месте по-прежнему остаются предметом научной дискуссии. Сторонники личностного подхода предполагают, что в организации всегда присутствуют сотрудники заведомо контрпродуктивные в силу индивидуально-личностных особенностей (Miao et al., 2023; Rengifo & Laham, 2022; Palmer et al., 2017). В своем мета-анализе Е. Н. ОBoyle и др. выдвинули гипотезы о взаимосвязи между шкалами «Темной триады» и контрпродуктивным поведением. Их результаты показали, что контрпродуктивные тенденции слабо связаны с психопатией (скорректированный $r = .06$ на основе 27 выборок), умеренно – с макиавеллизмом (скорректированный $r = .25$ на основе 13 выборок) и относительно сильно – с нарциссизмом (скорректированный $r = .43$ на основе 9 выборок). Результаты также показали, что из двух факторов (авторитет и культура) культура оказывает максимальное воздействие. Взаимосвязь между нарциссизмом и контрпродуктивностью была несколько слабее в коллективистских культурах (OBoyle et al., 2012). Вышеизложенные выводы позволяют сделать несколько заключений. Во-первых, прямая взаимосвязь между нарциссизмом и контрпродуктивностью является по меньшей мере умеренной. Во-вторых, те факторы, которые были рассмотрены в данном анализе, не выявили существенного эффекта и не увеличили сколько-нибудь заметно силу этой связи. В-третьих, вероятно, существуют и другие посредники/модераторы в отношениях между «Темной триадой» и контрпродуктивным поведением.

S. M. Spain и его коллеги утверждают, что индивиды с высоким баллом по одному из показателей «Темной триады» могут проявлять желание участвовать в неэтичном поведении; однако остается открытым вопрос, при каких обстоятельствах они действительно будут совершать подобные действия. По мнению указанных авторов, это открытые вопросы, которые требуют дальнейшего изучения (Spain, Harms & LeBreton, 2014). Аналогичные рассуждения приводит

и В. Schyns, который пришел к выводу, что необходимо установить связь между «темной личностью» и поведением, а также изучить условия, при которых черты темной триады личности могут быть адаптивными (Schyns, 2015).

Структурный подход рассматривает контрпродуктивные проявления как следствие неблагоприятной организационной культуры (Gundhus et al., 2022; Suseno et al., 2021; Suyasa, 2017). В исследовании взаимосвязи компонентов организационной культуры и форм контрпродуктивности в подразделениях полиции Испании установлено, что переживание ролевых конфликтов интенсифицируют эмоциональное выгорание сотрудников и провоцируют враждебные (контрпродуктивные) проявления в служебных коллективах (López-Cabarcos et al., 2023). Напротив, поддержанию надежности и лояльности сотрудников полиции способствует ряд организационных условий: качественные межличностные отношения, открытая коммуникация и прозрачность процедур принятия решений. Следует, однако, учитывать, что «правила и традиции конкретного полицейского коллектива могут существенно отличаться от нормативных, провозглашаемых ведомством, слепая приверженность каковым способствует формированию «оппозиционной криминальной субкультуры», защищающей полицейских, вовлеченных в преступную деятельность, и являющейся контрпродуктивной» (Иванова, Кодиркулов, 2024, с. 152).

Функциональный подход в качестве главной детерминанты контрпродуктивного поведения сотрудников рассматривает стиль руководства в организации. Отмечается, что руководитель своими целенаправленными или случайными действиями может создать благоприятную почву для контрпродуктивности. Так, результаты исследования, проведенного среди сотрудников пакистанской полиции (Murad et al, 2021), согласуются с данными, ранее полученными израильскими исследователями (Brender-Ilan Y, Sheaffer Z. 2019), и подтверждают опосредующую связь между деструктивным лидерством и контрпродуктивным поведением на службе.

Копинг-подход в детерминации контрпродуктивности начал формироваться относительно недавно, в нем главными провоцирующими факторами полагаются профессиональный стресс и выгорание (O'Brien, Henson, Voss, 2021; Striler, Shoss & Jex, 2021; Suroso, Gal, Anggraeni, 2020). Показано, что чрезмерное воздействие профессиональных стрессоров может усиливать риски контрпродуктивности как проявления неадаптивной стратегии совладающего поведения. Однако и невозможность в полной мере приложить свои физические и когнитивные способности при исполнении служебных обязанностей, влекущая за собой аффективное переживание скуки, согласно данным европейских исследователей, может провоцировать контрпродуктивные тенденции (Spanouli et al., 2023).

Признаки эмоционального или психологического стресса часто проявляются в поведении симптомами самосаботажа как специфической формы контрпродуктивного поведения (например, симптомы избегания острого или посттравматического стресса, проявляющиеся в неявке на смены или других формах избегания служебной деятельности). Исследователи саморазрушающего поведения сотрудников полиции Lewis Z. Schlosser и Thomas E. Coghlan отмечают, что путь сотрудника к суициду как континуум саморазрушающего поведения, который прослеживается от «безобидных», менее серьезных форм контрпродуктивного поведения (например, волокита, несоблюдение сроков; упрямый отказ соблюдать основные правила униформы) через длительное использование неадаптивных механизмов совладания (например, злоупотребление алкоголем; сексуальная распущенность; чрезмерная азартная игра) до точки разрушения собственного счастья изнутри и кульминации в самоубийстве – окончательном внутреннем саботаже (Schlosser & Coghlan, 2023).

Следует отметить, что существующие типологии еще не включают технологически опосредованные действия контрпродуктивного характера. Поскольку внедрение новых технологий

в организациях постоянно растет, а персональные информационно-технологические устройства становятся все более распространенными среди большинства людей, сотрудники одновременно находят способы контрпродуктивного использования этих технологий (например, киберлофтинг или «кибербезделье», использование рабочего времени и технологических ресурсов для решения личных задач, участие в незаконной или противозаконной деятельности с использованием рабочих устройств). Вполне логично, что контрпродуктивное поведение, опосредованное информационно-коммуникационными технологиями, обладает уникальными характеристиками.

Оценка и прогнозирование контрпродуктивных тенденций связаны с детерминирующими факторами. Так, при использовании личностного подхода принято выделять индивидуально-психологические черты личности, провоцирующие контрпродуктивные действия на рабочем месте (Zheng, 2019; Kehr, 2004). При структурном и функциональном подходах принято изучать социально-психологический климат в организации, действия и компетентность руководителя (Mehmood et al., 2023; Low, Sambasivan, Ho, 2019; Li & Chen, 2018). Копинг-подход направлен на выявление показателей профессионального выгорания и адаптивности (Penney, Spector & Fox, 2003).

Зарубежный опыт исследований дает эмпирическое подтверждение представленности контрпродуктивного поведения в полицейской среде и его негативных последствий для эффективности оперативно-служебной деятельности, что в свою очередь требует разработки психодиагностического инструментария изучения контрпродуктивного поведения сотрудников органов внутренних дел.

Организация и методы исследования

При разработке методики выявления контрпродуктивного поведения сотрудников ОВД в качестве гипотезы выдвинуто предположение о том, что феномен контрпродуктивного поведения и поиск факторов, его обуславливающих, должны рассматриваться с учетом представлений сотрудников различных подразделений. Представление и отношение к контрпродуктивному поведению выступает предиктором реального поведения, предопределяет поступки и принятие решения. Контрпродуктивное поведение сотрудников МВД Республики Узбекистан проявляется в специфических формах. Методом оценки риска контрпродуктивного поведения сотрудников МВД Республики Узбекистан может служить психосемантический анализ с применением авторской методики «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД».

Исследование следует рассматривать как пилотажное, направленное на апробацию нового для данной профессиональной группы диагностического инструментария, а представленную выборку как репрезентативную, но ограниченную в объемах. Исследование проводилось на базе одного из управлений МВД Республики Узбекистан, объем выборки (n) составил 98 сотрудников ОВД. В ходе исследования респонденты были разделены на две группы: группа «контрпродуктивные сотрудники» (n = 51) и группа «нормативные сотрудники» (n = 47). Мерой измерения контрпродуктивности послужил внешний критерий – включенность сотрудников в «группу риска»¹ из-за различных нарушений служебной дисциплины, неэтичного поведения по отношению к коллегам и гражданам, высокой конфликтности.

Для решения задач психологического исследования по алгоритму «множественной идентификации», предложенному В. Ф. Петренко (Петренко, 1988), была разработана авторская психосемантическая методика «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД».

¹ Приказ МВД Республики Узбекистан от 10.04.2023 №185 «О внедрении качественно новой системы психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел» (2023).

Методика позволяет выделить и оценить особенности семантической структуры представлений сотрудников ОВД о контрпродуктивном поведении, а также профессиональные стереотипы сотрудников. Сопоставление ролевых позиций и выявление стоящих за ними идентификаций проводилось через описание контрпродуктивных поступков. Испытуемым предъявлялся список поступков и предлагалось оценить вероятность совершения того или иного поступка для каждой из представленных ролевых позиций. Согласно изложенным требованиям, выбор поступков осуществлялся группой экспертов ($n = 8$). В качестве экспертов выступали действующие сотрудники ОВД разных специальностей с выслугой более 15 лет, успешные в своей профессиональной деятельности, а также заслуженные ветераны МВД Республики Узбекистан. Перед экспертами была поставлена задача выделить действия или поведение, которые негативно отражались на эффективности совместной служебной деятельности, ухудшали социально-психологический климат в подразделении, демотивировали и наносили ущерб подразделению, но при этом не могли быть однозначно квалифицированы. Полученные ответы соотносились с классификациями контрпродуктивного поведения зарубежных авторов и в качестве утверждений были использованы при формировании авторской психосемантической методики. Контент-анализ позволил выделить 32 характерных поступка, отражающих специфические особенности и наиболее часто встречаемые в служебной деятельности сотрудников ОВД Узбекистана формы контрпродуктивного поведения.

Процедура обследования

Сотрудники оценивали вероятность каждого из 32 поступков по 6-балльной шкале (от 1 до 6) со следующих ролевых позиций: 1) Я – сотрудник; 2) Типичный сотрудник; 3) Идеал сотрудника с моей точки зрения; 4) Идеал сотрудника, принятый в подразделении; 5) Отвергаемый (презираемый) тип сотрудника.

Также применялись стандартизированные методики: «Индивидуальное выполнение работы» (Individual Work Performance Questionnaire, IWPQ, Руднова, Корниенко, 2022) и короткий опросник «Темной триады» (SD3) (Егорова, Ситникова, Паршикова, 2015).

Математико-статистическая обработка результатов исследования проводилась при помощи пакета прикладных программ *Microsoft Office Excel 2015* и статической программы *SPSSv.22*. Вычислялись следующие параметры статистик: среднее арифметическое, стандартное отклонение, мода и медиана. По первичным данным авторской методики были выделены интегральные показатели контрпродуктивности путем алгебраического сложения индивидуальных оценок каждого поступка в рамках одной ролевой позиции. С помощью указанных программ осуществлялся сравнительный, факторный и корреляционный анализы. Интерпретировались результаты, превышающие значения на уровне достоверности ($0,01 < p$) и ($0,001 < p$). Первичные данные авторской психосемантической методики подверглись факторизации. Были использованы следующие инструменты факторизации: однофакторный анализ и Варимакс-вращение с нормализацией Кайзера.

Результаты исследования

Контент-анализ ответов экспертов позволил выявить перечень из 32 поступков, характеризующих специфические для сотрудников МВД Республики Узбекистана формы контрпродуктивного поведения. Выделенный набор поступков соответствует условию равномерно представлять встречающиеся в среде сотрудников ОВД формы нарушения социальных и корпоративных норм поведения. Привлечение экспертов обеспечило оценку авторской психосемантической методики на содержательную валидность.

Конструктивная валидность психосемантической методики «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД» оценивалась методом анализа надежности с применением коэффициента

Таблица 1. Результаты анализа надежности авторской психосемантической методики «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД»

Table 1. Results of reliability analysis of the authors' psychosemantic methodology "Counterproductive behaviour of police officers"

№ п/п	Ролевая позиция	Значение коэффициента альфа Кронбаха
1	Я-сотрудник	0,746
2	Типичный сотрудник	0,780
3	Идеал сотрудника с моей точки зрения	0,755
4	Идеал сотрудника, принятый в подразделении	0,561
5	Отвергаемый (презираемый) тип сотрудника	0,855

альфа Кронбаха. Для всей методики в исследуемой выборке сотрудников ОВД Узбекистана проверка согласованности пунктов русскоязычной версии показала высокую степень их согласованности (коэффициент надежности альфа Кронбаха = 0,881). В таблице 1 приведены значения коэффициента надежности альфа Кронбаха отдельно для каждой ролевой позиции.

Слабые показатели надежности по ролевой позиции «идеал сотрудника, принятый в подразделении» требуют дополнительной проверки и, возможно, объяснимы тем, что исследуемая выборка была составлена из сотрудников различных подразделений, в каждом из которых корпоративные нормы могут существенно различаться.

Факторный анализ показателей психосемантической методики выявления контрпродуктивного поведения сотрудников ОВД позволил выделить 14 из 32 поступков в рамках одного фактора, которые характеризуют контрпродуктивное поведение обследуемой выборки:

- допускает неэтичное обращение к коллегам;
- затягивает выполнение распоряжения руководителя;
- помогает близким, родственникам и друзьям, используя свое служебное положение;
- употребляет алкогольные напитки на рабочем месте;
- симулирует недомогание, симптомы болезни для получения больничного и отгулов;
- игнорирует руководителя и его распоряжения;
- допускает нарушения субординации, обращения «через голову», фамильярность;
- систематически опаздывает на службу;
- груб, не сдержан, ругается матом;
- занимается травлей, высмеиванием, преследованием коллег, отпускает злые шутки, распространяет клевету и сплетни;
- подрабатывает, халтурит на стороне;
- занимается предпринимательской деятельностью;
- раскрывает для посторонних детали жизни подразделения в негативном ключе (критика руководства и ведомства) в социальных сетях;
- позволяет себе провокативное, конфликтное поведение (угрозы, попытки шантажа в отношении коллег);
- перекладывает свою работу на других.

Выделенные поступки в представлении сотрудников имеют негативную коннотацию, но тем не менее совершаются.

«Азартные игры, ставки на спорт, микрозаймы и необеспеченные кредиты», а также «предоставление профессиональной помощи за вознаграждение» для опрошенных сотрудников

Таблица 2. Результаты сравнительного анализа показателей опросника «Индивидуальное выполнение работы» (методом t-критерий Стьюдента)

Table 2. Results of comparative analysis of the indicators of the questionnaire “Individual performance of work” (Student’s t-test)

Шкала	Контрпродуктивные сотрудники (n=51)			Нормативные сотрудники (n=47)			Уровень значимости (t-критерий Стьюдента)
	М ± σ	Мода	Медиана	М ± σ	Мода	Медиана	
Контрпродуктивное поведение	15,2 ± 4,03	15	15	12,6 ± 2,74	15	12	0,0002***

Примечание: ***значимые различия между группами при $p \leq 0,001$

ОВД являются неприемлемыми действиями и выступают в качестве критерия контрпродуктивного поведения ролевой позиции «отвергаемый сотрудник».

Выявлен ряд поступков, факторные веса которых ниже порога значимости, т. е. такие действия опрашиваемыми сотрудниками не расцениваются как контрпродуктивные ни с одной ролевой позиции. Опрошенные сотрудники ОВД не считают «нарушение правил дорожного движения», «выполнение личных поручений начальника в рабочее время», «берет» и позволяет «брать» с обслуживаемой территории» контрпродуктивными действиями.

Сравнение методом полярных групп («контрпродуктивные» и «нормативные сотрудники») результатов психодиагностического обследования по шкале «Контрпродуктивное поведение» опросника «Индивидуальное выполнение работы» позволило выявить достоверные количественные различия (таблица 2).

Полученные результаты позволяют предположить, что респонденты из группы «контрпродуктивные сотрудники» в большей степени склонны жаловаться на несущественные трудности, связанные с профессией; придавать большую значимость бытовым проблемам на работе; фокусироваться на негативных аспектах профессиональной деятельности; обсуждать с коллегами и посторонними лицами негативные аспекты своей службы.

Выявленные достоверные корреляционные связи (рисунок 1) индикаторов контрпродуктивного поведения ролевых позиций «Я-сотрудник» и «Типичный сотрудник» авторской психосемантической методики и шкалы «Контрпродуктивное поведение» стандартизированного опросника «Индивидуальное выполнение работы» дают основания для дальнейшей апробации психосемантической методики «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД», подтверждая конструктивную валидность.

Значимая корреляция между ролевой позицией «Я-сотрудник» и «Типичный сотрудник» указывает на то, что данные ролевые позиции являются базовыми смыслообразующими

элементами семантической структуры профессиональной идентичности опрошенных сотрудников ОВД Узбекистана.

Полученные различия по шкале «Макиавеллизм» короткого опросника «Темная триада» в выборке сотрудников ОВД Узбекистана указывают на то, что «нормативные сотрудники» ($p \leq 0,001$) характеризуют себя через макиавеллистические черты. «Контрпродуктивные сотрудники» чаще приписывают себе наличие психопатических черт ($p \leq 0,001$). Нарциссизм также в большей степени свойственен «контрпродуктивным сотрудникам», хотя достоверность различий между показателями групп испытуемых минимально выражена ($p \leq 0,05$) (таблица 3). Полученные данные противоречат результатам, представленным в мета-анализе Oboyle (2012). В целом испытуемые исследуемой выборки характеризуют сотрудника во всех ролевых позициях, кроме «отвергаемый сотрудник», как носителя черт неклинической психопатии (рисунок 2). Характер взаимосвязи темных черт личности сотрудников ОВД и специфических форм контрпродуктивного поведения требует уточнения.

Представленные на рисунке 2 корреляции отражают скрытую систему категоризации контрпродуктивного поведения в выборке сотрудников ОВД Узбекистана. Выделенные из общего перечня 14 контрпродуктивных действий приписываются как минимум четырем ролевым позициям и имеют определенную связь с чертами психопатии. Индикатор контрпродуктивного поведения ролевой позиции «отвергаемый сотрудник» имеет отрицательную корреляционную связь с чертами неклинической психопатии.

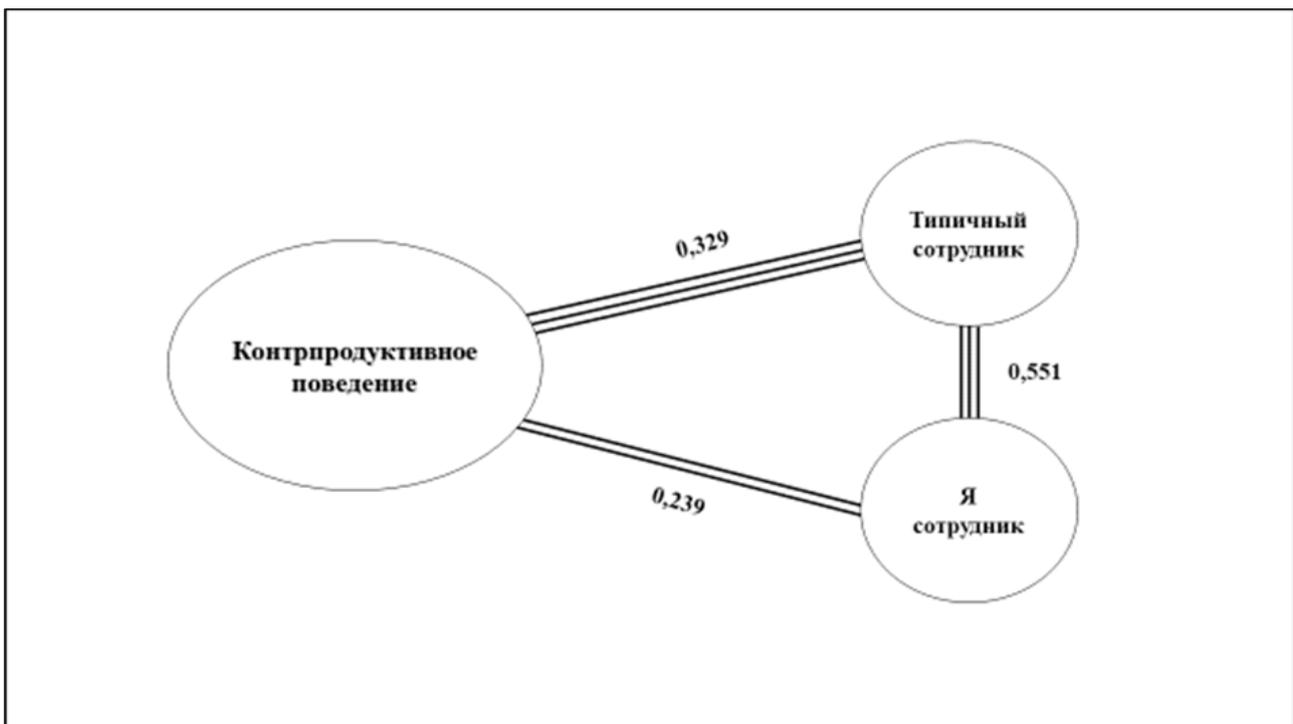

Рис. 1. Корреляционные связи показателей методики «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД» со шкалой «Контрпродуктивное поведение» опросника «Индивидуальное выполнение работы» в выборке сотрудников ОВД Узбекистана

Fig. 1. Correlation between the indicators of “Counterproductive behaviour of police officers” methodology and “Counterproductive behavior” scale of “Individual work performance” questionnaire among police officers of Uzbekistan

Таблица 3. Результаты сравнительного анализа показателей короткого опросника «Темная триада» (методом t-критерий Стьюдента)

Table 3. Results of comparative analysis of indicators of the short questionnaire "Dark Triad" (Student's t-test)

Шкала	Контрпродуктивные сотрудники (n=51)			Нормативные сотрудники (n=47)			Уровень значимости (t-критерий Стьюдента)
	М ± σ	Мода	Медиана	М ± σ	Мода	Медиана	
Макиавеллизм	25,2 ± 5,28	19	25	28,8 ± 4,49	31	29	0,0005***
Нарциссизм	28,6 ± 5,28	26	28	26,7 ± 5,26	30	27	0,0460*
Психопатия	32,6 ± 5,28	27	33	27,3 ± 5,40	23	26	0,00001***

Примечание: *значимые различия между группами при $p \leq 0,05$;
***значимые различия между группами при $p \leq 0,001$

Заключение

Контрпродуктивное поведение – это зловерное поведение, препятствующее высокой эффективности совместной деятельности и достижению целей коллектива, направленное против самого коллектива либо отдельных его членов. Формы контрпродуктивного поведения варьируются от незначительных (например, затягивание выполнения поручения) до серьезных (например, воровство или коррупция). Контрпродуктивное поведение в правоохранительных органах встречается часто и имеет серьезные последствия.

В контрпродуктивном поведении интереснее то, что каждый сотрудник организации в определенных обстоятельствах может прибегнуть к формам контрпродуктивного поведения. В этом случае профилактика должна быть направлена на недопущение таких обстоятельств. Также можно предположить, что к контрпродуктивному поведению имеют склонность лица с определенными личностными диспозициями (носители черт «Темной триады», «Большой Пятерки», с индивидуальной или коллективистской направленностью личности), уровнем сформированности правосознания, копинг-стратегиями и т. д.

Настоящее исследование позволило определить наиболее распространенные среди сотрудников МВД Республики Узбекистан формы контрпродуктивного поведения в служебных коллективах. Установлено, что полный перечень контрпродуктивных действий, совершаемых сотрудниками ОВД, в представлении опрошенных сотрудников МВД Республики Узбекистан подразделяется на: 1) оцениваемые нейтрально; 2) несущие негативную окраску, но осу-

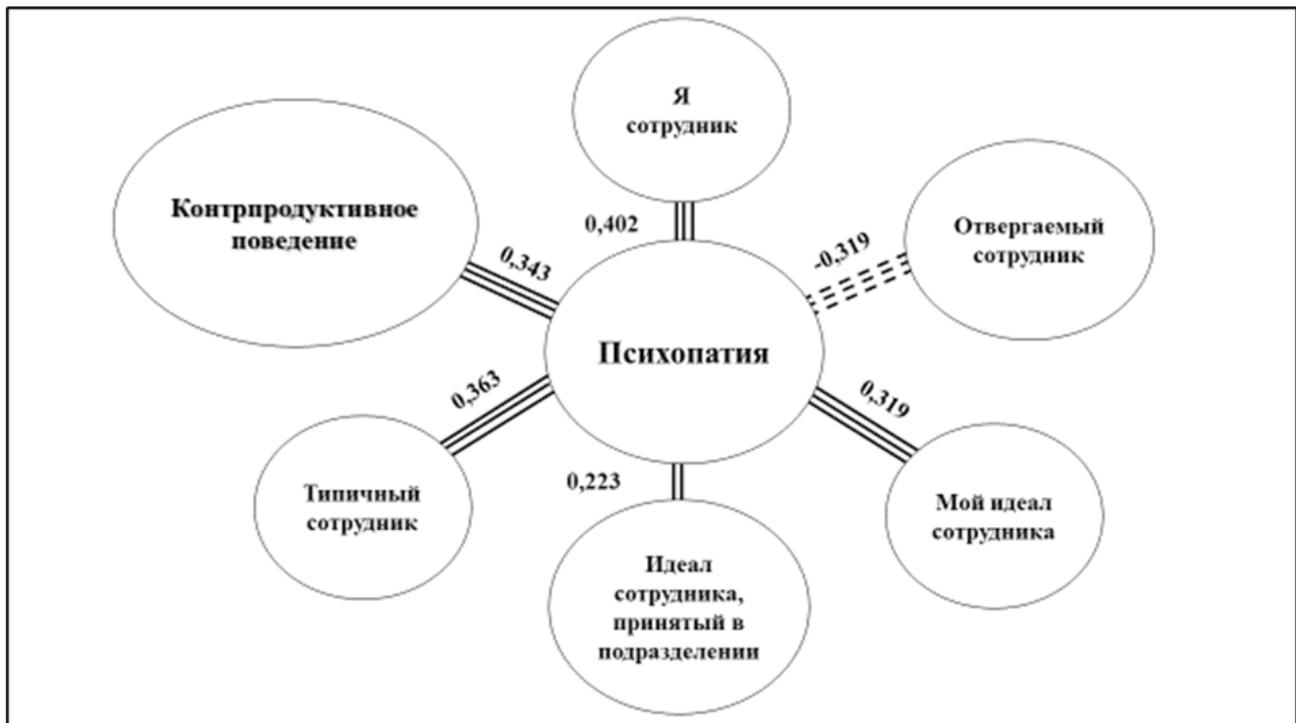

Рис. 2. Корреляционные связи шкалы «Контрпродуктивное поведение» опросника «Индивидуальное выполнение работы» с показателями методики «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД» и шкалой «Психопатия» короткого опросника «Темная триада» в выборке сотрудников ОВД Узбекистана

Fig. 2. Correlation relationships of “Counterproductive behaviour” scale of “Individual work performance” questionnaire with the indicators of the “Counterproductive behavior of police officers” method and the “Psychopathy” scale of the short “Dark Triad” questionnaire in a sample of police officers of Uzbekistan

ществляемые регулярно; 3) оцениваемые как неприемлемые. Психосемантические основания категоризации контрпродуктивных действий могут служить маркерами уровня развития профессионального сознания отдельных сотрудников ОВД и уровня развития корпоративной культуры в конкретном подразделении.

Эмпирически обоснована возможность применения психосемантической методики «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД» с целью выявления риска контрпродуктивных проявлений в коллективах ОВД. Процедуры первичной апробации психосемантической методики «Контрпродуктивное поведение сотрудников ОВД» показали, что работа по адаптации может быть продолжена.

Список литературы

- Егорова, М., Ситникова, М., & Паршикова, О. (2015). Адаптация Короткого опросника Темной триады. *Психологические исследования*, 8 (43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>
- Иванова, А. М., Кодиркулов, А. С. (2024). Организационная культура и контрпродуктивное поведение сотрудников полиции. *Человеческий капитал*, 4 (184), 147–155. <https://doi.org/10.25629/НС.2024.04.15>
- Петренко, В. Ф. (1988). *Психосемантика сознания*. Москва: Издательство Московского университета.

- Руднова, Н., & Корниенко, Д. (2022). Психометрические характеристики опросника «Индивидуальное выполнение работы». *Психологические исследования*, 15 (84), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v15i84.1171>
- Brender-Ilan, Y, Sheaffer, Z. (2019). How do self-efficacy, narcissism and autonomy mediate the link between destructive leadership and counterproductive work behaviour. *Asia Pac Manag Rev*, 24 (3), 212–222. <https://doi.org/10.1016/j.apmrv.2018.05.003>
- Gundhus, H. O., Talberg, O. N., & Wathne, C. T. (2022). False Reporting in the Norwegian Police: Analyzing Counter-productive Elements in Performance Management Systems. *Criminal Justice Ethics*, 41, 191–214. <https://doi.org/10.1080/0731129X.2022.2146321>
- Kehr, H. M. (2004). Integrating implicit motives, explicit motives, and perceived abilities: The compensatory model of work motivation and volition. *Academy of Management Review*, 29, 479–499.
- Lee, S. B., Liu, S. H., & Maertz, C. (2022). The relative impact of employees' discrete emotions on employees' negative word-of-mouth (NWOM) and counterproductive workplace behavior (CWB). *The Journal of Product & Brand Management*, 31 (7), 1018–1032. <https://doi.org/10.1108/JPBM-07-2021-3555>
- Li, S., & Chen, Y. (2018). The Relationship Between Psychological Contract Breach and Employees' Counterproductive Work Behaviors: The Mediating Effect of Organizational Cynicism and Work Alienation. *Frontiers in Psychology*, 9, 1273. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01273>
- López-Cabarcos, M. Á., López-Carballeira, A., & Ferro-Soto, C. (2023). How to Prevent Hostile Behaviors and Emotional Exhaustion among Law Enforcement Professionals: The Negative Spiral of Role Conflict. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20 (1), 863. <https://doi.org/10.3390/ijerph20010863>
- Low, Y. M., Sambasivan, M., & Ho, J. A. (2019). Impact of abusive supervision on counterproductive work behaviors of nurses. *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 59 (2), 250–278. <https://doi.org/10.1111/1744-7941.12234>
- Mehmood, S. A., Malik, A. R., Nadarajah, D., & Saood Akhtar, M. (2023). A moderated mediation model of counterproductive work behaviour, organisational justice, organisational embeddedness and psychological ownership. *Personnel Review*, 52 (1), 183–199. <https://doi.org/10.1108/PR-05-2021-0330>
- Miao, Y., Wang, J., Shen, R., & Wang, D. (2023). Effects of Big Five, HEXACO, and Dark Triad on Counterproductive Work Behaviors: A Meta-Analysis. *International Journal of Mental Health Promotion*, 25 (3). <https://doi.org/10.32604/ijmh.2023.027950>
- Murad, M., Jiatong, W., Shahzad, F., & Syed, N. (2021). The influence of despotic leadership on counterproductive work behavior among police personnel: Role of emotional exhaustion and organizational cynicism. *J. Police Crim. Psychol.*, 36, 603–615. <https://doi.org/10.1007/s11896-021-09470-x>
- OBoyle, E. H., Forsyth, D. R., Banks, G. C., & McDaniel, M. A. (2012). A meta-analysis of the Dark Triad and work behavior: A social exchange perspective. *Journal of Applied Psychology*, 97, 557–579. <https://doi.org/10.1037/a0025679>
- O'Brien, K. E., Henson, J. A., & Voss, B. E. (2021). A trait-interactionist approach to understanding the role of stressors in the personality–CWB relationship. *Journal of Occupational Health Psychology*, 26 (4), 350–360. <https://doi.org/10.1037/ocp0000274>
- Palmer, J. C., Komarraju, M., Carter, M. Z., & Karau, S. J. (2017). Angel on one shoulder: Can perceived organizational support moderate the relationship between the Dark Triad traits and counterproductive work behavior? *Personality and Individual Differences*, 110 (1), 31–37. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.01.018>
- Penney, L. M., Spector, P. E., & Fox, S. (2003). Stress, Personality and Counterproductive Work Behaviour.

- In: Sagie, A., Stashevsky, S., Koslowsky, M. (eds), *Misbehaviour and Dysfunctional Attitudes in Organizations*. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/9780230288829_11
- Rengifo, M., & Laham, S. M. (2022). Big Five personality predictors of moral disengagement: A comprehensive aspect-level approach. *Personality and Individual Differences*, 184, 111176. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111176>
- Schlosser, L. Z., & Coghlan, T. E. (May 17, 2023). "Officer Self-Sabotage". *Police Chief Online*. <https://www.policemagazine.org/officer-self-sabotage/?ref=479bd9c84e367d8642bd0e22ce9b-f70e> (дата обращения: 10.06.2024)
- Schyns, B. (2015). Dark personality in the workplace: Introduction to the special issue. *Applied Psychology: An International Review*, 64 (1), 1–14. <https://doi.org/10.1111/apps.12041>
- Spain, S. M., Harms, P., & LeBreton, J. M. (2014). The dark side of personality at work. *Journal of Organizational Behavior*, 35 (S1), S41–S60. <https://doi.org/10.1002/job.1894>
- Spanouli, A., Hofmans, J., & Dalal, R. S. (2023). Coping with daily boredom: Exploring the relationships of job boredom, counterproductive work behavior, organizational citizenship behavior, and cognitive reappraisal. *Motiv Emot*, 47, 810–827. <https://doi.org/10.1007/s11031-023-10017-2>
- Striler, J., Shoss, M., & Jex, S. (2021). The relationship between stressors of temporary work and counterproductive work behaviour. *Stress and Health*, 37 (2), 329–340. <https://doi.org/10.1002/smi.2998>
- Suroso, A., Gal, T., & Anggraeni, A. I. (2020). Work Stress and Counterproductive Work Behavior. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 14 (12).
- Suseno, Y., Chang, C., Hudik, M., et al. (2021). Why do employees engage in counterproductive work behaviours? Cultural values and white-collar employees in China. *Motiv Emot*, 45, 397–421. <https://doi.org/10.1007/s11031-021-09874-6>
- Suyasa, P. T. Y. (2017). The Role of Quality of Work Life as a Predictor of Counterproductive Work Behavior. *ANIMA Indonesian Psychological Journal*, 32 (3), 169–183. <https://doi.org/10.24123/aipj.v32i3.631>
- Zheng, J. (2019). "Predicting Counterproductive Work Behavior with Explicit and Implicit Measures of Conscientiousness, Agreeableness, and Emotional Stability". *Electronic Theses and Dissertations*, 6329. <https://stars.library.ucf.edu/etd/6329>

References

- Egorova, M., Sitnikova, M., & Parshikova, O. (2015). Adaptaciya Korotkogo oprosnika Temnoj triady. *Psihologicheskie issledovaniya*, 8 (43). <https://doi.org/10.54359/ps.v8i43.1052>
- Ivanova, A. M., Kodirkulov, A. S. (2024). Organizacionnaya kul'tura i kontrproduktivnoe povedenie sotrudnikov policii. *Chelovecheskij kapital*, 4 (184), 147–155. <https://doi.org/10.25629/HC.2024.04.15>
- Petrenko, V. F. (1988). *Psihosemantika soznaniya*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Rudnova, N., & Kornienko, D. (2022). Psihometricheskie karakteristiki oprosnika «Individual'noe vypolnenie raboty». *Psihologicheskie issledovaniya*, 15 (84), 1. <https://doi.org/10.54359/ps.v15i84.1171>
- Brender-Ilan, Y, Sheaffer, Z. (2019). How do self-efficacy, narcissism and autonomy mediate the link between destructive leadership and counterproductive work behaviour. *Asia Pac Manag Rev*, 24 (3), 212–222. <https://doi.org/10.1016/j.apmr.2018.05.003>
- Gundhus, H. O., Talberg, O. N., & Wathne, C. T. (2022). False Reporting in the Norwegian Police: Analyzing Counter-productive Elements in Performance Management Systems. *Criminal Justice Ethics*, 41, 191–214. <https://doi.org/10.1080/0731129X.2022.2146321>

- Kehr, H. M. (2004). Integrating implicit motives, explicit motives, and perceived abilities: The compensatory model of work motivation and volition. *Academy of Management Review*, 29, 479–499.
- Lee, S. B., Liu, S. H., & Maertz, C. (2022). The relative impact of employees' discrete emotions on employees' negative word-of-mouth (NWOM) and counterproductive workplace behavior (CWB). *The Journal of Product & Brand Management*, 31 (7), 1018–1032. <https://doi.org/10.1108/JPBM-07-2021-3555>
- Li, S., & Chen, Y. (2018). The Relationship Between Psychological Contract Breach and Employees' Counterproductive Work Behaviors: The Mediating Effect of Organizational Cynicism and Work Alienation. *Frontiers in Psychology*, 9, 1273. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2018.01273>
- López-Cabarcos, M. Á., López-Carballeira, A., & Ferro-Soto, C. (2023). How to Prevent Hostile Behaviors and Emotional Exhaustion among Law Enforcement Professionals: The Negative Spiral of Role Conflict. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 20 (1), 863. <https://doi.org/10.3390/ijerph20010863>
- Low, Y. M., Sambasivan, M., & Ho, J. A. (2019). Impact of abusive supervision on counterproductive work behaviors of nurses. *Asia Pacific Journal of Human Resources*, 59 (2), 250–278. <https://doi.org/10.1111/1744-7941.12234>
- Mehmood, S. A., Malik, A. R., Nadarajah, D., & Saood Akhtar, M. (2023). A moderated mediation model of counterproductive work behaviour, organisational justice, organisational embeddedness and psychological ownership. *Personnel Review*, 52 (1), 183–199. <https://doi.org/10.1108/PR-05-2021-0330>
- Miao, Y., Wang, J., Shen, R., & Wang, D. (2023). Effects of Big Five, HEXACO, and Dark Triad on Counterproductive Work Behaviors: A Meta-Analysis. *International Journal of Mental Health Promotion*, 25 (3). <https://doi.org/10.32604/ijmhp.2023.027950>
- Murad, M., Jiatong, W., Shahzad, F., & Syed, N. (2021). The influence of despotic leadership on counterproductive work behavior among police personnel: Role of emotional exhaustion and organizational cynicism. *J. Police Crim. Psychol.*, 36, 603–615. <https://doi.org/10.1007/s11896-021-09470-x>
- OBoyle, E. H., Forsyth, D. R., Banks, G. C., & McDaniel, M. A. (2012). A meta-analysis of the Dark Triad and work behavior: A social exchange perspective. *Journal of Applied Psychology*, 97, 557–579. <https://doi.org/10.1037/a0025679>
- O'Brien, K. E., Henson, J. A., & Voss, B. E. (2021). A trait-interactionist approach to understanding the role of stressors in the personality–CWB relationship. *Journal of Occupational Health Psychology*, 26 (4), 350–360. <https://doi.org/10.1037/ocp0000274>
- Palmer, J. C., Komarraju, M., Carter, M. Z., & Karau, S. J. (2017). Angel on one shoulder: Can perceived organizational support moderate the relationship between the Dark Triad traits and counterproductive work behavior? *Personality and Individual Differences*, 110 (1), 31–37. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2017.01.018>
- Penney, L. M., Spector, P. E., & Fox, S. (2003). Stress, Personality and Counterproductive Work Behaviour. In: Sagie, A., Stashevsky, S., Koslowsky, M. (eds), *Misbehaviour and Dysfunctional Attitudes in Organizations*. Palgrave Macmillan, London. https://doi.org/10.1057/9780230288829_11
- Rengifo, M., & Laham, S. M. (2022). Big Five personality predictors of moral disengagement: A comprehensive aspect-level approach. *Personality and Individual Differences*, 184, 111176. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2021.111176>
- Schlosser, L. Z., & Coghlan, T. E. (May 17, 2023). “Officer Self-Sabotage”. *Police Chief Online*. <https://www.policemagazine.org/officer-self-sabotage/?ref=479bd9c84e367d8642bd0e22ce9b-f70e> (дата обращения: 10.06.2024)
- Schyns, B. (2015). Dark personality in the workplace: Introduction to the special issue. *Applied Psychology: An International Review*, 64 (1), 1–14. <https://doi.org/10.1111/apps.12041>

- Spain, S. M., Harms, P., & LeBreton, J. M. (2014). The dark side of personality at work. *Journal of Organizational Behavior*, 35 (S1), S41–S60. <https://doi.org/10.1002/job.1894>
- Spanouli, A., Hofmans, J., & Dalal, R. S. (2023). Coping with daily boredom: Exploring the relationships of job boredom, counterproductive work behavior, organizational citizenship behavior, and cognitive reappraisal. *Motiv Emot*, 47, 810–827. <https://doi.org/10.1007/s11031-023-10017-2>
- Striler, J., Shoss, M., & Jex, S. (2021). The relationship between stressors of temporary work and counterproductive work behaviour. *Stress and Health*, 37 (2), 329–340. <https://doi.org/10.1002/smi.2998>
- Suroso, A., Gal, T., & Anggraeni, A. I. (2020). Work Stress and Counterproductive Work Behavior. *International Journal of Innovation, Creativity and Change*, 14 (12).
- Suseno, Y., Chang, C., Hudik, M., et al. (2021). Why do employees engage in counterproductive work behaviours? Cultural values and white-collar employees in China. *Motiv Emot*, 45, 397–421. <https://doi.org/10.1007/s11031-021-09874-6>
- Suyasa, P. T. Y. (2017). The Role of Quality of Work Life as a Predictor of Counterproductive Work Behavior. *ANIMA Indonesian Psychological Journal*, 32 (3), 169–183. <https://doi.org/10.24123/aipj.v32i3.631>
- Zheng, J. (2019). "Predicting Counterproductive Work Behavior with Explicit and Implicit Measures of Conscientiousness, Agreeableness, and Emotional Stability". *Electronic Theses and Dissertations*, 6329. <https://stars.library.ucf.edu/etd/6329>

Информация об авторах

Александра Михайловна Иванова – заместитель начальника кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Азизжон Саидкул угли Кодиркулов – преподаватель кафедры служебной психологии и профессиональной культуры Академии МВД Республики Узбекистан.

About the authors

Alexandra M. Ivanova – Deputy Head of the Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Azizjon S. Kodirkulov – Lecturer of the Department of service psychology and professional culture, Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Uzbekistan.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 10.07.2024

Одобрена после рецензирования 20.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted July 10, 2024

Approved after reviewing August 20, 2024

Accepted October 28, 2024

УДК 159.9

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-366-381

Взаимосвязь агрессивного поведения и стажа службы сотрудников МВД Республики Ботсвана

Марина Геннадьевна Барина

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
barinova195297@gmail.com
ORCID: 0000-0001-7146-7984

Госегоманг Мосарве

Отдел по гендерным вопросам и защите детей МВД Республики Ботсвана
(Габороне, Ботсвана)
gmosarwe18@gmail.com
ORCID: 0009-0009-1725-4545

Аннотация

Введение. Профессиональная деятельность сотрудника правоохранительных органов зачастую сопряжена с высокими психологическими, физическими нагрузками, многочисленными факторами, провоцирующими агрессивное поведение. Известны примеры неоправданной агрессии сотрудников полиции, которые оказывают негативное влияние на доверие граждан к правоохранительным органам. Длительное профессиональное взаимодействие сотрудников полиции с агрессивными правонарушителями способствует увеличению частоты агрессивного поведения сотрудников правоохранительных органов, в некоторых случаях неоправданного. Цель исследования состояла в выявлении взаимосвязи между агрессивным поведением и длительностью службы сотрудников МВД Республики Ботсвана. **Методы исследования.** При изучении взаимосвязи агрессивного поведения и стажа службы сотрудников полиции Республики Ботсвана использовались теоретические и эмпирические методы, в которые входили следующие методики: опросник Басса-Дарки; методика «Агрессивное поведение» Е. П. Ильина и П. А. Ковалева; опросник «Стиль поведения в конфликте», разработанный К. Томасом. **Результаты.** В статье представлены результаты взаимосвязи агрессивного поведения и стажа службы сотрудников правоохранительных органов Республики Ботсвана. Статистическая обработка материалов исследования выполнена с помощью стандартных статистических процедур. Исследование проведено в Габороне, столице Ботсваны. В нем приняли участие 140 сотрудников полиции Республики Ботсвана со стажем менее пяти лет (70 сотрудников) и более пятнадцати лет (70 сотрудников). Представлены результаты проведенного исследования, показывающие различия агрессивного поведения сотрудников полиции Республики Ботсвана, имеющих стаж службы больше 15 лет, которые демонстрируют более агрессивное поведение, проявляющееся в косвенной физической агрессии, и сотрудников, имеющих небольшой стаж службы, до 5 лет, которые чаще проявляют косвенную вербальную агрессию. В целом показатели агрессивного поведения сотрудников МВД Республики Ботсвана значительно ниже нормативных, что связано со спецификой отбора и службы.

Ключевые слова

агрессивное поведение, сотрудник полиции, агрессивность, стаж службы, косвенная агрессия

Для цитирования: Баринаова, М. Г., Мосарве, Г. (2024). Взаимосвязь агрессивного поведения и стажа службы сотрудников МВД Республики Ботсвана. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 366–381. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-366-381.

Original paper

The relationship between aggressive behaviour and length of service of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Botswana

Marina G. Barinova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

barinova195297@gmail.com

ORCID: 0000-0001-7146-7984**Gosegomang Mosarwe**

Gender and Child Protection Branch of the MIA of the Republic of Botswana

(Gaborone, Botswana)

gmosarwe18@gmail.com

ORCID: 0009-0009-1725-4545**Abstract**

Introduction. The professional activity of a law enforcement officer is often associated with high psychological and physical stress, numerous factors that provoke aggressive behaviour. There are known examples of unjustified aggression by police officers, which have a negative impact on citizens' trust in law enforcement agencies. Long-term professional interaction of police officers with aggressive offenders contributes to an increase in the frequency of aggressive behaviour of law enforcement officers, in some cases unjustified. The purpose of the study was to identify the relationship between aggressive behaviour and the length of service of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Botswana. **Research methods.** When studying the relationship between aggressive behaviour and length of service of police officers of the Republic of Botswana, theoretical analysis and empirical methods were used, which included the following methods: the Bass-Darky questionnaire; the method "Aggressive behaviour" by E.P. Ilyin and P.A. Kovalev; the questionnaire "Style of behaviour in conflict" developed by K. Thomas. **Results.** The article presents the results of the relationship between aggressive behaviour and length of service of law enforcement officers in the Republic of Botswana. Statistical processing of the research materials was carried out using standard statistical procedures. The study was conducted in Gaborone, the capital of Botswana, and involved 140 police officers of the Republic of Botswana, with less than five years of service (70 officers) and more than fifteen years of service (70 officers). The results of the conducted research are presented, showing the differences of aggressive behaviour of police officers of the Republic of Botswana with more than 15 years of service, who demonstrate more aggressive behaviour manifested in indirect physical aggression, and officers with short service record, up to 5 years, who are more likely to show indirect verbal aggression. In general, the indicators of ag-

gressive behaviour of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Botswana are significantly lower than the normative ones, which is due to the specifics of selection and service.

Keywords

aggressive behaviour, police officer, aggressiveness, service experience, indirect aggression

For citation: Barinova, M. G., Mosarwe, G. (2024). The relationship between aggressive behaviour and length of service of employees of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Botswana. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 366–381. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-366-381.

Введение

Профессиональная деятельность сотрудников правоохранительных органов предъявляет высокие требования к соматическому и психологическому здоровью. Специфика профессиональной деятельности сотрудников полиции обусловлена тем, что они постоянно взаимодействуют с гражданами, нарушающими закон и проявляющими агрессивное поведение. Сотрудники полиции обязаны применять к правонарушителям законные меры принудительного характера. При регулярном фрустрирующем влиянии агрессивной антисоциальной среды сотрудник полиции может вербально или поведенчески копировать действия правонарушителей. При длительном взаимодействии сотрудника правоохранительных органов с антисоциальной средой для предотвращения преступлений и задержания сотрудник может начать думать как правонарушитель, и ранее неприемлемые способы поведения постепенно для него становятся приемлемыми.

По мнению Г. И. Уразаевой, сотруднику полиции при взаимодействии с нарушителями необходимо демонстрировать агрессивное поведение, которое не должно проявляться в повседневной жизни. При этом сотрудник правоохранительных органов, у которого отсутствует агрессивное поведение, не сможет в полной мере выполнять свои профессиональные обязанности (Уразаева, 2014).

Агрессия, по мнению З. В. Якимовой, – это временное, ситуативное психоэмоциональное состояние, находясь в котором человек производит деструктивные действия, причиняющие ущерб или направленные на нанесение вреда себе, другому человеку, группе людей, животному или неодушевленному предмету (Якимова, 2021).

Агрессивность – это относительно устойчивая черта характера (свойство личности), выражающаяся в готовности к агрессии, а также в склонности воспринимать и интерпретировать чужое поведение как враждебное. Как и всякое свойство, агрессивность имеет различную степень выраженности: от почти полного отсутствия до ее предельного развития. Именно количество и сила агрессивных проявлений на единицу времени позволяет дифференцировать людей на агрессивных и неагрессивных. Агрессивность, трансформировавшаяся в устойчивую характерологическую черту, находит свое проявление как на вербальном, так и на невербальном уровне (Якимова, 2021).

Под агрессивным поведением мы будем понимать внешне выраженное действие, направленное против другого человека. Обычно такое поведение носит кратковременный (преходящий) характер и меняется в зависимости от особенностей ситуации или смены одной ситуации другой.

По мнению J. M. Ramirez, агрессия состоит из нескольких поведенческих моделей, которые могут быть похожи внешне, но иметь отдельные генетические и нейронные механизмы контроля и стимулироваться различными внешними обстоятельствами. Этот термин имеет множество значений, относится к различным видам поведения. Данный ученый считает, что «агрессия» — это внешнее открытое действие, поведение, а «агрессивное поведение» — это

проявление любой формы конкретного и наблюдаемого вредного поведения по отношению к какой-либо цели (Ramirez, 2006).

Проблема «природа–воспитание», как назвал ее Ф. Бэкон, представляет собой извечный спор между инстинктом – поведением, определяемым изнутри, и влиянием среды. На заре психологии эта проблема была фундаментальной и до сих пор является наиболее популярным предметом обсуждения «агрессии». Сегодня нет строгих установок на интерпретацию агрессивного поведения как исключительно врожденного и инстинктивного, или приобретенного, как реакцию на внешние события, которые оправдывают его. Никто не оспаривает тот факт, что все сложные формы поведения, включая «агрессию», отражают переплетенное взаимодействие наследственных факторов и элементов окружающей среды, которые нелегко разделить, поскольку оба набора влияний имеют тонкое и постоянное взаимодействие на это поведение или, в лучшем случае, произвольное, и потому сложно установить, где заканчивается влияние природы и начинается влияние воспитания.

Г. Харабо определяет агрессию как естественную форму поведения, врожденную, способствующую адаптации, единую для всех животных (Gómez Jarabe, 1999). Она рассматривается как положительная, нормальная реакция на неблагоприятные обстоятельства в рамках самоконтроля, а иногда даже оправданная и полезная для выживания индивидуума или целого вида.

Большинство существующих классификаций человеческой агрессии можно разделить на те, которые основаны на способах выражения, и те, которые описывают ее функции или цели.

А. Басс в 1961 году, изучая агрессию в психологии, предложил классифицировать агрессию в зависимости от активности и таким образом разделил ее на активную и пассивную (Buss, 1961). При активной агрессии производятся какие-то действия, при пассивной они отсутствуют, например, неоказание помощи. Также он разделил агрессию на внутреннюю и внешнюю, т. е. направленную либо на себя, либо на других. Еще одна классификация концентрируется на форме: она может быть физической или вербальной (включающей и невербальную, с пантомимикой и языком тела).

Т. Литтл и П. Хоули предложили модели агрессии, основанные на форме: открытая–скрытая и прямая–косвенная (Little & Hawley, 2002, p. 78–85). Эти авторы определили четыре основных измерения агрессии: прямая или открытая, реляционная или скрытая, косвенная, инструментально-наступательная и реактивно-оборонительная.

Агрессивное поведение исследователи объясняют с помощью биологического, социального и интегративного подходов.

Согласно биологическому подходу, агрессивное поведение является врожденным. Биологические события, которые влияют на агрессию, – это своего рода запрограммированное стремление или спонтанный инстинкт. В самом крайнем варианте агрессия считается исключительно внутренней, инстинктивной и спонтанной. Эта внутренняя сила (или побуждение), отобранная в ходе филогенетической эволюции и переданная потомству через модели наследования. Она часто описывается как «врожденная» и «инстинктивная», являющаяся чем-то неизбежным. Агрессия может проявляться даже при отсутствии внешнего стимула. По мнению Д. Н. Даниелс, М. Ф. Гибула и Д. М. Очберг, «необходимо принять агрессию и насилие как адаптивный инструмент, необходимый для выживания» (Daniels, Gibula, Ochberg, 1970). Если рассматривать агрессию как разрушительное поведение, трудно контролируемое, то главным законом жизни будет «закон джунглей». Насилие – самое радикальное выражение агрессии – будет править миром.

Однако большинство авторов, даже представляя агрессию как инстинкт или влечение, отмечают пластичность инстинктов как фиксированных моделей действия и их положительную

функцию для сохранения личности и вида. То, что инстинктивно и соответствует биологической конституции, не означает, что оно обязательно должно запускаться.

Типичными представителями этого подхода являются психоаналитические, этологические и социобиологические теории.

З. Фрейд в своих ранних работах рассматривал агрессию как реакцию на блокирование либидинозных импульсов автоматически, неизбежно¹. Постепенно он пришел к крайне пессимистической позиции, где агрессия была желанием смерти, врожденным и неизбежным. Агрессия – это деструктивный аналог движущей силы жизни, которая есть у каждого – либидо.

Для К. Лоренца, одного из самых выдающихся представителей школы этологии, агрессия – это спонтанное врожденное инстинктивное влечение, которое можно по-настоящему понять только с помощью филогенетического анализа². Его поведенческая модель показывает гидравлическую систему, которая объясняет поведение за счет воздействия определенной энергии, которая находится в центральной нервной системе. По его мнению, открытые агрессивные действия представляют собой совместную функцию накопления энергии, спонтанно и непрерывно генерируемой с постоянной скоростью, и наличия вызывающих стимулов из окружающей среды. Склонность к агрессии является инстинктивной, а не усвоенной, встроенной в организм, роль окружающей среды состоит в том, чтобы обеспечить ключевые стимулы, которые вызывают борьбу (релизеры) и останавливают ее (контр-релизеры).

Несмотря на то, что, по мнению этологов, агрессия – это врожденная предрасположенность, сильно зависящая от генетики, ей можно манипулировать, возбуждать, доминировать или даже нейтрализовать с помощью опыта или социализации, ее деструктивные эффекты не обязательно неизбежны, что не доказывает, что это полностью приобретенное поведение. Иренеус Эйбль-Эйбесфельд указал, что в долгосрочной перспективе разрядка агрессивных импульсов не только не оказывает катарсического эффекта, но и представляет собой своего рода тренировку агрессии (Eibl-Eibesfeldt, 1989).

Социальные формы могут нейтрализовать агрессивность ритуализацией, а в случае человека – рационализацией, возникновением механизмов умиротворения, формированием эмоциональных связей, личные отношения обычно уменьшают агрессивные проявления. Энергия, связанная с агрессией, является кумулятивной, если она не высвобождается регулярно соответствующими релизерами, внутреннее накопление агрессивного напряжения будет периодически разряжаться в сторону неподходящих релизеров, если только у человека нет соответствующих выпускных клапанов, и спонтанно прорываться в стимульный вакуум.

Э. О. Уилсон, основатель социобиологии, высказал идею о том, что если внешне альтруистическое поведение влечет за собой большие издержки, такие как смерть или бесплодие, то такое поведение будет проявляться только в том случае, если организмы являются близкими родственниками и имеют высокую долю общих генов, гены сохраняются, потому что они вызывают адаптивное поведение (Wilson, 2000). Они адаптивны в той мере, в какой способствуют репродуктивному успеху, тем самым обеспечивая их постоянную представленность в будущих поколениях.

Кроме наследственного, существует еще подход, объясняющий возникновение агрессивного поведения в процессе воспитания, который подчеркивает, что поведение является скорее реакцией на неприятные обстоятельства и преимущественно продуктом внешних условий среды, фрустрирующих, аверсивных и возбуждающих событий. В самой крайней форме отстаивается исключительное влияние социальных факторов, таких как фрустрация и угро-

¹ Фрейд, З. (2024). «Я» и «Оно». *Избранные работы* (перев. Л. Голлербах). Москва: Издательство Юрайт.

² Лоренц, К. (2024). *Агрессия или так называемое зло* (перев. А. Федоров). Москва: Издательство АСТ.

за опасности, и предполагается тотальная пластичность индивида. Фактически индивидуум представлен как «марионетка» или тряпичная кукла, которой можно манипулировать в обществе до бесконечности. Перед лицом крайнего отчаяния, страха, боли, страданий, угроз, провокаций или преследований единственным выходом является проявление безразличного насилия, направленного против всего и вся.

Наиболее показательными теориями этого подхода являются: фрустрация, социальное научение, социальное познание и ассоциативизм.

Гипотеза фрустрации-агрессии отводит ведущую роль обучению в проявлении агрессии: люди учатся совершать агрессивные действия. Авторы предполагали, что человек агрессивен не по своей природе, а из-за разочарования: когда люди расстраиваются, они реагируют агрессивно (Dollard et al., 1939).

Социальное научение А. Бандуры уделяло больше внимания внешнему, экологическому и социальному контексту как источнику агрессии, стремясь понять ее с точки зрения сигналов, реакций, стимулов, подкреплений и наказаний (Bandura, 2023). Оно описывает насилие как включающее в себя широкий спектр поведений, основанных на прошлом опыте, значимо связанных с контекстом, в котором оно происходило и которое сохраняется, потому что имеет смысл для тех, кто ведет себя агрессивно. По сути, помимо биологических факторов он подчеркивает роль непосредственного опыта и обучения через наблюдения в приобретении, подстрекательстве и поддержании агрессивного поведения почти так же, как и во многих других формах социального поведения. Человек может научиться агрессии, наблюдая и подражая модели агрессии, которой он восхищается, при этом подкрепление играет ведущую роль в ее развитии.

Социально-когнитивная гипотеза, хотя и признает вклад в агрессию биологических компонентов, включающих в себя переменные индивидуальные различия, которые можно описать как черту личности, подчеркивает, что агрессия, как и любое другое социальное поведение, контролируется программами, усвоенными в ходе раннего развития посредством наблюдения, подкрепления и личного опыта (Eron, 1994). Эти программы сохраняются в памяти в течение критического периода социализации и используются в качестве ориентиров для поведения и решения социальных проблем. Что касается агрессивных паттернов, то они усваиваются в очень раннем возрасте, между 6–8 годами и очень эффективно, к 8 годам это становится устойчивой характеристикой, и от них трудно отучиться.

Когнитивно-неоассоциационистский подход Л. Берковиц подчеркивает эмоциональные и когнитивные связи агрессии (Berkowitz, 1989). Эмоциональные состояния лучше всего рассматривать как ассоциативную сеть, связывающую чувства, физиологические и двигательные реакции, мысли и воспоминания, которые могут различаться по силе. Активация любого из этих компонентов будет активировать другие компоненты пропорционально степени их связи. Согласно его гипотезе, пока чувство достаточно интенсивно, любой негативный аффект, неприятные чувства, вызванные аверсивным событием, таким как фрустрация, дискомфорт, боль, первоначально активирует одновременно по крайней мере две различные эмоциональные связи: одна связана с бегством, а другая с борьбой. Множество генетических, обучающих и ситуационных факторов определяют, какая тенденция будет доминирующей и в какое время.

Существование наследственных компонентов, влияющих на поведение, не означает, что это поведение детерминировано. Врожденные программы или стратегии сами по себе не создают агрессивности, а только позволяют вести себя агрессивно за счет вовлечения двигательных паттернов, механизмов высвобождения и мотивации и склонностей к обучению, их активация зависит от соответствующих стимулов.

Современные исследователи агрессивного поведения полицейских также неоднозначны в определении его причин и более склонны к интегративному подходу. Рассматривая данное поведение, современные авторы больше внимания уделяют последствиям агрессивного поведения как для полицейских, так и для общества в целом.

Агрессивное поведение полицейских, по мнению Т. Р. Оливейра, приводило к снижению преступности (Oliveira, 2021), агрессивные полицейские стратегии и массовые тюремные заключения способствовали значительному спаду преступности в XX веке в США и Бразилии. Сейчас полицейские в этих странах нередко применяют агрессивные методы, повышающие их самооценку, например, демонстрируют оружие. Большинство граждан воспринимают такие действия как реальную угрозу, что подрывает веру общества в надежность и легитимность полиции (Oliveira, 2021).

В исследовании Ш. Лю отмечено, что агрессивное поведение полицейских в Китае зависит от возраста, образования и подразделения, а также показано, что чем выше образование полицейского, тем больше агрессии он проявляет (Liu, 2023). Традиционные в Китае полицейские субкультуры поддерживают кодекс молчания и агрессивное поведение. Сотрудники полиции оправдывают применение силы при провокационном поведении граждан Китая. При этом, как замечает Л. Шерлли, важно правильно интерпретировать провокации, поскольку это имеет важное значение для имиджа и минимизирует случаи агрессивного поведения полицейских (Shelley, 2022). Он подчеркивает необходимость обучения полицейских правильному реагированию на провокации (Shelley, 2022).

В Австралии, как отмечают М. Маккарти, К. Маклин и др., существуют две формы подготовки полицейских. Более популярная, «Warrior Police» – полицейский-воин, когда полицейских обучают убивать не задумываясь, каждый встречный воспринимается как угроза, а безопасность полицейских ставится выше общественной (McCarthy & McLean, 2023). Второе направление подготовки «Guardian» – страж или опекун. Здесь основное внимание уделяется коммуникации, процессуальному правосудию и безопасности граждан, что способствует одобрению деятельности полиции в обществе. Соответственно, исследование 183 австралийских полицейских офицеров показало, что полицейская деятельность «воинов» связана с агрессивным поведением, восприятием неоднозначных ситуаций как угрожающих, в то время как деятельность «стражей» связана с тактическими решениями и отсутствием агрессивного поведения (McCarthy & McLean, 2023).

А. Де Бак, Д. Л. Раэс и А. Верхаж считают агрессивное поведение полицейских спорным моментом работы и необходимостью исследования факторов, влияющих на применение силы (De Buck, Raes, Verhage, 2024). Возможность агрессивного поведения сотрудника полиции воспринимается как свобода действий полицейских в отношении граждан, что не всегда одобряется обществом.

В то же время Р. Ворден, К. Харрис и М. Ким отмечают, что санкции на неправомерные действия полицейских более жесткие при внутренних бюрократических нарушениях, чем при необоснованном применении силы, что, по их мнению, негласно одобряет агрессивные действия полицейских (Worden, Harris, Kim, 2023).

Исследование агрессивного поведения сотрудников полиции в России показывает, что они правильно определяют признаки агрессивного поведения, адекватно выявляют агрессора, но при выборе способа урегулирования редко используют агрессивные методы, что способствует возрастанию психического напряжения и увеличению деструктивного характера ситуации (Балашова, 2020).

Е. В. Чернышова отмечает, что на увеличение частоты проявлений агрессивного поведения полицейских влияют продолжительность и условия службы, а также возраст. В качестве

причин автор называет личностные особенности и особенности окружающей действительности, агрессивные действия считаются естественными, морально оправданными (Чернышова, 2019). Проявление агрессивного поведения, по мнению Е. В. Чернышовой является одним из главных признаков негативного влияния профессии на личность (Чернышова, 2019).

Н. В. Мешкова и С. Н. Ениколопов с соавторами, анализируя антисоциальную креативность, показали, что ее предиктором у полицейских является враждебность и агрессия, предиктором агрессии является поведенческий компонент, связанный с физической агрессией (Мешкова, Ениколопов, 2020).

Таким образом, агрессивное поведение полицейских больше распространено и больше одобряется в зарубежных странах, чем в России. По нашему мнению, агрессивное поведение сотрудников МВД Республики Ботсвана встречается чаще, чем среди российских сотрудников полиции, и является актуальной проблемой для страны.

Методы исследования

Анализ научной литературы, эмпирические методы. Исследование проводилось с использованием анкеты и психодиагностических методик, изучающих агрессивное поведение: опросника Басса-Дарки; опросника «Стиль поведения в конфликте», разработанного К. Томасом; методики «Агрессивное поведение» Е. П. Ильина, П. А. Ковалева.

Статистическая обработка материалов исследования выполнена с помощью стандартных статистических процедур. Использовались специализированные пакеты прикладных программ *Excel* и *IBM SPSS Statistics 22.0*, математико-статистическая обработка данных включала: проверку нормальности распределения (критерий Колмогорова-Смирнова); вычисление одномерных статистик, сравнительный (Т-критерий Стьюдента) и корреляционный анализ (R-критерий Пирсона).

Результаты

При проведении исследования респондентами были сотрудники полицейской службы Министерства внутренних дел Республики Ботсвана, разделенные на две группы в зависимости от стажа службы: сотрудники, имеющие стаж менее пяти лет (младшие полицейские), возрастной диапазон 20–26 лет, 70 человек, и сотрудники, прослужившие в полиции более пятнадцати лет (старшие полицейские), их возраст был от 35 до 41 года, также 70 полицейских.

При исследовании различий показателей агрессии опросника Басса-Дарки с помощью Т-критерия Стьюдента между полицейскими, имеющими стаж менее 5 лет и более 15 лет, были выявлены значимые отличия по большинству показателей (таблица 1).

Полицейские с большим стажем службы продемонстрировали более высокие значения в использовании косвенной агрессии, т. е. они больше понимают, что не могут проявлять агрессию в отношении граждан, поэтому их агрессия направлена на другое лицо или не имеет направленности, это шутки, злые сплетни, или крик, топание ногами, хлопание дверью и т. п. Склонность к раздражению также больше проявляется у старших полицейских по сравнению с младшими, что выражается во вспыльчивости, резкости и грубости. Обида более выражена у молодых сотрудников полиции Республики Ботсвана, они больше завидуют и ненавидят окружающих, обижены на всех за действительные или мнимые страдания, возможно, потому, что они еще не до конца привыкли к новым требованиям профессиональной деятельности. Более подозрительными являются полицейские, имеющие большой стаж службы, они больше не доверяют и более осторожны по отношению к другим, считая, что граждане намерены причинить им вред. Возможно, это связано с пережитым ими опытом. Старшие полицейские выражают негативные чувства чаще через форму и содержание словесных ответов, чаще кричат,

Таблица 1. Распределение и сравнение показателей агрессии опросника Басса-Дарки среди старших и младших полицейских Республики Ботсвана (Т-критерий Стьюдента)

Table 1. Distribution and comparison of aggression indicators of the Bass-Darky questionnaire among senior and junior police officers of the Republic of Botswana (Student's t-test)

	Старшие полицейские (M±σ)	Младшие полицейские (M±σ)	Достоверность различий (p)
Физическая агрессия	4.47±1.54	4.29±1.30	0.44
Косвенная агрессия	3.97±1.35	2.97±1.48	0.00
Раздражение	4.87±1.45	3.41±1.46	0.00
Негативизм	2.46±1.13	2.4±1.21	0.78
Обида	3.1±0.89	4.77±1.54	0.00
Подозрительность	5.29±2.25	4.43±1.08	0.01
Вербальная агрессия	5.9±1.56	3.91±0.99	0.00
Угрызения совести, чувство вины	5.41±1.23	4.96±1.41	0.04

угрожают, ругаются (вербальная агрессия). Угрызения совести и чувство вины больше проявляется у полицейских, имеющих большой стаж службы, они чаще себя считают плохими или злобными, что свидетельствует о большей «добросовестности». Использование физической силы и негативизм не показали значимых отличий.

В целом можно сказать, что сотрудники полиции Республики Ботсвана не являются агрессивными и не испытывают враждебности. Индекс агрессивности у старших полицейских – 19,21, у младших – 14,58; Индекс враждебности также низкий, у старших – 8,39, а у младших – 9,2.

Следующей методикой, с помощью которой измерялось агрессивное поведение, была методика Е. П. Ильина и П. А. Ковалева. Полученные результаты представлены на рисунке 1.

На рисунке показано, что значимые отличия между полицейскими Республики Ботсвана, имеющими большой стаж службы и имеющими небольшой стаж службы, были обнаружены только по двум шкалам – склонность к косвенной вербальной агрессии ($4,31 \pm 2,34$ и $5,26 \pm 2,97$; $p = 0,04$) и склонность к косвенной физической агрессии ($7,76 \pm 4,49$ и $1,9 \pm 1,40$; $p = 0,00$), причем более опытные чаще используют косвенную физическую агрессию, а менее опытные – косвенную вербальную агрессию. Можно отметить, что полученный в исследовании максимальный показатель говорит об отсутствии агрессивного поведения (гораздо меньше 20 баллов).

Старшие полицейские Республики Ботсвана чаще применяют косвенную физическую агрессию по сравнению с младшими полицейскими, но даже в этом случае мы не можем говорить об агрессивности, т. к. в сравнении с нормой этот показатель гораздо ниже. Показатели, связанные с прямой агрессией – как вербальной, так и физической – значимо не различаются у полицейских, имеющих разный стаж службы.

Для выявления существующих взаимосвязей агрессивного поведения и длительности службы сотрудников полиции Республики Ботсваны был проведен корреляционный анализ между данными, полученными с помощью опросника агрессивности А. Басса и А. Дарки, опросника «Стиль поведения в конфликте», разработанного К. Томасом, и опросником «Агрессивное поведение» Е. П. Ильина, П. А. Ковалева. Взаимосвязь показателей, выявленная с помощью

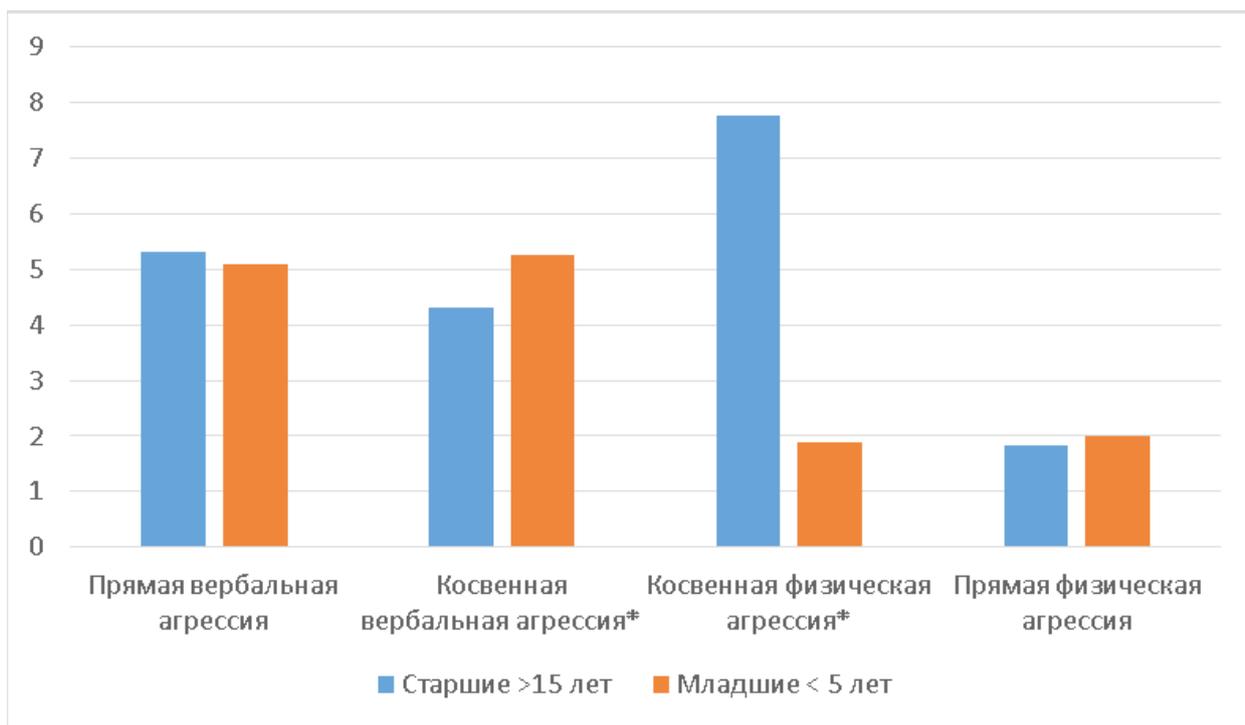

Рис. 1. Сравнение показателей методики «Агрессивное поведение» (Е. П. Ильин, П. А. Ковалев) старших и младших полицейских Республики Ботсвана (* – значимые различия)

Fig. 1. Comparison of indicators of the “Aggressive behaviour” methodology (E. P. Ilyin, P. A. Kovalev) of senior and junior police officers of the Republic of Botswana (* – significant differences)

корреляционного анализа, проведенного среди полицейских, имеющих большой стаж службы, представленная в таблице 2, показывает, что использование физической агрессии старшими полицейскими тесно коррелирует с использованием косвенной физической агрессии, и приспособлением, это означает, что помимо использования физической агрессии, они также могут причинить кому-либо физический вред косвенным образом, демонстрируя агрессию к своим жертвам, полагая, что сами жертвы планируют причинить им вред, при этом полицейские не будут приспосабливаться к существующим обстоятельствам. Обида отрицательно коррелирует с соперничеством, поскольку полицейские со стажем своих жертв воспринимают как врагов и могут отомстить в случае, если чувствуют, что каким-то образом проиграли. Сотрудничество также отрицательно коррелирует с раздражением, т. е. при взаимодействии в разрешении конфликта полицейские не будут проявлять негативных чувств при эмоциональном возбуждении.

В таблице 2 представлены шкалы «обида», «раздражение», «физическая агрессия», «подозрительность» опросника Басса-Дарки; «соперничество», «сотрудничество», «приспособление» опросника «Стиль поведения в конфликте» (К. Томас); «косвенная вербальная агрессия», «косвенная физическая агрессия» методики «Агрессивное поведение» Е. П. Ильина и П. А. Ковалева.

Корреляционный анализ результатов опроса, проведенного среди младших полицейских, представленный в таблице 3, показывает взаимосвязь между косвенной агрессией и приспособлением, что указывает на то, что полицейские с небольшим сроком службы предпочитают

Таблица 2. Корреляционный анализ показателей агрессии среди полицейских Республики Ботсвана, со стажем службы больше 15 лет

Table 2. Correlation analysis of aggression indicators among police officers of the Republic of Botswana, with more than 15 years of service

	Соперничество	Сотрудничество	Приспособление	Косвенная вербальная агрессия	Косвенная физическая агрессия
Обида	- 0,27*				
Раздражение		- 0,28*			
Физическая агрессия			- 0,28*		0,31**
Подозрительность				- 0,37**	

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

Таблица 3. Корреляционный анализ показателей агрессии среди полицейских с небольшим стажем (до 5 лет) службы Республики Ботсвана

Table 3. Correlation analysis of aggression indicators among police officers with short length of service (up to 5 years) of the Republic of Botswana

	Соперничество	Сотрудничество	Приспособление	Косвенная вербальная агрессия
Раздражение	-0,24*	0,29*	0,36**	
Косвенная агрессия			0,24*	
Компромисс				0,26*

Примечание: * $p \leq 0,05$; ** $p \leq 0,01$

дистанцироваться в конфликтных ситуациях. Также существует значимая корреляционная связь между раздражением и приспособлением: если их кто-то раздражает, они жертвуют своими интересами и позволяют другим делать то, что они хотят. Отрицательная корреляция между раздражением и соперничеством указывает на то, что, если их кто-то раздражает, они редко будут мстить. Отрицательная корреляция между раздражением и сотрудничеством указывает на то, что во время конфликта они скорее захотят удовлетворить не только себя, но и своих соперников.

В таблице 3 представлены шкалы «раздражение», «косвенная агрессия» опросника Басса-Дарки; «соперничество», «сотрудничество», «приспособление» опросника «Стиль поведения в конфликте» (К. Томас); «косвенная вербальная агрессия», методики «Агрессивное поведение» Е. П. Ильина и П. А. Ковалева.

Проведенный анализ взаимосвязи агрессивного поведения и длительности службы сотрудников полиции Республики Ботсваны выявил, что одним из стилей поведения в конфликте является соперничество, т. е. полицейские хотят добиться выполнения их требований и не намерены отступать, но у полицейских, имеющих большой стаж службы, соперничество не вызывает ненависти к окружающим, они просто выполняют свою работу, а у полицей-

ских с небольшим стажем службы соперничество связано с подавлением негативных чувств. Сотрудничество, т. е. удовлетворение интересов всех, связано с раздражением, но полицейские, имеющие небольшой стаж службы, проявляют негативные чувства при малейшем возбуждении, по сравнению со старшими. Также младшие полицейские проявляют негативные чувства, когда вынуждены приспособливаться, т. е. приносить в жертву собственные интересы. Компромисс у младших полицейских вызывает косвенную вербальную агрессию, а старшие полицейские проявляют косвенную вербальную агрессию, когда граждане не вызывают подозрения. Полагаем, что с гражданами, вызывающими подозрение, они будут не разговаривать, а действовать, что скорее всего связано с опытом службы.

Таким образом, результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу: чем дольше сотрудник полиции Республики Ботсвана служит в правоохранительных органах, тем более у него агрессивное поведение.

Заключение

Несмотря на различия в подходах к определению понятия агрессивного поведения, многие специалисты связывают его с категориями намерения или цели причинить вред и фактическое причинение оскорбления или вреда. Таким образом, агрессивное поведение в любом случае – это поведение, направленное на причинение вреда или ущерба другому живому существу, имеющему все основания избегать такого обращения.

Агрессивное поведение разные авторы рассматривают с точки зрения биологического, социального или интегративного подхода. Приверженцы биологического направления рассматривают агрессию как инстинкт, влечение, т. е. врожденное свойство; сторонники социального подхода рассматривают агрессию как научение, подражание, действие внешних факторов. Интегративная стратегия синтезирует в себе различные представления о происхождении агрессивного поведения и позволяет всесторонне рассмотреть причины агрессии.

Данная работа была посвящена изучению проявления агрессивного поведения среди ботсванских полицейских. Агрессивное поведение негативно влияет на репутацию полиции, эффективность служебной деятельности, эмоциональное состояние и в конечном счете на психологическое и соматическое здоровье. Специфика профессиональной деятельности сотрудников МВД Республики Ботсвана предъявляет к ним множество требований, т. к. от их решений зависят судьбы других людей, результаты их деятельности отражаются на ощущении безопасности граждан, общества и республики, реализации их законных интересов. Обеспечение правопорядка связано с тем, что, с одной стороны, сотрудник полиции должен обладать определенным уровнем агрессивности, иначе он не сможет противостоять правонарушителям, с другой стороны, этот уровень не должен оказывать разрушающее воздействие на самого полицейского и его окружение.

В ходе исследования установлены особенности агрессивного поведения сотрудников полиции Республики Ботсвана, выявлено, что сотрудники, имеющие большой стаж службы (больше 15 лет), чаще используют косвенную физическую агрессию, они более вспыльчивы и подозрительны, чаще испытывают чувство вины. Склонность к косвенной физической агрессии у старших полицейских показывает их адаптивность к специфическим условиям службы, они понимают, что физическое насилие нельзя применять к гражданам, и демонстрируют физическую агрессию в спортивных залах. При сравнении с нормативными показателями сотрудники не агрессивны и не настроены враждебно.

Младшие полицейские, у которых стаж службы менее 5 лет, чаще демонстрируют косвенную вербальную агрессию, т. е. не в полной мере контролируют свои эмоции.

Корреляционный анализ показал, что полицейские с большим стажем службы используют прямую и косвенную физическую агрессию и не приспосабливаются к возникающим обстоятельствам. Также они могут отомстить в случае, если чувствуют, что каким-то образом проиграла, но умеют контролировать эмоции. Полицейские со стажем службы до 5 лет предпочитают дистанцироваться в конфликтных ситуациях, не умеют отстаивать свои интересы.

Список литературы

- Балашова, В. А. (2020). Психологическая готовность будущих оперативных сотрудников полиции к столкновению с агрессивным поведением. *Психология и педагогика служебной деятельности*, (4), 25–27. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10095>
- Мешкова, Н. В., Ениколопов, С. Н., Кудрявцев, В. Т., Кравцов, О. Г., Бочкова, М. Н., Мешков, И. А. (2020). Возрастные и половые особенности личностных предикторов антисоциальной креативности. *Психология. Журнал Высшей школы экономики*, 17 (1), 60–72.
- Уразаева, Г. И. (2014). Профессиональная деформация сотрудников полиции в аспекте эмоционального выгорания: социально-психологические условия, механизмы, особенности, факторы. *Вестник Казанского юридического института МВД России*, 2 (16), 14–20.
- Чернышева, Е. В. (2019). Паттерны агрессивного поведения сотрудников органов внутренних дел. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*, 7, (2 (25)), 312–321. <https://doi.org/10.23888/humJ20192312-321>
- Якимова, З. В. (2021). Агрессивный симптомокомплекс (агрессия, агрессивность и агрессивное поведение) в профессиональной деятельности полицейских, 6, 12–27. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37101>
- Baenninger, R. (1994). Aggression. *Encyclopedia of Human Behaviour*. I, 39–46.
- Bandura, A. (1983). Psychological mechanisms of aggression. *Aggression: Theoretical and empirical reviews*, 1, 1–40.
- Bandura, A. (2023). *Social Cognitive Theory: An agentic perspective on human nature*. New Jersey: Wiley & Sons.
- Berkowitz, L. (1989). Frustration-aggression hypothesis. *Yale University Institute of Human Relations*, 59–73.
- Buss, A. (1961). *The psychology of aggression*. New York.
- Daniels, D. N., Gibula, M. F., & Ochberg, J. M., (1970). *Violence and the struggle for existence*. New York.
- De Buck, A., Raes, J. L., & Verhage, A. (2024). Discretion in Police Use of Force Decision-Making: A Scoping Review. *J Police Crim Psych*. <https://doi.org/10.1007/s11896-024-09683-w>
- Dollard, J., Doob, L. W., Miller, N. E., Mower, O. H., & Sears, R. R., (1939). *Frustration and aggression*. New Haven: Yale University Press.
- Eibl-Eibesfeldt, I. (1989). *Human ethology*. New York: Aldine De Gruyter.
- Eron, L. (1994). Theories of aggression: from drives to cognitions. In R. Huesman, *Aggressive Behaviour: current perspectives* (123–140). New York: Plenum.
- Gustafson, R. (1986). Human physical aggression as a function of frustration. Role of aggressive cues. *Psychological Reports. University of Orebro, Sweden*, 103–110.
- Gómez Jarabe, G. (1999). *Violence: antithesis of aggression*. Valencia: Promolibro.
- Wilson, E. O. (2000). *Sociobiology: The New Synthesis*. Harvard University Press, Twenty-fifth Anniversary Edition.
- Little, T., & Hawley, P. (2002). Pathways of the forms and functions of aggression during adolescence. *Montreal*, 78–85.

- Liu, S. (2023). Chinese police and its support for the use of force. *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*, 21 (2), 103–127. <https://doi.org/10.1080/15377938.2023.2201573>
- Robert, E., Worden, Christopher, J., Harris, & MoonSun, Kim. (2023). Disciplinary Sanctions for Police Misconduct: An Empirical Analysis of Sanction Severity. *Police Quarterly*. <https://doi.org/10.1177/10986111231174831>
- Miller, N. A. (1941). The frustration-aggression hypothesis. New Haven: Yale University Press, 337–342.
- Oliveira, T. R. (2021). Aggressive policing and undermined legitimacy: Assessing the impact of police stops at gunpoint on perceptions of police in São Paulo, Brazil. *Journal of Experimental Criminology*, 20 (1) <https://doi.org/10.1007/s11292-022-09527-9>
- Ramírez, J. M., & Andreu, J. M. (2006). Aggression, and some related psychological constructs (anger, hostility, and impulsivity) Some comments from a research project. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. New York, 276–291.
- Shelley, Liu (2022). Citizen Provoking Behavior and Police Attitudes Toward the Use of Force: A Scenario-Based Study in China. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 38, 210–218. <https://doi.org/10.1007/s11896-022-09560-4>
- Wilson, E. O. (2000). *Sociobiology: The New Synthesis*. Harvard University Press, Twenty-fifth Anniversary Edition.
- Worden, R., Harris, Ch., & Kim, M. (2023). Disciplinary Sanctions for Police Misconduct: An Empirical Analysis of Sanction Severity. *Police Quarterly*, 27 (2). <https://doi.org/10.1177/10986111231174831>
- Zillman, D. (1988). Cognitive-excitation interdependencies in aggressive behaviour. *Aggressive Behaviour*, 14, 51–64.

References

- Balashova, V. A. (2020). Psihologicheskaya gotovnost' budushchih operativnykh sotrudnikov policii k stolknoveniyu s agressivnym povedeniem. *Psihologiya i pedagogika sluzhebnoj deyatel'nosti*, (4), 25–27. <https://doi.org/10.24411/2658-638X-2020-10095>
- Meshkova, N. V., Enikolopov, S. N., Kudryavcev, V. T., Kravcov, O. G., Bochkova, M. N., Meshkov, I. A. (2020). Vozrastnye i polovye osobennosti lichnostnykh prediktorov antisocial'noj kreativnosti. *Psihologiya. Zhurnal Vyshej shkoly ekonomiki*, 17 (1), 60–72.
- Urazaeva, G. I. (2014). Professional'naya deformaciya sotrudnikov policii v aspekte emocional'nogo vygoraniya: social'no-psihologicheskie usloviya, mekhanizmy, osobennosti, faktory. *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*, 2 (16), 14–20.
- Chernysheva, E. V. (2019). Patterny agressivnogo povedeniya sotrudnikov organov vnutrennih del. *Lichnost' v menyayushchemsya mire: zdorov'e, adaptaciya, razvitie*, 7, (2 (25)), 312–321. <https://doi.org/10.23888/humJ20192312-321>
- Yakimova, Z. V. (2021). Agressivnyj simptomokompleks (agressiya, agressivnost' i agressivnoe povedenie) v professional'noj deyatel'nosti policejskih, 6, 12–27. <https://doi.org/10.25136/2409-8701.2021.6.37101>
- Baenninger, R. (1994). Aggression. *Encyclopedia of Human Behaviour*. I, 39–46.
- Bandura, A. (1983). Psychological mechanisms of aggression. *Aggression: Theoretical and empirical reviews*, 1, 1–40.
- Bandura, A. (2023). *Social Cognitive Theory: An agentic perspective on human nature*. New Jersey: Wiley & Sons.
- Berkowitz, L. (1989). Frustration-aggression hypothesis. *Yale University Institute of Human Relations*, 59–73.

- Buss, A. (1961). *The psychology of aggression*. New York.
- Daniels, D. N., Gibula, M. F., & Ochberg, J. M., (1970). *Violence and the struggle for existence*. New York.
- De Buck, A., Raes, J. L., & Verhage, A. (2024). Discretion in Police Use of Force Decision-Making: A Scoping Review. *J Police Crim Psych*. <https://doi.org/10.1007/s11896-024-09683-w>
- Dollard, J., Doob, L. W., Miller, N. E., Mower, O. H., & Sears, R. R., (1939). *Frustration and aggression*. New Haven: Yale University Press.
- Eibl-Eibesfeldt, I. (1989). *Human ethology*. New York: Aldine De Gruyter.
- Eron, L. (1994). Theories of aggression: from drives to cognitions. In R. Huesman, *Aggressive Behaviour: current perspectives* (123–140). New York: Plenum.
- Gustafson, R. (1986). Human physical aggression as a function of frustration. Role of aggressive cues. *Psychological Reports. University of Orebro, Sweden*, 103–110.
- Gómez Jarabe, G. (1999). *Violence: antithesis of aggression*. Valencia: Promolibro.
- Wilson, E. O. (2000). *Sociobiology: The New Synthesis*. Harvard University Press, Twenty-fifth Anniversary Edition.
- Little, T., & Hawley, P. (2002). Pathways of the forms and functions of aggression during adolescence. *Montreal*, 78–85.
- Liu, S. (2023). Chinese police and its support for the use of force. *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*, 21 (2), 103–127. <https://doi.org/10.1080/15377938.2023.2201573>
- Robert, E., Worden, Christopher, J., Harris, & MoonSun, Kim. (2023). Disciplinary Sanctions for Police Misconduct: An Empirical Analysis of Sanction Severity. *Police Quarterly*. <https://doi.org/10.1177/10986111231174831>
- Miller, N. A. (1941). The frustration-aggression hypothesis. *New Haven: Yale University Freer*, 337–342.
- Oliveira, T. R. (2021). Aggressive policing and undermined legitimacy: Assessing the impact of police stops at gunpoint on perceptions of police in São Paulo, Brazil. *Journal of Experimental Criminology*, 20 (1) <https://doi.org/10.1007/s11292-022-09527-9>
- Ramírez, J. M., & Andreu, J. M. (2006). Aggression, and some related psychological constructs (anger, hostility, and impulsivity) Some comments from a research project. *Neuroscience & Biobehavioral Reviews*. New York, 276–291.
- Shelley, Liu (2022). Citizen Provoking Behavior and Police Attitudes Toward the Use of Force: A Scenario-Based Study in China. *Journal of Police and Criminal Psychology*, 38, 210–218. <https://doi.org/10.1007/s11896-022-09560-4>
- Wilson, E. O. (2000). *Sociobiology: The New Synthesis*. Harvard University Press, Twenty-fifth Anniversary Edition.
- Worden, R., Harris, Ch., & Kim, M. (2023). Disciplinary Sanctions for Police Misconduct: An Empirical Analysis of Sanction Severity. *Police Quarterly*, 27 (2). <https://doi.org/10.1177/10986111231174831>
- Zillman, D. (1988). Cognitive-excitation interdependencies in aggressive behaviour. *Aggressive Behaviour*, 14, 51–64.

Информация об авторах

Баринаева Марина Геннадьевна – доцент кафедры педагогики и психологии Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент.

Госегоманг Мосарве – специалист по психологии профессиональной деятельности отдела по гендерным вопросам и защите детей МВД Республики Ботсвана.

About the authors:

Marina G. Barinova – Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Gosegomang Mosarwe – Specialist in psychology of professional activity of the Gender and Child Protection Department of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Botswana.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article.

The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 29.07.2024

Одобрена после рецензирования 24.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted July 29, 2024

Approved after reviewing August 24, 2024

Accepted October 28, 2024

Оригинальная статья

УДК 159.9.072

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-382-393

Психологическое исследование поликодового текста противоправной направленности: логико-семантический и послойный методы

Леонид Трофимович Бородавко

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

borodavkoleonid27@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-3017-7507

Николай Николаевич Силкин

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

silkin_nn@mail.ru

ORCID: 0000-0002-9979-8037

Владимир Александрович Корзунин

Военно-медицинская академия имени С. М. Кирова
(Санкт-Петербург, Россия)

vakorzunin@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-7332-6771

Аннотация

Введение. Актуальность психологического исследования поликодовых текстов обосновывается отсутствием целостных научных представлений и активным использованием данных видов текстов в противоправных целях. Отмечается, что поликодовые тексты отличаются от монокодовых простотой восприятия, длительностью запечатления информации и влиянием на поведение. Отсутствие единого подхода к анализу поликодовых текстов затрудняет их судебное-экспертное исследование в случаях, если они применяются для распространения экстремистских идей. В статье обсуждается методология контент-анализа, основывающаяся на изучении психологических закономерностей восприятия его семантики. Вначале рассматривается структура поликодового текста, а затем – функциональная организация его элементов. **Методы.** Методами исследования выступают общенаучные методы познания, применяемые для анализа теоретических положений лингвистических и психологических методик контент-анализа поликодовых текстов, синтеза их содержания применительно к двум моделям анализа поликодового текста – логико-семантическому и послойному, а также метод обобщения, применяемый для извлечения основных результатов анализа и их последовательного изложения в заключительной части статьи. **Результаты.** Результатом исследования выступает описание двух методов контент-анализа поликодовых текстов, применимых для изучения их содержания на предмет противоправной направленности. Характеризуется каждый

из описываемых методов анализа (логико-семантический и послойный), раскрывается его процедура и приводятся ограничения в использовании, формулируемые с учетом известных эмпирических сведений. В заключении рассматривается теоретическое и методическое развитие результатов, полученных в статье. Результаты применимы в теоретических исследованиях поликодовых текстов, а также в качестве теоретических оснований для разработки методик судебно-психологической экспертизы поликодовых текстов противоправной направленности.

Ключевые слова

судебно-психологическая экспертиза текста, контент-анализ, методология изучения поликодового текста, психология экстремизма, восприятие экстремистского текста

Для цитирования: Бородавко, Л. Т., Силкин, Н. Н., Корзунин, В. А. (2024). Психологическое исследование поликодового текста противоправной направленности: логико-семантический и послойный методы. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 382–393. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-382-393.

Original paper

Psychological examination of a polycoded text of unlawful orientation: logical-semantic and layer-by-layer methods

Leonid T. Borodavko

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
borodavkoleonid27@yandex.ru
ORCID: 0000-0002-3017-7507

Nikolay N. Silkin

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
silkin_nn@mail.ru
ORCID: 0000-0002-9979-8037

Vladimir A. Korzunin

Military Medical Academy named after S.M. Kirov
(Saint Petersburg, Russia)
vakorzunin@rambler.ru
ORCID: 0000-0001-7332-6771

Abstract

Introduction. The relevance of the psychological examination of polycode texts is substantiated by the lack of holistic scientific views and the active use of these types of texts for illegal purposes. Policode texts are noted to differ from monocode ones in the simplicity of perception, duration of information imprinting and influence on behaviour. The lack of a unified approach to analysing polycoded texts makes their forensic investigation difficult in cases when they are used to disseminate extremist ideas. The article deals with the methodology of content analysis based on the study of psychological patterns of perception of its semantics. The structure of a polycoded text is considered first, followed by the functional organisation of its elements. **Methods.** The research methods are general scientific methods

of cognition used to analyse theoretical provisions of linguistic and psychological methods of content analysis of polycoded texts, synthesis of their content in relation to two models of polycoded text analysis - logical-semantic model and layer-by-layer one, as well as the method of generalisation used to extract the main results of the analysis and their consistent presentation in the final part of the article.

Results. The result of the research is a description of two methods of content analysis of polycoded texts, applicable to the study of their content with regard to unlawfulness. Each of the described methods of analysis (logical-semantic and layer-by-layer) is characterised, its procedure is disclosed, and limitations in its application, formulated on the basis of known empirical data, are presented. The conclusion discusses the theoretical and methodological development of the results obtained in the article. The results are applicable in theoretical studies of polycoded texts and as theoretical bases for the development of methods of forensic psychological examination of polycoded texts of unlawful orientation.

Keywords

forensic psychological examination of a text, content analysis, methodology of studying polycoded text, psychology of extremism, perception of extremist text

For citation: Borodavko, L. T., Silkin, N. N., Korzunin, V. A. (2024). Psychological examination of a polycoded text of unlawful orientation: logical-semantic and layer-by-layer methods. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 382–393. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-383-393.

Введение

Актуальность исследования поликодового текста обоснована его популярностью в качестве средства распространения информации по сравнению с монокодовым текстом. Поликодовый текст образован с помощью применения нескольких систем кодирования информации, тогда как монокодовый – одной (Ейгер, Юхт, 1974). Наиболее распространенным вариантом поликодового текста выступает сочетание невербальной (визуальной) и вербальной (знаковой) кодировок информации. Получив распространение в начале XX века в виде листовки (плаката), поликодовый текст с появлением телевидения дополнился аудиальным кодом, став интегральным единством визуальной, аудиальной и знаковой форм передачи информации. Информация, предоставляемая в поликодовом виде, быстрее воспринимается, легче запоминается и проще воспроизводится (Ильина, 2016). Развитие информационных и компьютерных технологий повысило потенциал поликодовых текстов. Обогадив их возможностями создания новых видов и форм изображений и звуков, современные цифровые средства превратили поликодовый текст в универсальный формат интернет-текста. Преимуществом поликодового текста перед монокодовым стала большая сила воздействия на воспринимающего, задействующая несколько систем восприятия одновременно. Знак, дополненный визуальным образом и звуком, обрел максимальные возможности воздействия на читателя. Следует отметить, что возможности поликодового текста стали использоваться не только в просоциальных, но и в асоциальных (антиобщественных и противоправных) целях (Бабинова, 2021). Поликодовые тексты стали наиболее используемым средством распространения деструктивных идей, пропаганды насилия, ксенофобии и экстремизма (Лату, Тагильцева, 2022).

Научная значимость исследования поликодового текста обусловлена множеством вопросов, связанных с его организацией, механизмом восприятия и закономерностями воздействия на потребителя. Интегрирующие разнородные виды и формы представления информации, поликодовые тексты являются актуальным предметом психологического и лингвистического исследования. Следует согласиться с А. Г. Сониным в том, что изменение поликодового текста как метода распространения информации еще не завершено и будет развиваться совместно

с совершенствованием мультимедийных технологий и средств (Сонин, 2005). При этом научные знания о поликодовом тексте не успевают за темпами его трансформации в цифровом пространстве.

Особенно актуальна данная проблема в контексте противодействия и профилактики распространения противоправной информации. Современные интернет-механизмы распространения поликодовых текстов (в виде видеофрагментов длительностью до 30 секунд) позволяют создавать единое информационное поле, насыщенное разной по виду и форме, но обладающей единым значением информацией. Фактически подобные тексты «не просто взаимодействуют, но дополняют друг друга в соответствии с принципом комплементарности» (Степанов, 2010). Учитывая возможности создания, передачи и хранения поликодовых текстов в интернет-пространстве, их тематическая подборка может рассматриваться как инструмент воздействия на представления аудитории и ее социальное поведение.

Конкретизируя научную проблему исследования поликодового текста, можно отметить преобладание лингвистических концепций текста над психологическими и, как следствие, отсутствие единого основания для разработки методологии анализа подобных текстов. Современные методы судебно-психологической экспертизы текста базируются преимущественно на лингвистических концепциях текста, рассматривающих поликодовый текст как совокупность разнородных (монокодовых) способов кодирования информации (Матвеев, 2022). Как следствие, несмотря на признание сложной структурно-семантической организации информации, методы анализа поликодового текста не используют положения психологических теорий восприятия информации, на наш взгляд, открывающие новые возможности для измерения, оценки и экспертизы воздействия данных текстов на читателя.

В целях восполнения существующего пробела в статье обсуждается методология контент-анализа поликодового текста, основанная на оценке структуры и функциональной организации его семантики. Этой цели подчинен порядок изложения. Вначале рассматривается структура поликодового текста, а затем – функциональная организация его элементов.

Результатом выступает модель контент-анализа семантики поликодового текста, ориентированная на решение судебно-психологических задач изучения текстов с призывами к совершению противоправных действий.

Методами исследования выступают общенаучные методы познания, применяемые для анализа теоретических положений лингвистических и психологических методик контент-анализа поликодовых текстов, синтеза их содержания применительно к двум моделям анализа поликодового текста – логико-семантическому и послойному, а также метод обобщения, применяемый для извлечения основных результатов анализа и их последовательного изложения в заключительной части статьи.

Поликодовый текст как предмет психолингвистического исследования

Структурно поликодовый текст включает в себя несколько разнородных источников информации. Как правило, они различаются по типу восприятия: визуальному либо аудиальному, а также способу переработки информации, предложенному А. Раivio – изобразительной (наглядной, не требующей обработки) и когнитивной (требующей интеллектуальных усилий) (Раivio, 2006). В настоящее время наиболее распространен графико-вербальный вид поликодового текста, включающий статическое изображение и сопровождающую его надпись, либо динамическое изображение (видеоряд), дополненный текстовым или аудиальным комментарием.

Изучение объема поликодового текста показывает, что статическое или динамическое изображение занимает большую часть объема текста.

Таблица 1. Характер восприятия информации и его ресурсы

Table 1. Nature of information perception and its resources

Характер восприятия	Необходимые условия восприятия смысла поликодового текста
Непосредственное восприятие	
а) визуальное; б) аудиальное	– способность воспринимать свето-цветовые свойства текста (яркость, цветовую палитру) – способность слышать звук (громкость, тональность и пр.)
Опосредованное восприятие	
а) восприятие, опосредованное знанием	– способность к пониманию смысла (знание символов, способность к чтению). – способность к интерпретации значений (специальные познания в культуре, истории, религии и пр.)
б) восприятие, опосредованное социальными отношениями	– способность к пониманию смысла (индивидуальный социальный опыт) – способность к интерпретации значений (участие в социальных группах)

Креолизованные тексты могут различаться по типу понимания информации читателем, предполагающему непосредственное или опосредованное ее восприятие (Матвеев, 2022). Непосредственный характер восприятия основан на работе органов чувств, не требует интеллектуальных усилий (восприятие цвета, изображений, звука или музыки) и приводит к формированию сенсорно-перцептивного образа. Восприятие осуществляется на основе синтеза информации нескольких органов чувств, опирается на интеллектуальную деятельность (восприятие знаковой информации), приводит к пониманию смысла информации.

Изучение характера восприятия информации показывает, какие усилия требуются потребителю для понимания смысла информации, какими способностями он должен обладать (таблица 1).

Кроме того, тексты, понимаемые непосредственно, оказывают больше эмоциональное, чем когнитивное воздействие, поскольку содержащаяся в них информация обрабатывается с помощью образных механизмов восприятия. Тексты, требующие опосредованного восприятия, могут быть недоступны для понимания читателям, не обладающим соответствующими

Рис. 1. Разновидности поликодового текста

Fig. 1. Varieties of a polycoded text

способностями. Например, не зная определенных языков, значения символов. Конечно, смысл подобных текстов воспринимается искаженным способом. Буквально – авторский замысел не «прочитывается». Поэтому изучение непосредственности / опосредованности восприятия информации играет важную роль в оценке адекватности понимания значения поликодового текста читателем. В поддержку данного утверждения можно привести выводы Е. Н. Блиновой и О. В. Щербаковой о том, что успешность понимания поликодового текста зависит от его содержания в большей степени, чем от формата (Блинова, Щербакова, 2021).

С учетом изложенного можно констатировать, что компоненты текста (элементы информации, представленные в одной системе кодирования) могут быть восприняты читателем дифференцированно друг от друга, а их понимание (интеграция значений в единое целое) определяется отношениями между компонентами. Данную позицию иллюстрирует исследование восприятия текстов, показавшее трудности в воссоздании целостного значения текста читателями при относительно правильном и полном восприятии его отдельных компонентов (Petrova, Riekhakaynen, 2019).

С учетом фактов, полученных в психологических исследованиях, видится правильным подход, нацеленный на синтез разнородных компонент текста. Раскрытие этих отношений будет способствовать пониманию сложных отношений между компонентами, порядка их прочтения читателем и интеграции всех семантических компонент в единое целое. Так, к примеру, О. Г. Хохловская и К. Е. Грибкова предлагают выявлять главную мысль исследуемого текста, затем интерпретировать значения вербального и невербального его компонентов, а в завершении выявлять функционально-смысловую роль невербального компонента текста (Хохловская, Грибкова, 2021). Полагая, что изучение восприятия поликодового текста должно быть нацелено на маркирование всех компонентов текста и всех возможных функциональных отношений между ними, видится необходимым охарактеризовать теоретико-методологические основания такой процедуры.

Представления об отношениях между информацией в тексте

Представление о функциональной связи информации в тексте является одним из наиболее разработанных в исследовании поликодовых текстов. Существует два вида представлений о функциональных связях в поликодовом тексте, пригодных для проведения его психологического исследования: логико-семантический и уровневый (слоистый). Рассмотрим каждый из них подробно, при этом будем ориентироваться на наиболее распространенный и упрощенный вид поликодового текста – графико-вербальный.

Логико-семантическая связь элементов поликодового текста базируется на теории социальной семиотики. Следуя М. Halliday, вербальные, графические и иные знаковые системы в тексте представляют собой семиотические ресурсы, позволяющие понять общий смысл текста (Martinez & Salway, 2005). Поэтому логико-семантическая связь между ними строится на основе функции «якорения», «иллюстрации», «подмены», причем функции графической и вербальной частей поликодового текста могут быть равны друг другу, например, если изображение и подпись к нему эквивалентны либо независимы. В ином случае изображение и подпись неравны по функционалу и подчиняются друг другу. Современные подходы к оценке функциональных отношений представляют их расширенным образом (см. рис. 2.).

Функциональные отношения между компонентами текста могут развивать смысл текста либо передавать его. В последнем случае графическая и вербальная информация отражают значения или смысл друг друга. Приращения или расширения смысла в этом случае не происходит.

Развитие смысла текста является наиболее сложным вариантом взаимодействия его компонентов. В этом случае графическая и вербальная информация совместно могут уточнять

(1.1.) смысл – например, продемонстрировать его новое знание либо разъяснить его. Второй вариант взаимодействия (1.2.) – расширение значения информации. Третий – улучшение (1.3.) смысла информации посредством пояснения временного, пространственного или причинного аспектов. Таким образом, выявление отношений между графической и вербальной частями поликодового текста может быть полезным не только для выявления организации информации в нем, но и для оценки эффекта, дополняющего уже имеющийся эффект от информации в тексте. Таким образом, логико-семантические связи выступают самостоятельным фактором, влияющим на семантику текста и его понимание (прочтение).

Завершая, отметим, что при оценке текстов противоположной направленности логико-семантический анализ может быть затруднен в случае, если исследователь не обладает необходимыми представлениями о значении символов, образов, понятий и терминов, применяемых в нем. Как правило, подобная проблема вызвана неполнотой знания дискурса (контекста), соответствующего конкретному виду идей, воплощенных в тексте (например, радикальных или экстремистских). К примеру, в исследовании А. В. Горбачевой данная проблема была экспериментально установлена при изучении оценок экспертами и неэкспертами соответствующих поликодовых текстов (Горбачева, Нестерова, Осадчий, 2020).

Многослойный подход. Многослойный подход к изучению информации в поликодовом тексте базируется на исследованиях восприятия динамических изображений – документальных фильмов и кинофильмов (Breckner, 2007; Konecki, 2011). Идея подхода – в представлении поликодового текста состоящим из нескольких слоев или уровней.

Первый слой является наиболее доступным для читателя и представляет собой «сцену», на которой и происходит «действие» – представлено основное значение текста. На осталь-

Рис. 2. Логико-семантические отношения графической и вербальной частей поликодового текста (Martinec & Salway, 2005)

Fig. 2. Logical-semantic relations of graphic and verbal parts of a polycoded text (Martinec & Salway, 2005)

ных слоях содержится информационный контекст, уточняющий и развивающий значение текста (рис 3.).

Работа с поликодовым текстом предполагает его деление на различные слои с учетом композиции, объектов переднего, среднего, заднего плана.

В основе деления на слои лежит принцип пути его восприятия читателем. Поскольку внимание читателя фокусируется на конкретных элементах изображения, интерпретация смысла должна производиться с учетом их восприятия. Конечно, предполагается, что смысл всего изображения конструируется исходя из значения объектов (сегментов) изображения, воспринятых потребителем. Таким образом, функциональные отношения элементов текста определяются на основе закономерностей его восприятия, а не авторского замысла или логико-семантических связей.

Как нам представляется, методика работы с поликодовым текстом как «многослойным» включает несколько этапов, предполагающих послойное расщепление текста на комплекс отдельных компонентов, сегментацию на семантические единицы каждого из выделенных компонентов, кодирование значений в соответствии с выделенными единицами, интеграцию значений текста в реконструированном виде и сопоставление с исходным видом текста.

Фактически описанная последовательность этапов представляет собой разновидность контент-анализа, усложненного необходимостью работы с единицами значений, а не знаков, а также задачей сличения реконструированной семантики с ее видом, содержащимся в исходном тексте.

Последний этап работы важен вследствие возможности отклонения исследователя от авторского замысла либо читательского восприятия текста. Для его предупреждения необходимо привлечение экспертов, способных сопоставить семантические значения текстов до и после их реконструкции.

Можно подчеркнуть, что при исследовании поликодовых текстов противоположной направленности выполнение послойного анализа требует от эксперта не только владения дискурсом (контекстом) соответствующих идей, но и способностью к установлению связи между отдельными компонентами текста, репрезентирующими соответствующее значение.

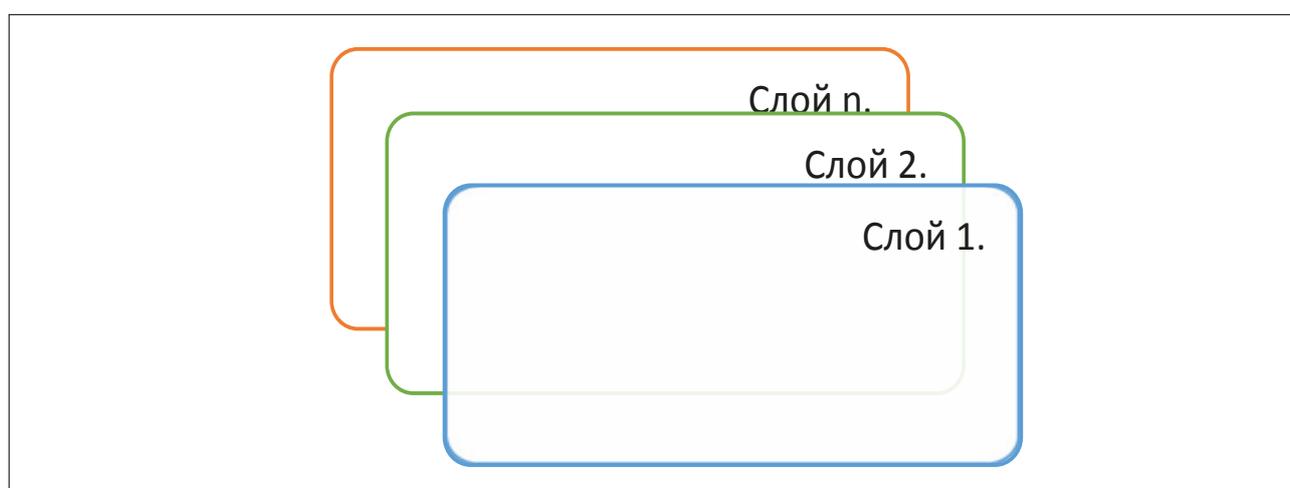

Рис. 3. Многослойная организация информации в поликодовом тексте

Fig. 3. Multilayer organisation of information in a polycoded text

Заключение

Изучение восприятия поликодовых текстов потребителем к настоящему времени представляет собой междисциплинарную область научного познания. Отсутствие единого подхода к изучению его содержания затрудняет разработку теории восприятия и понимания подобного текста. Преобладание лингвистических подходов в этом предметном поле сравнительно недавно стало дополняться психологическими исследованиями, нацеленными на изучение восприятия и понимания текста. Получаемые результаты не только расширяют и уточняют имеющиеся научные знания о текстах, их прочтении и понимании читателем, но и совершенствуют методологию изучения поликодового текста. Проводимые исследования, во-первых, основываются на экспериментально-эмпирическом изучении закономерностей восприятия информации, представленной в различных системах кодирования, во-вторых, анализируют содержание воспринимаемой информации, акцентируя внимание на условиях ее восприятия, в-третьих, характеризуются обращением к индивидуально-психологическим свойствам читателя, влияющим на понимание текста (Ворошилова, Злоказов, 2017). Несмотря на проводимые исследования, следует признать, что прогресс в этой области зависит от дальнейшей теоретической проработки методологических основ познания поликодовых текстов.

Методическим результатом статьи выступает предложенная модель контент-анализа поликодового текста, основанная на изучении его семантической основы. Следует отметить, что ее практическое воплощение требует знания принципов и техники контент-анализа, умения использовать статистические методы для проведения количественного обобщения результатов. Важно подчеркнуть, что на современном уровне теоретических представлений о поликодовом тексте его контент-анализ может носить субъективный характер в случае, если исследователь проводит его индивидуально. Полученные таким способом результаты могут основываться на знаниях и представлениях одного человека. Соответственно, повышение объективности исследования обеспечивается расширением числа лиц, привлекаемых к изучению поликодового текста. В этом случае исследователю целесообразно добавить в методику оценки текста этапы, связанные с подготовкой группы исследователей, разработкой методических рекомендаций по оцениванию, обработкой их мнений и обобщением результатов. Большая длительность и трудоемкость подобной работы будет компенсирована надежными результатами.

Завершая, отметим, что развитие изложенных в статье выводов в дальнейших исследованиях будет способствовать разработке единой методологии изучения и оценки поликодовых текстов, пригодной для осуществления их судебно-психологической экспертизы.

Список литературы

- Бабилова, М. Р. (2021). Интернет-мемы как инструмент soft-power - технологии миромоделирования современной молодежи. *Политическая лингвистика*, 5 (89), 116–121. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_13
- Блинова, Е. Н., Щербакова, О. В. (2021). Когнитивные механизмы понимания вербальных и иконических текстов. *Психологический журнал*, 42 (1), 66–79. <https://doi.org/10.31857/S020595920013333-2>
- Ворошилова, М. Б., Злоказов, К. В. (2017). Психолингвистические методы исследования креолизованного текста. *Политическая наука*, 2, 126–137.
- Горбачева, А. В., Нестерова, Т. В., Осадчий, М. А. (2020). Об экспертной и неэкспертной интерпретации поликодовых текстов. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание*, 19 (1), 102–114. <https://doi.org/10.15688/jvol-su2.2020.1.9>
- Ейгер, Г. В., Юхт, В. Л. (1974). К построению типологии текстов. В *Лингвистика текста: материалы науч. конф. при МГПИИЯ им. М. Тореза*. (Ч. I., стр. 103–109). Москва.

- Ильина, И. А. (2016). Восприятие поликодовых и монокодовых текстов в среде гипертекстового пространства. *Социология и право*, 4 (34), 66–75.
- Лату, М. Н., Тагильцева, Ю. Р. (2022). Критерии оценки информационных материалов (контента) с учетом радикализирующего воздействия на ценностные и морально-нравственные установки молодежи. В *Герценовские чтения: психологические исследования в образовании: материалы V Международной научно-практической конференции (25-26 октября 2022 г., Санкт-Петербург, стр. 229–238)*. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-29>
- Матвеев, М. О. (2022). Влияние вербальных и невербальных составляющих на восприятие креолизованного текста: монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА».
- Сонин, А. Г. (2005). Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления. *Вопросы языкознания*, 6, 115–123.
- Степанов, В. Н. (2010). Семиотические коды в рекламном тексте. *Иностранные языки в высшей школе*, 2 (13), 92–100.
- Тагильцева, Ю. Р. (2012). Экстремистские материалы как инструмент информационно-психологической войны. *Политическая лингвистика*, 3 (41), 99–102.
- Хохловская, О. Г., Грибкова, К. Е. (2021). Функционально-структурные особенности креолизованных (поликодовых) текстов как средство экземплификации экстремистского содержания. *Вестник Челябинского государственного университета*, 7 (453), 151–158. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10720>
- Breckner, R. (2007). Pictured bodies. A methodical photo analysis. *INTER (Interaction, Interview, Interpretation)*, 4, 125–141.
- Konecki, K. (2011). Visual grounded theory: A methodological outline and examples from empirical work. *Revija Za Sociologiju*, 41 (2), 131–160. <https://doi.org/10.5613/rzs.41.2.1>
- Martinez, R., Salway, A. (2005). A system for image-text relations in new (and old) media. *Visual Communication*, 4 (3), 337–371.
- Paivio, A. (2006). Dual coding theory and education. In: S. Neuman (Ed.), *Pathways to Literacy Achievement for High Poverty Children*. The University of Michigan School of Education. <https://websites.umich.edu/~rdytolrn/pathwaysconference/presentations/paivio.pdf>
- Petrova, T. E., Riekhakaynen, E. I. (2019). Processing of Verbal and Non-verbal Patterns: An Eye-Tracking Study of Russian. In: X.S. Yang, S. Sherratt, N. Dey, A. Joshi (Eds), *Third International Congress on Information and Communication Technology. Advances in Intelligent Systems and Computing* (vol. 797). Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-1165-9_24

References

- Babikova, M. R. (2021). Internet-memy kak instrument soft-power - tekhnologii miromodelirovaniya sovremennoj molodezhi. *Politicheskaya lingvistika*, 5 (89), 116–121. https://doi.org/10.26170/1999-2629_2021_05_13
- Blinova, E. N., Shcherbakova, O. V. (2021). Kognitivnye mekhanizmy ponimaniya verbal'nyh i ikonicheskikh tekstov. *Psihologicheskij zhurnal*, 42 (1), 66–79. <https://doi.org/10.31857/S020595920013333-2>
- Voroshilova, M. B., Zlokazov, K. V. (2017). Psiholingvisticheskie metody issledovaniya kreolizovannogo teksta. *Politicheskaya nauka*, 2, 126–137.
- Gorbacheva, A. V., Nesterova, T. V., Osadchij, M. A. (2020). Ob ekspertnoj i neekspertnoj interpretacii polikodovyh tekstov. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2: Yazykoznanie*, 19 (1), 102–114. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.1.9>

- Ejger, G. V., Yuht, V. L. (1974). К построению типологии текстов. В *Lingvistika teksta: materialy nauch. konf. pri MGPIYA im. M. Toreza*. (Ch. I., str. 103–109). Moscow.
- Илина, И. А. (2016). Восприятие поликодовых и монокодовых текстов в среде гипertextового пространства. *Sociologiya i pravo*, 4 (34), 66–75.
- Latu, M. N., Tagil'ceva, Yu. R. (2022). Критерии оценки информационных материалов (контента) с учетом радикализирующего воздействия на ценностные и морально-нравственные установки молодежи. В *Gercenovskie chteniya: psichologicheskie issledovaniya v obrazovanii: materialy V Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (25-26 oktyabrya 2022 g., Sankt-Peterburg, str. 229–238)*. <https://doi.org/10.33910/herzenpsyconf-2022-5-29>
- Matveev, M. O. (2022). *Vliyaniye verbal'nyh i neverbal'nyh sostavlyayushchih na vospriyatiye kreolizovannogo teksta: monografiya*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'sko-torgovyy Dom «PERSPEKTIVA».
- Sonin, A. G. (2005). Экспериментальное исследование поликодовых текстов: основные направления. *Voprosy yazykoznaniya*, 6, 115–123.
- Stepanov, V. N. (2010). Семiotические коды в рекламном тексте. *Inostrannyye yazyki v vysshej shkole*, 2 (13), 92–100.
- Tagil'ceva, Yu. R. (2012). Экстремистские материалы как инструмент информационно-психологической войны. *Politicheskaya lingvistika*, 3 (41), 99–102.
- Hohlovskaya, O. G., Gribkova, K. E. (2021). Функционально-структурные особенности креолизованных (поликодовых) текстов как средство экзemplifikatsii ekstremistskogo soderzhaniya. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*, 7 (453), 151–158. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10720>
- Breckner, R. (2007). Pictured bodies. A methodical photo analysis. *INTER (Interaction, Interview, Interpretation)*, 4, 125–141.
- Konecki, K. (2011). Visual grounded theory: A methodological outline and examples from empirical work. *Revija Za Sociologiju*, 41 (2), 131–160. <https://doi.org/10.5613/rzs.41.2.1>
- Martinez, R., Salway, A. (2005). A system for image-text relations in new (and old) media. *Visual Communication*, 4 (3), 337–371.
- Paivio, A. (2006). Dual coding theory and education. In: S. Neuman (Ed.), *Pathways to Literacy Achievement for High Poverty Children*. The University of Michigan School of Education. <https://websites.umich.edu/~rdytolrn/pathwaysconference/presentations/paivio.pdf>
- Petrova, T. E., Riekhakaynen, E. I. (2019). Processing of Verbal and Non-verbal Patterns: An Eye-Tracking Study of Russian. In: X.S. Yang, S. Sherratt, N. Dey, A. Joshi (Eds), *Third International Congress on Information and Communication Technology. Advances in Intelligent Systems and Computing* (vol. 797). Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-13-1165-9_24

Информация об авторах

Леонид Трофимович Бородавко – профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, доцент.

Николай Николаевич Силкин – профессор кафедры физической подготовки и прикладных единоборств Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор педагогических наук, профессор.

Владимир Александрович Корзунин – ведущий научный сотрудник Военно-медицинской академии имени С.М. Кирова, доктор психологических наук, профессор.

About the authors

Leonid T. Borodavko – Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dr. Sci. (Ped.), Docent.

Nikolay N. Silkin – Professor of the Department of Physical Training and Applied Martial Arts, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Dr. Sci. (Ped.), Professor.

Vladimir A. Korzunin – leading researcher of the Military Medical Academy named after S. M. Kirov, Dr. Sci. (Psy), Professor.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 24.08.2024

Одобрена после рецензирования 24.09.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted August 24, 2024

Approved after reviewing September 24, 2024

Accepted October 28, 2024

УДК 159.9.072.43

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-394-407

Диагностика склонности к наркотической зависимости методом айтрекинга: опыт разработки

Сергей Дмитриевич Робин

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

robinseryi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1920-4834

Ольга Владимировна Кружкова

Уральский государственный педагогический университет
(Екатеринбург, Россия)

galiat1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2569-8789

Аннотация

Введение. Мировая статистика по употреблению наркотических средств показывает уверенный рост числа наркозависимых в последние десятилетия. Данный факт говорит об актуальности решения задачи по выявлению опыта употребления наркотических средств, а также разработки новых надежных методов диагностики склонности к наркотической зависимости. Технология неинвазивного айтрекинга с опорой на эффекты смещения внимания и ценностно ориентированного контроля внимания может выступить альтернативной для традиционных опросных методов (личностных диагностических опросников) или процедуре полиграфного исследования. **Цель исследования** – оценка возможности диагностики склонности к наркотической зависимости с применением технологии айтрекинга для выявления смещения внимания испытуемых на стимулы, связанные с наркотиками, при выполнении антисаккадной когнитивной задачи. **Методы.** Исследование проводилось в рамках лабораторного эксперимента с применением айтрекера Tobii Pro Spectrum. В исследовании приняли участие 28 респондентов, разделенных на 3 контрастные группы: имеющие систематический опыт употребления наркотиков; имеющие единичный опыт употребления наркотиков; не имеющие опыта употребления наркотиков. Участникам эксперимента на айтрекере был предложен стимульный материал «слова и изображения вокруг точки», элементы которого содержали стимулы, связанные с темой наркотиков. Обработка данных была проведена с использованием сравнительного анализа и ANOVA. **Результаты.** В результате было обнаружено, что присутствуют значимые различия в фиксации на аддиктивные стимулы раздражители в исследуемых контрастных группах. Кроме того, качественный анализ сценариев движения глаз дает возможность зафиксировать саккады у респондентов с опытом употребления наркотических веществ в сторону изображений, демонстрирующих наркотические вещества, в отличие от группы без опыта употребления.

Ключевые слова

аддиктивное поведение, наркотическая зависимость, психофизиологический метод, айтрекинг, окулография, глазодвигательная активность, саккады

Финансирование. Исследование реализовано в рамках выполнения государственного задания Министерства просвещения РФ «Научный анализ применения единой методики социально-психологического тестирования обучающихся с ОВЗ, направленного на раннее выявление немедицинского потребления наркотических средств и психотропных веществ, и ее доработка».

Для цитирования: Робин, С. Д., Кружкова, О. В. (2024). Диагностика склонности к наркотической зависимости методом айтрекинга: опыт разработки. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 394–407. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-394-407.

Original paper

Diagnosis of the tendency towards drug addiction using eye tracking technology: development experience

Sergey D. Robin

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)
robinseryi@gmail.com

ORCID: 0000-0002-1920-4834**Olga V. Kruzhkova**

Ural State Pedagogical University
(Yekaterinburg, Russia)
galiat1@yandex.ru

ORCID: 0000-0002-2569-8789

Abstract

World statistics on the use of controlled drugs shows sustainable growth in the number of drug addicts over the last decades. This fact indicates the relevance of solving the problem of identifying the experience of drug use, as well as the development of new reliable methods for diagnosing the tendency towards drug addiction. The technology of non-invasive eye-tracking based on the effects of attention bias and value-oriented attention control can be an alternative to traditional questioning methods (personality diagnostic questionnaires) or polygraph examination procedures. **The purpose** of the study was to evaluate the possibility of diagnosing drug addiction tendency using eye-tracking technology to detect subjects' attention bias toward drug-related stimuli while performing an antisaccadic cognitive task. **Methods.** The study was conducted as part of a laboratory experiment using the Tobii Pro Spectrum eye-tracker. The study involved 28 respondents divided into 3 contrasting groups: those with systematic experience of drug use; those with single experience of drug use; and those with no experience of drug use. Participants of the experiment were presented with stimulus material "words and images around the dot" on eye-tracker, the elements of which contained stimuli related to the topic of drugs. Data processing was performed using comparative analysis and ANOVA. **Results.** As a result, it was found that there were significant differences in fixations to addictive stimuli in the contrast groups studied. In addition, qualitative analysis of eye movement scenarios makes it possible to record saccades in respondents with experience of drug use towards images showing drugs, in contrast to the group without experience of use.

Keywords

addictive behavior, drug addiction, psychophysiological method, eye-tracking, oculography, oculomotor activity, saccades

Financing. The study was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Education of the Russian Federation “Scientific analysis of the use of a unified methodology for socio-psychological testing of students with disabilities, aimed at early detection of non-medical use of narcotic drugs and psychotropic substances, and its refinement.”

For citation: Robin, S. D., Kruzhkova, O. V. (2024). Diagnosis of the tendency towards drug addiction using eye tracking technology: development experience. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 394–407. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-394-407.

Введение

Распространение наркотических веществ и формирование наркозависимости в современном мире носит угрожающий характер. По данным Организации Объединенных Наций, в 2021 году каждый 17-й житель планеты в возрасте от 15 до 64 лет имел опыт немедицинского употребления наркотических средств в течение последнего года, за десятилетний период наблюдается существенный прирост наркозависимых – более 20 %¹. При этом доля молодых поколений достаточно высока (Минюрова и др., 2022), что создает дополнительные демографические риски и актуализирует проблему раннего выявления употребления наркотических веществ с целью своевременной профилактики данного вида девиантного поведения.

Диагностика склонности к наркотической зависимости или немедицинскому употреблению наркотических средств за последние годы претерпевает значительные изменения за счет внедрения инновационных технологий и активного процесса цифровизации². Традиционно используемый тестово-опросный метод имеет ряд существенных уязвимостей, связанных с очевидностью для респондента цели диагностики и малой защищенностью самоотчета от намеренных или субъективных искажений ответов (Кузнецова, Кайдалова, 2020). Поэтому психологическое тестирование зачастую дополняется данными, полученными в результате лабораторного анализа биологических сред, а также аппаратными методами психофизиологического обследования (Купцова, 2021), например, полиграфическим исследованием. Однако диагностика с применением полиграфа требует высоких временных затрат, а также может быть условно стрессогенной для респондента в связи с необходимостью контактировать с датчиками, подключаемыми к телу (Бухтияров и др., 2019). Альтернативным методом здесь может выступать технология айтрекинга (Воробьева и др., 2022; Кузнецова, Кайдалова, 2020), которая более экономична в плане затрат времени и, как правило, неинвазивна (Бухтияров и др., 2019).

Айтрекинг – технология контроля глазодвигательной активности при восприятии визуальных стимулов и выполнении когнитивной задачи (Барабанщиков, 2015). Поскольку движения глаз – сложный поведенческий комплекс, связанный не только с сознательной регуляцией, «есть возможность обнаружить неосознаваемые реакции, собрать гипотетические данные о методах рассуждений и получить представление об информации, включенной в процесс принятия решений» (Природова и др., 2019). Метод айтрекинга позволяет визуализировать и анализировать, какие части экрана или отдельные стимулы попадали в область внимания с учетом фактора времени остановки на них при выполнении когнитивной задачи, тем самым давая представление о том, какая информация была для человека наиболее привлекательна или значима. Анализ регистрируемых параметров айтрекинга (саккады, фиксации и пр.) позволяет раскрыть реакции испытуемого на лично значимые визуальные стимулы, что исключает вероятность искажений под влиянием социальной желательности или иных

¹ Всемирный доклад о наркотиках за 2023 год (2023). УНП ООН, Издание Организации Объединенных Наций. https://www.unodc.org/res/WDR-2023/WDR23_ExSum_Russian.pdf

² Там же.

факторов смещения тенденций ответа (Кайдалова, Кузнецова, Никитина, 2023), которые возникают при проведении, например, опросных методик.

Построение диагностических процедур для выявления склонности к наркотической зависимости, исходя из вышесказанного, может быть построено на двух моментах:

– отсутствию тотального сознательного контроля за движением глаз при выполнении когнитивной задачи испытуемым. «Глазодвигательная система человека представляет собой сложное организованное многомерное целое, каждый акт которого складывается в самом процессе зрительного восприятия. Он включает моменты побуждения, прогнозирования, эфферентной готовности, двигательных синергий, полисенсорности и многоуровневости процессов управления. И целенаправленное смещение взгляда, и его устойчивая фиксация подчиняются принципам функциональной системы» (Барабанчиков, Жегалло, 2014, с. 54);

– наличию реакций испытуемого на личностно значимые стимулы. Для склонных к наркотической зависимости испытуемых подобными стимулами будут выступать изображения или текст, связанные с наркотиками (Anderson, 2016). Данный фактор обусловлен тем, что у людей с опытом употребления наркотических средств отмечается смещение внимания на сигналы, связанные с наркотиками, подкрепленное подкорково-опосредованным переходом к привычному/автоматизированному реагированию и снижением префронтального контроля (Parvaz et al., 2021). Более того, при лечении от наркотической зависимости и организованной тренировке по снижению тяги и внимания на стимулах (например, в программе модификации смещения внимания – АВМ), связанных с наркотиками, не происходит смещение внимания, испытуемые устойчиво обнаруживают графический зонд с изображением наркотика (Dean et al., 2019). Даже после периодов отказа от употребления наркотиков у испытуемых все еще может наблюдаться смещение внимания к сигналам, связанным с ними (Anderson, 2016).

Смещение внимания или ценностно ориентированный контроль внимания (Anderson, 2013) связаны с опытом получаемого вознаграждения при нахождении соответствующего стимула в условиях реальной жизнедеятельности. Поэтому не только стимулы, связанные с наркотиками, но и иные стимулы, которые ранее ассоциировались с получением удовольствия, могут привлечь внимание. Это происходит даже в случае осознания испытуемым, что его поведение не соответствует инструкции или даже противоречит ей, и понимания того, что нахождение стимула, ассоциирующегося с вознаграждением, не приведет к получению этого вознаграждения.

Смещение внимания при наркотической зависимости возникает в условиях, когда визуальные стимулы, связанные с наркотиками, абсолютно не соответствуют задаче, в рамках выполнения которой необходимо обратить внимание на совершенно иной стимул (Dean et al., 2019; Anderson, 2016). Таким образом, построение дизайна айтрекингowego исследования с конкурирующими нейтральными стимулами и стимулами, ассоциированными с наркотиками, имеет высокий диагностический потенциал для разработки методики выявления склонности к наркотической зависимости или опыта употребления наркотиков с применением технологии айтрекинга. Данный факт тем актуальнее и значимее, что смещение внимания по отношению к стимулам, связанным с наркотиками, достаточно хорошо предсказывает тягу к наркотикам (Field et al., 2013; Mirtorabi et al., 2022) и моделирует желание их употреблять (Field et al., 2007), то есть практически реализовывать зависимое от наркотических средств поведение.

В данном контексте определенный потенциал имеют антисаккадные когнитивные задачи при восприятии визуального стимульного материала, связанного с наркотиками. Анисаккада (Antisaccade, AS) – взгляд в направлении, противоположном цели, предполагает способность подавлять рефлекторные реакции в пользу произвольных двигательных актов (Everling & Fischer, 1998). Эффективность выполнения антисаккадных когнитивных

задач зависит от зрительного внимания и согласуется с процессами когнитивного контроля (Швайко и др., 2022).

Целью представленного исследования стала оценка возможности диагностики склонности к наркотической зависимости с применением технологии айтрекинга для выявления смещения внимания испытуемых на стимулы, связанные с наркотиками, при выполнении антисаккадной когнитивной задачи.

Описание исследования

Методы исследования

В рамках лабораторного эксперимента с использованием айтрекера Tobii Pro Spectrum (с частотой дискретизации 150 Гц) был проведен анализ движений глаз участников при демонстрации стимульного материала «слова и изображения вокруг точки». Слайды со стимульным материалом отображались на ЖК мониторе *Eizo FlexScan EV245* с разрешением 1920 × 1080. При регистрации окуломоторной активности участники располагались на расстоянии 60–65 см от экрана. Задание для участников было представлено в виде слайда на экране и сопровождалось устными комментариями экспериментатора. В процессе лабораторного эксперимента помимо регистрации движений глаз также фиксировались комментарии участников и общее поведение. Перед началом выполнения задания взгляд участников располагался на фиксационной точке в центре экрана.

В сборе данных приняли участие 27 респондентов в возрасте от 18 до 35 лет, из них 19 девушек и 8 юношей, проживающих на территории г. Екатеринбурга. Выборка была разделена на три равные подгруппы:

- 1) группа систематического употребления: респонденты, имеющие множественный опыт употребления наркотических веществ;
- 2) группа единичного употребления: респонденты с разовым опытом употребления наркотических веществ;
- 3) группа без опыта употребления: респонденты, не имевшие опыта употребления наркотических веществ.

Проведение эксперимента включало несколько этапов:

- подписание информированных согласий на участие в исследовании, в т. ч. с использованием айтрекера;
- вводный инструктаж о конфиденциальности и правилах проведения процедуры исследования;
- проведение исследования на айтрекере;
- заполнение опросной анкеты, направленной на сбор данных об опыте употребления наркотических веществ;
- обработка результатов и их интерпретация.

Фиксация результатов осуществлялась посредством построения индивидуальных сценариев движения глаз (Gaze Plots), учета времени (миллисекунды) и количества (единицы) фиксации взгляда на триггерных стимулах, времени (миллисекунды) и количества (единицы) присутствия взгляда в зонах триггерных стимулов.

В процессе проведения исследования особое внимание уделялось обеспечению конфиденциальности исследования, в частности, разъяснению понятия конфиденциальности респондентам с целью снизить стрессогенное воздействие от потенциально возможных последствий за искренние ответы, особенно в случае наличия опыта употребления психоактивных веществ или переживания зависимости. Для соотнесения окулографических данных и данных опросной анкеты была интегрирована система персональных кодировок. Исследование проводи-

лось в специализированном лабораторном блоке, оборудованном айтрекером и персональным компьютером с программным обеспечением для анализа окулоmotorной активности *Tobii Pro Lab*. Перед началом регистрации в лабораторном помещении устранялся естественный солнечный свет с помощью блэкаут-штор, а в процессе процедуры в помещении могли находиться строго два человека – респондент и экспериментатор.

Для определения глазодвигательных маркеров субъективной значимости стимулов мы основывались на методике, предложенной Ю. В. Бессоновой и А. А. Обозновым (Бессонова, Обознов, 2019). Согласно их подходу, анализируются последовательность рассматривания, временные параметры фиксации (суммарное время рассматривания, длительность первой фиксации, средняя длительность фиксации), а также скоростные характеристики саккад (длительность и скорость), которые представляют собой информативные показатели значимости стимула для человека. Кроме того, мы учитывали феномен смещения внимания от объекта, указанного инструкцией, к объекту-раздражителю (Dean et. al., 2019; Anderson, 2016). В контексте исследования аддиктивного поведения данный феномен может свидетельствовать о склонности к наркотической зависимости (Field et al., 2013).

Математико-статистическая обработка данных осуществлялась в программе *JASP 0.18.1.0* (критерий Манна-Уитни и однофакторный дисперсионный анализ *ANOVA*).

Материалы исследования

Часть стимульного материала и общая методика данного исследования основываются на результатах пилотажного исследования (Воробьева и др., 2022). В процессе пересмотра экспериментального дизайна были внесены значительные изменения, в частности, сокращено количество семантических групп (исключены категории табакокурения, алкоголизма и токсикомании) и добавлены новые слова, отсылающие к утвержденному названию наркотических средств. Помимо слайдов со словами, были введены слайды с изображениями по такому же признаку размещения. В результате получились 13 слайдов с изображением четырех пар слов, где четыре слова имеют нейтральную смысловую нагрузку, а их пара – аддиктивную, а также три слайда с демонстрацией четырех графических изображений, одно из которых несет аддиктивную смысловую нагрузку, и два слайда с двумя изображениями, где одно из изображений также соотносится с тематикой аддикции. Перечень используемых слов представлен в таблице 1. Слова и изображения расположены равноудаленно от точки посередине слайда.

При проектировании слайдов с изображениями особое внимание уделялось композиции: нейтральные изображения подбирались так, чтобы максимально соответствовать изображению наркотического вещества по цвету, форме и расположению. Это обеспечивало визуальную согласованность и минимизацию посторонних факторов, влияющих на восприятие стимулов.

Испытуемым давалась инструкция: «На данном этапе Вам будет продемонстрировано 8 слайдов. Ваша задача смотреть ТОЛЬКО НА ТОЧКУ, которая расположена в центре экрана». Каждый слайд демонстрируется в течение 10 секунд, затем изображение переключается на «точку» (слайд с единственной черной точкой посередине) до тех пор, пока взгляд не будет сфокусирован на точке в течение 0,3 секунд, после чего запускается следующий слайд стимульного материала. Такие переходы позволяют унифицировать процедуру «входа» в задание для всех испытуемых и определяют «отправную точку» восприятия. Расстояние между словами и точкой на слайде стимульного материала позволяет попасть в периферическое зрение испытуемого, и в результате анализа видеозаписи взгляда испытуемого представляется возможным отследить саккадические движения глаз в сторону слов определенной семантики, в том числе последующие фиксации на словах, имеющих повышенную личностную значимость.

Таблица 1. Перечень слов с аддиктивной семантикой и подобранные параллельные нейтральные стимулы

Table 1. List of words with addictive semantics and selected parallel neutral incentives

№	Слова с аддиктивной семантикой (триггерные стимулы)	Слова с нейтральной семантикой (нейтральные стимулы)
1	Дилер	Декор
2	Гашиш	Гормон
3	Пыхать	Ронять
4	Шишки	Шасси
5	Эстази	Монтаж
6	Ломка	Локон
7	Наркотик	Фонарь
8	Кокаин	Кромка
9	Дурь	Спад
10	ЛСД	РАН
11	Доза	Дуэт
12	Меф	Фрак
13	Травка	Струна
14	Метадон	Импорт
15	Мефедрон	Кинофильм
16	Наркоман	Название
17	Зависимость	Задуматься
18	Деградация	Дистанция
19	Употребить	Возводить
20	Амфетамин	Мифология
21	Вред	Грош
22	Амф	Каф
23	А-ПВП	В-ФДП
24	Спид	Чутье
25	Торчок	Тюлень
26	Альфа	Кефир
27	Нюхать	Трость
28	Притон	Дисконт
29	Героин	Похвала
30	Эйфория	Эскалатор
31	Колотья	Вычислять
32	Трезвость	Тонкость

Пример слайда стимульного материала с данными сценариев движений глаз крайних групп представлен на Рисунке 1.

Результаты исследования

Анализ дескриптивной статистики показал следующие результаты: в группах с опытом употребления наркотических веществ наиболее распространенной является марихуана (94,4 %). В группе с единичным эпизодом употребления наркотиков марихуана также наиболее употребляема (88,9 %), причем у 7 респондентов она является единственным наркотическим веществом, опыт употребления которого у них имеется. В группе с систематическим употреблением наркотиков, помимо марихуаны (употребляема всеми респондентами), наиболее часто употребляемыми веществами являются синтетические эйфоретики, включая экстази и/или МДМА (77,8 %) и мефедрон (66,7 %). В данной группе отсутствуют респонденты с исключительным опытом употребления только одного вещества. Наиболее распространенный возраст первого эпизода употребления наркотиков — 17–19 лет (50 %), следующий по частотности возраст — 14–16 лет (22,2 %). Средний возраст респондентов составляет 23 года ($X_{cp} = 23,18$).

Соотнесение фиксаций на стимулах с аддитивной семантикой в группах респондентов с разным опытом употребления наркотических веществ (таблица 2) посредством однофакторного дисперсионного анализа не выявил значимых различий (*Levene's test* = 0,49 при $p > 0,05$). Одной из причин такого явления может быть обесценивание наркотических элементов в обществе, вызванное их популяризацией и частичной или полной декриминализацией, как, например, в случае с марихуаной. Этот фактор может оказывать влияние на результаты исследования, поскольку непроизвольное внимание к словам, связанным с аддикцией, может быть менее выраженным у респондентов с опытом единичного употребления наркотических веществ по сравнению с другими группами.

Сравнение контрастных групп позволило выявить значимые различия ($U = 18,5$ при $p = 0,045$) в фиксациях на аддитивные стимулы раздражители. Конкретно, респонденты

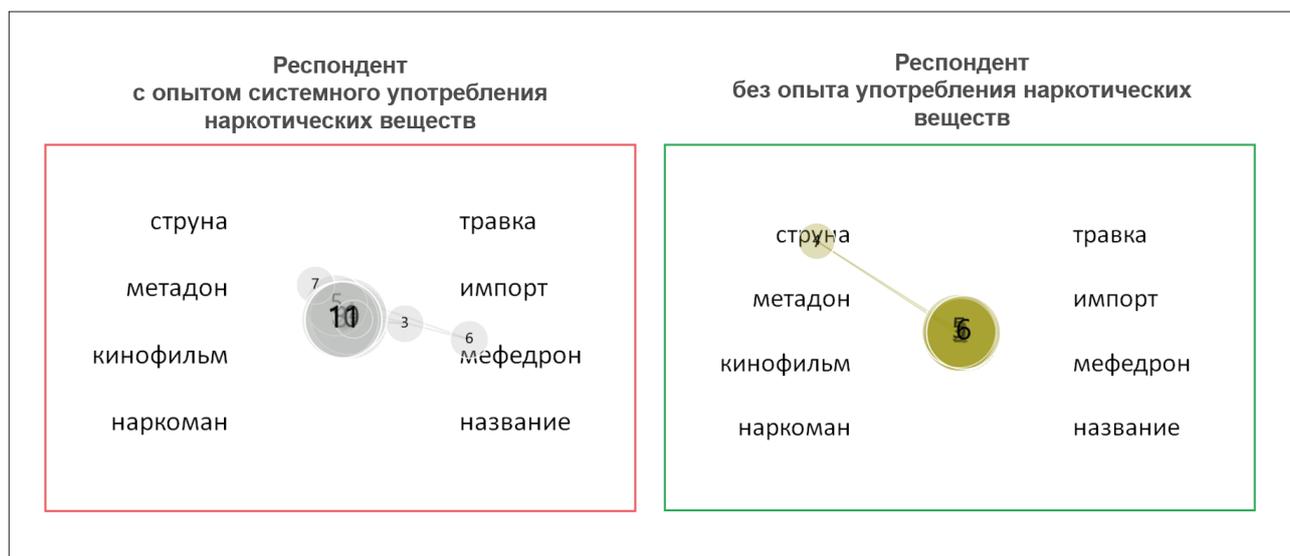

Рис. 1. Пример слайда стимульного материала с данными сценария движений глаз респондентов крайних групп

Fig. 1. Example of stimulus material slide with eye movement scenario data from respondents in extreme groups

Таблица 2. Соотнесение фиксаций на стимулах с аддиктивной семантикой с группами респондентов с разным опытом употребления наркотических веществ

Table 2. Correlation of fixations on stimuli with addictive semantics with groups of respondents with different experience of drug use

Переменная	Уровень значимости критерия Ливиня	Уровень значимости модели ANOVA	Среднее		
			Без опыта	Единичный опыт	Систематический опыт
Количество фиксаций	0,49	> 0,05	0,77	1,11	2,44

Таблица 3. Сравнительный анализ между показателями фиксаций на стимулах с аддиктивной семантикой и группами с наличием и отсутствием опыта употребления наркотических веществ

Table 3. Comparative analysis between fixation rates on stimuli with addictive semantics and groups with and without substance use experience

Переменная	Коэффициент Манна-Уитни U	Уровень значимости	Медиана	
			Систематический опыт	Без опыта
Количество фиксаций	18,50	0,045	11,94	7,06

с опытом употребления наркотических веществ демонстрировали более высокую частоту фиксации на словах, связанных с аддикцией ($M = 11,94$), в то время как количество зрительных фиксаций в группе без опыта употребления наркотических веществ было ниже ($M = 7,06$). Детализированные данные представлены в таблице 3.

При анализе произвольных саккад на стимулы с аддиктивной семантикой было выявлено, что в группе с систематическим опытом употребления наркотических веществ 84,62 % саккад с последующей фиксацией были направлены на слова, обозначающие полное наименование наркотических веществ (например, мефедрон, гашиш и т. п.), а также их сленговые и сокращенные вариации (например, амф, альфа и т. п.). Остальные произвольные саккады были направлены на слова, ассоциируемые с аддикцией (например, наркотик, пыхать, притон и т. п.). В группе с разовым опытом употребления 54,55 % саккад были направлены на наименования наркотиков, тогда как в группе без опыта употребления все произвольные саккады были направлены исключительно на слова, ассоциируемые с аддикцией (без реакции на названия наркотиков).

В целом полученные данные могут свидетельствовать о том, что опыт употребления наркотических веществ влияет на степень и характер когнитивного интереса к различным аспектам аддиктивной семантики. Высокий процент выделения среди аддиктивных стимулов слова-наименований наркотических веществ указывает на высокую степень внимания и интереса к конкретным названиям наркотиков, что может быть связано с привычностью и значимостью этих терминов. В группе без опыта употребления отсутствует специфический интерес к конкретным названиям наркотиков, а выделение слов, ассоциируемых с аддикцией, может быть обусловлено любопытством, осторожностью по отношению к аддиктивной тематике,

не подкрепленной личным опытом, или в связи с другими факторами, например, со значимостью темы зависимого поведения в связи с ассоциацией с социальным окружением или информационным контентом.

Качественный анализ сценариев движения глаз позволяет отметить наличие непроизвольного внимания у респондентов с опытом употребления наркотических веществ в сторону изображений, демонстрирующих наркотические вещества, в отличие от группы без опыта употребления (Рисунок 2).

Следует отметить, что данный вид стимульного материала требует значительной доработки или использования альтернативного подхода при процедуре проведения исследования. В процессе эксперимента было замечено, что при предъявлении слайдов с изображениями часть респондентов отклонялись назад, тем самым нарушая установленное расстояние от поверхности экрана до глаз. Это позволяло участникам полностью идентифицировать содержание изображений, что могло повлиять на результаты. Однако при предъявлении стимульного материала со словами вокруг точки такого явления не наблюдалось, что указывает на необходимость пересмотра методологии для обеспечения более точных и надежных данных. Также существует определенная сложность в подборе изображений для стимульного материала, иллюстрирующих ситуацию употребления наркотических веществ или иных форм стимулов, связан-

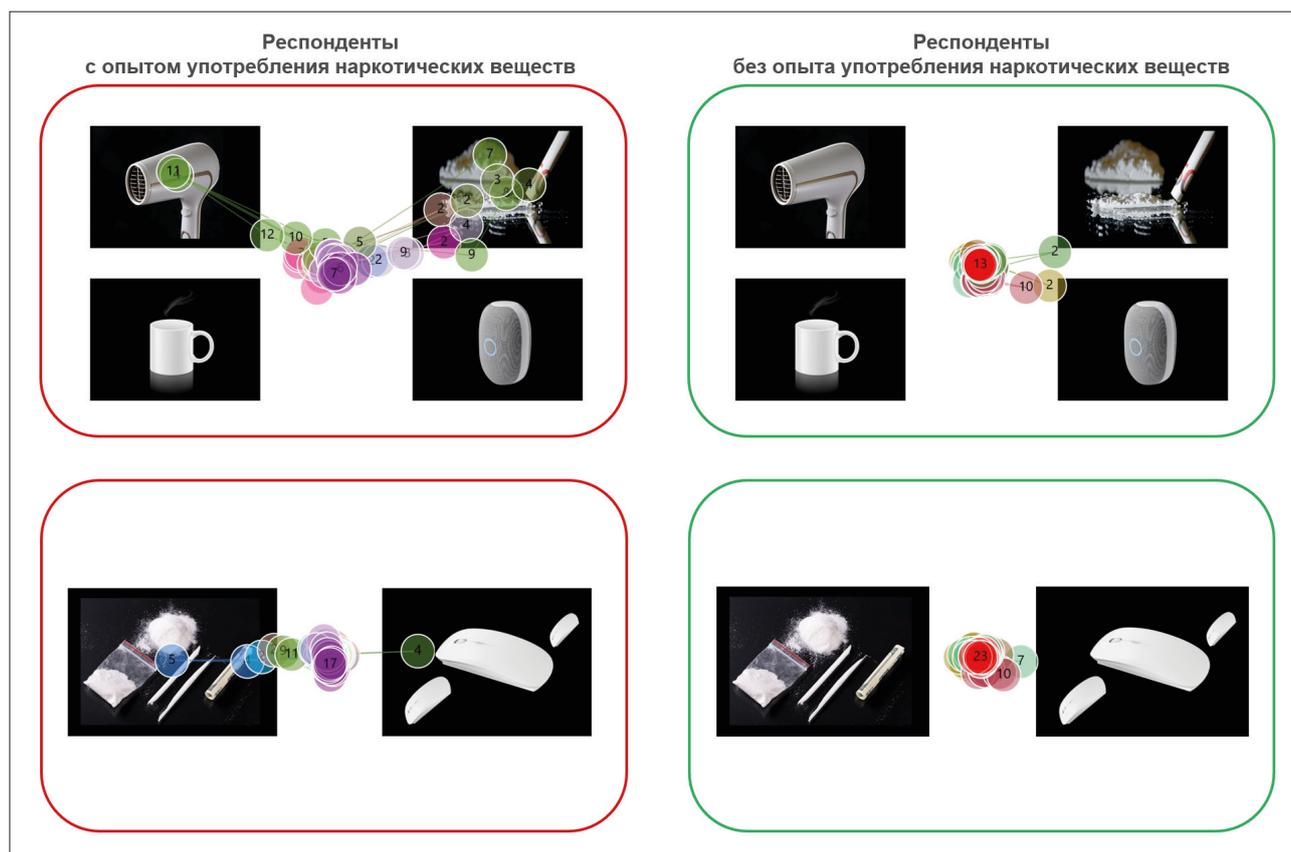

Рис. 2. Сценарии движений глаз у респондентов с наличием и отсутствием опыта употребления наркотических веществ

Fig. 2. Eye movement scenarios of respondents with and without substance use experience

ных с темой аддиктивного поведения. Часто такие изображения содержат провокационные и дезориентирующие элементы, что может оказывать влияние на глазодвигательную активность у участников вне зависимости от наличия опыта употребления.

Заключение

В свете актуальной проблематики аддиктивного поведения в мировом контексте наряду с поиском новых профилактических мер и разработкой аналоговых диагностических инструментов возникает потребность в усовершенствовании методов диагностики данного поведения. На данный момент диагностика аддиктивного поведения проводится через психодиагностические методики, которые, как и в целом любые опросные инструменты, предусматривают искажение ответов по причинам социальной желательности, создания позитивного образа, страха ответственности и неприятия факта наличия зависимого поведения.

Сам же феномен аддиктивного поведения в обществе порицаем, вследствие чего появляется тенденция к сокрытию и отрицанию факта наличия зависимости, из-за чего при психодиагностических мероприятиях мы встречаемся с феноменом скрытых интенций. В связи с этим сегодня активно развиваются исследования в области инструментальной диагностики, в частности, при помощи айтрекинга. Представленное исследование обнаружило высокий потенциал метода окулографии в контексте диагностики аддиктивного поведения. Непроизвольные саккады, то есть быстрые и произвольные перемещения глаз в сторону стимулов-раздражителей у респондентов с систематическим опытом употребления наркотических веществ наблюдались в случаях, когда это противоречило инструкциям и волевым усилиям испытуемых.

Однако в настоящее время недостаточно оснований для рассмотрения этой технологии как основного и исключительного диагностического инструмента ввиду ограниченности методологической базы и необходимости дополнительных исследований для обеспечения достоверности результатов.

Дальнейшее развитие и усовершенствование окулографической методики может привести к улучшению ее применимости в диагностике аддиктивного поведения. Необходимы дальнейшие улучшения и апробация новых форматов стимульного материала, а также дополнительные исследования с использованием широкой выборки и более проработанной методологической стратегии для подтверждения результатов текущего исследования и обеспечения достоверности, повторяемости полученных результатов. Кроме того, важно провести сравнительные анализы эффективности окулографии с другими существующими методами диагностики аддиктивного поведения, чтобы определить ее преимущества и ограничения в контексте комплексного подхода к оценке данного феномена.

Список литературы

- Барабанщиков, В. А. (2015). Окуломоторная активность человека как предмет и метод психологического исследования. В В. А. Барабанщиков (отв. ред.), *Айтрекинг в психологической науке и практике* (стр. 15–34). Москва: Когито-Центр. EDN LQWPVIV.
- Барабанщиков, В. А., Жегалло, А. В. (2014). *Айтрекинг: Методы регистрации движений глаз в психологических исследованиях и практике*. Москва: Когито-Центр.
- Бессонова, Ю. В., Обознов, А. А. (2019). Айтрекинг в диагностике правды-лжи. *Институт психологии Российской академии наук. Организационная психология и психология труда*, 4 (1), 46–86. EDN ZDDJGP.
- Бухтияров, И. В., Жбанкова, О. В., Юшкова, О. И., Гусев, В. Б. (2019). Новые психофизиологические подходы, применяемые при профотборе кандидатов в опасные профессии. *Медицина труда и промышленная экология*, 59(3), 132–141. <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2019-59-2-132-141>

- Воробьева, И. В., Кружкова, О. В., Матвеева, А. И., Робин, С. Д. (2022). Возможные маркеры аддиктивного поведения при окулографическом исследовании. *Российский девиантологический журнал*, 2 (4), 397–407. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-4-397-407>
- Кайдалова, Д. А., Кузнецова, А. А., Никитина, Е. А. (2023). Особенности глазодвигательных реакций при восприятии статичных изображений у юношей и девушек со склонностью к игровой компьютерной зависимости. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*, 13 (4), 164–175. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-164-175>
- Кузнецова, А. А., Кайдалова, Д. А. (2020). Технология окулографии в ранней диагностике склонности к зависимому поведению. *Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика*, 10 (2), 180–189. EDN DZFRKV
- Купцова, С. А. (2021). Система ранней диагностики и профилактики употребления психоактивных веществ среди подростков и молодежи. *Педагогический журнал*, 11 (6А), 250–260. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.83.70.032>. EDN QGPOHA.
- Минюрова, С. А., Кружкова, О. В., Воробьева, И. В., Матвеева, А. И. (2022). Аддиктивное поведение подростков и юношей в системе образования: обзор психолого-педагогических исследований. *Образование и наука*, 24 (6), 84–121. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-6-84-121>
- Природова, О. Ф., Лазаренко, В. А., Никишина, В. Б., Кузнецова, А. А. (2019). Оценка установочного компонента когнитивной задачи по структурнодинамическим характеристикам движения глаз преподавателя вуза. *Медицинское образование и профессиональное развитие*, 10 (1), 73–83. EDN ZCAELB.
- Швайко, Д. А., Янушко, М. Г., Шаманина, М. В., Иванов, М. В. (2022). Взаимосвязь когнитивного статуса и параметров антисаккад у пациентов, страдающих шизофренией. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*, 4 (117), 22–32. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4\(117\)-22-32](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4(117)-22-32)
- Anderson, B. A. (2013). A value-driven mechanism of attentional selection. *Journal of Vision*, 13, 1–16. <https://doi.org/10.1167/13.3.7>
- Anderson, B. A. (2016). What is abnormal about addiction-related attentional biases? *Drug and alcohol dependence*, 167, 8–14. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2016.08.002>
- Dean, A. C., Nurmi, E. L., Moeller, S. J. et al. (2019). No effect of attentional bias modification training in methamphetamine users receiving residential treatment. *Psychopharmacology*, 236, 709–721. <https://doi.org/10.1007/s00213-018-5100-8>
- Ekin, M., Koçoğlu, K., Eraslan Boz H. et al. (2023). Antisaccade and memory-guided saccade in individuals at ultra-high-risk for bipolar disorder. *Journal of Affective Disorders*, 339 (3). <https://doi.org/10.1016/j.jad.2023.07.109>
- Everling S., & Fischer B. (1998). The antisaccade: a review of basic research and clinical studies. *Neuropsychologia*, 36 (9), 885–899. [https://doi.org/10.1016/s0028-3932\(98\)00020-7](https://doi.org/10.1016/s0028-3932(98)00020-7)
- Field, M., Duka, T., Eastwood, B., Child, R., Santarcangelo, M., & Gayton, M. (2007). Experimental manipulation of attentional biases in heavy drinkers: do the effects generalise? *Psychopharmacology*, 192, 593–608. <https://doi.org/10.1007/s00213-007-0760-9>
- Field, M., Mogg, K., Mann, B., Bennett, G. A., & Bradley, B. P. (2013). Attentional biases in abstinent alcoholics and their association with craving. *Psychology of Addictive Behaviors*, 27, 71–80. <https://doi.org/10.1037/a0029626>
- Mirtorabi, S. D., Saleki, S., Rahmadian, M. S., Hadizadeh, H., Rostami, R., & Yoonessi, A. (2022). Direct and Indirect Measures of Attention Indicating a Bias Toward Cues in Methamphet-

amine Users. *Basic and Clinical Neuroscience*, 13 (4), 455–464. <http://dx.doi.org/10.32598/bcn.12.6.1589.1>

Parvaz, M. A., Malaker, P., Zilverstand, A., Moeller, S. J., Alia-Klein, N., & Goldstein, R. Z. (2021). Attention bias modification in drug addiction: Enhancing control of subsequent habits. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118 (23), e2012941118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2012941118>

References

- Barabanshchikov, V. A. (2015). Okulomotornaya aktivnost' cheloveka kak predmet i metod psichologicheskogo issledovaniya. V V. A. Barabanshchikov (otv. red.), *Ajtreking v psichologicheskoy nauke i praktike* (str. 15–34). Moscow: Kogito-Centr. EDN LQWPIV.
- Barabanshchikov, V. A., Zhegallo, A. V. (2014). *Ajtreking: Metody registracii dvizhenij glaz v psichologicheskikh issledovaniyah i praktike*. Moscow: Kogito-Centr.
- Bessonova, Yu. V., Oboznov, A. A. (2019). Ajtreking v diagnostike pravdy-lzhi. Institut psichologii Rossijskoj akademii nauk. *Organizacionnaya psichologiya i psichologiya truda*, 4 (1), 46–86. EDN ZDDJGP.
- Buhtiyarov, I. V., Zhbankova, O. V., Yushkova, O. I., Gusev, V. B. (2019). Novye psichofiziologicheskie podhody, primenyaemye pri profotbore kandidatov v opasnye professii. *Medicina truda i promyshlennaya ekologiya*, 59 (3), 132–141. <https://doi.org/10.31089/1026-9428-2019-59-2-132-141>
- Vorob'eva, I. V., Kruzhkova, O. V., Matveeva, A. I., Robin, S. D. (2022). Vozmozhnye markery addiktivnogo povedeniya pri okulograficheskom issledovanii. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (4), 397–407. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-4-397-407>
- Kajdalova, D. A., Kuznecova, A. A., Nikitina, E. A. (2023). Osobennosti glazodvigatel'nyh reakcij pri vospriyatii statichnyh izobrazhenij u yunoshej i devushek so sklonnost'yu k igrovoj komp'yuternoj zavisimosti. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 13 (4), 164–175. <https://doi.org/10.21869/2223-151X-2023-13-4-164-175>
- Kuznecova, A. A., Kajdalova, D. A. (2020). Tekhnologiya okulografii v rannej diagnostike sklonnosti k zavisimomu povedeniyu. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika*, 10 (2), 180–189. EDN DZFRKV
- Kupcova, S. A. (2021). Sistema rannej diagnostiki i profilaktiki upotrebleniya psichoaktivnyh veshchestv sredi podrostkov i molodezhi. *Pedagogicheskij zhurnal*, 11 (6A), 250–260. <https://doi.org/10.34670/AR.2021.83.70.032>. EDN QGPOHA.
- Minyurova, S. A., Kruzhkova, O. V., Vorob'eva, I. V., Matveeva, A. I. (2022). Addiktivnoe povedenie podrostkov i yunoshej v sisteme obrazovaniya: obzor psichologo-pedagogicheskikh issledovanij. *Obrazovanie i nauka*, 24 (6), 84–121. <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2022-6-84-121>
- Prirodova, O. F., Lazarenko, V. A., Nikishina, V. B., Kuznecova, A. A. (2019). Ocenka ustanovochnogo komponenta kognitivnoj zadachi po strukturnodinamicheskim harakteristikam dvizheniya glaz prepodavatelya vuza. *Medicinskoe obrazovanie i professional'noe razvitie*, 10 (1), 73–83. EDN ZCAELB.
- Shvajko, D. A., Yanushko, M. G., Shamanina, M. V., Ivanov, M. V. (2022). Vzaimosvyaz' kognitivnogo statusa i parametrov antisakkad u pacientov, stradayushchih shizofreniej. *Sibirskij vestnik psichiatrii i narkologii*, 4 (117), 22–32. [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4\(117\)-22-32](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-4(117)-22-32)
- Anderson, B. A. (2013). A value-driven mechanism of attentional selection. *Journal of Vision*, 13, 1–16. <https://doi.org/10.1167/13.3.7>
- Anderson, B. A. (2016). What is abnormal about addiction-related attentional biases? *Drug and alcohol dependence*, 167, 8–14. <https://doi.org/10.1016/j.drugalcdep.2016.08.002>

- Dean, A. C., Nurmi, E. L., Moeller, S. J. et al. (2019). No effect of attentional bias modification training in methamphetamine users receiving residential treatment. *Psychopharmacology*, 236, 709–721. <https://doi.org/10.1007/s00213-018-5100-8>
- Ekin, M., Koçoğlu, K., Eraslan Boz H. et al. (2023). Antisaccade and memory-guided saccade in individuals at ultra-high-risk for bipolar disorder. *Journal of Affective Disorders*, 339 (3). <https://doi.org/10.1016/j.jad.2023.07.109>
- Everling S., & Fischer B. (1998). The antisaccade: a review of basic research and clinical studies. *Neuropsychologia*, 36 (9), 885–899. [https://doi.org/10.1016/s0028-3932\(98\)00020-7](https://doi.org/10.1016/s0028-3932(98)00020-7)
- Field, M., Duka, T., Eastwood, B., Child, R., Santarcangelo, M., & Gayton, M. (2007). Experimental manipulation of attentional biases in heavy drinkers: do the effects generalise? *Psychopharmacology*, 192, 593–608. <https://doi.org/10.1007/s00213-007-0760-9>
- Field, M., Mogg, K., Mann, B., Bennett, G. A., & Bradley, B. P. (2013). Attentional biases in abstinent alcoholics and their association with craving. *Psychology of Addictive Behaviors*, 27, 71–80. <https://doi.org/10.1037/a0029626>
- Mirtorabi, S. D., Saleki, S., Rahmanian, M. S., Hadizadeh, H., Rostami, R., & Yoonessi, A. (2022). Direct and Indirect Measures of Attention Indicating a Bias Toward Cues in Methamphetamine Users. *Basic and Clinical Neuroscience*, 13 (4), 455–464. <http://dx.doi.org/10.32598/bcn.12.6.1589.1>
- Parvaz, M. A., Malaker, P., Zilverstand, A., Moeller, S. J., Alia-Klein, N., & Goldstein, R. Z. (2021). Attention bias modification in drug addiction: Enhancing control of subsequent habits. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 118 (23), e2012941118. <https://doi.org/10.1073/pnas.2012941118>

Информация об авторах

Ольга Владимировна Кружкова – заведующий лабораторией перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент.

Сергей Дмитриевич Робин – лаборант лаборатории перспективных социосредовых исследований Уральского государственного педагогического университета.

About the authors

Olga V. Kruzhkova – Head of the Laboratory of Advanced Socio-Environmental Studies, Ural State Pedagogical University, Cand. Sci. (Psy.), Docent.

Sergey D. Robin – laboratory assistant of the Laboratory of Advanced Socio-Environmental Studies, Ural State Pedagogical University.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 21.07.2024

Одобрена после рецензирования 20.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted July 21, 2024

Approved after reviewing August 20, 2024

Accepted October 28, 2024

УДК 37.026

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-408-424

Подготовка сотрудников курсов суворовских военных училищ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков

Марина Римантасовна Илакавичус

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

marinaorlova_99@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-4706-2877

Евгений Юрьевич Иванов

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

ivanzmeeff@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8855-2920

Аннотация

Введение. Профилактика девиантного поведения старших подростков является одной из актуальных современных социально-педагогических задач, которую в суворовских военных училищах МВД России призваны решить сотрудники подразделений курсов. Проблема состоит в их недостаточной компетенции, а также в отсутствии нормативов по организации соответствующей подготовки. Анализ психолого-педагогической области девиантного поведения старших подростков в отечественной и зарубежной литературе позволяет определить девиацию как отклонение от нормы, признанной в конкретных социальных условиях, а профилактику можно считать деятельностью, противостоящей негативным факторам ее возникновения. Целью настоящего исследования является обоснование эффективного способа подготовки сотрудников курсов суворовских военных училищ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков. **Методы исследования.** Методологическую основу исследования составили гуманитарно-антропологический и андрагогический подходы, теория внутрифирменной подготовки. Исследование проводилось на базе одного из суворовских военных училищ МВД России с применением теоретических и эмпирических методов: анализ, обобщение, систематизация полученных данных, педагогическое проектирование, эксперимент, опрос и контент-анализ рефлексивных текстов. **Результаты.** Проведя анализ теории и практики формирования педагогических компетенций в условиях ограниченного временного ресурса и трудности обучения сотрудников вне училища, авторы в качестве основного вида подготовки выбрали внутрифирменную. Была создана модель такой подготовки сотрудников курсов на основании импликационной связи девяти процессуально-

методических блоков, разработана соответствующая программа. Программа апробировалась с 2019 по 2024 гг. и в опытно-экспериментальной работе доказана ее результативность. Гипотеза настоящего исследования была подтверждена, цель достигнута путем последовательного решения задач. Перспективным видится дальнейшее исследование внутрифирменной подготовки как эффективного способа обучения сотрудников образовательных организаций МВД России.

Ключевые слова

образование взрослых, профессиональная подготовка, сотрудники курсов, суворовские военные училища МВД России, девиантное поведение, старшие подростки

Для цитирования: Илакавичус, М. Р., Иванов, Е. Ю. (2024). Подготовка сотрудников курсов суворовских военных училищ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 408–424. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-408-424.

Original paper

Training of the employees of the courses of Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia for working on the prevention of deviant behaviour among older adolescents

Marina R. Ilakavichus

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)
marinaorlova_99@inbox.ru

ORCID: 0000-0003-4706-2877

Evgeny Yu. Ivanov

Санкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)
ivanzmeeff@rambler.ru

ORCID: 0000-0002-8855-2920

Abstract

Introduction. Prevention of deviant behaviour of older adolescents is one of the urgent modern socio-pedagogical tasks, which in the Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia should be solved by the employees of the course units. The problem lies in their lack of competence, as well as in the absence of standards for the organisation of relevant training. Analysis of the psychological and pedagogical field of deviant behaviour among older adolescents in domestic and foreign literature makes it possible to define deviation as a deviation from the norm recognised in specific social conditions, while prevention can be considered as an activity that counteracts the negative factors of its occurrence. The aim of this research is to substantiate an effective way of training course employees of Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia for working on the prevention of deviant behaviour among older adolescents. **Research methods.** The methodological basis of the research was based on the humanitarian-anthropological and andragogical approaches

and the theory of internal training. The research was implemented on the basis of one of the Suvorov Military Schools of the Russian Ministry of Internal Affairs using theoretical and empirical methods: analysis, generalisation, systematisation of the obtained data, pedagogical projecting, experiment, survey and content analysis of reflexive texts. **Results.** The authors analysed the theory and practice of pedagogical competence formation under conditions of limited time resource and difficulty of training employees outside the school and chose internal training as the main type of training. The model of such training of course staff was created on the basis of implicative connection of nine procedural-methodological blocks, the relevant programme was developed. The programme was tested from 2019 to 2024 and its effectiveness was proved in the experimental work. The hypothesis of the present research was confirmed, the goal was achieved through the successive solution of tasks. Further research of internal training as an effective way of training employees of educational organisations of the Ministry of Internal Affairs of Russia seems perspective.

Keywords

adult education, professional training, course employees, Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia, deviant behaviour, older adolescents

For citation: Ilakavichus, M. R., Ivanov, E. Yu. (2024). Training of the employees of the courses of Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia for working on the prevention of deviant behaviour among older adolescents. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 408–424. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-408-424.

Введение

Профилактика девиантного поведения подрастающего поколения как одна из важнейших социально-педагогических проблем является предметом международных исследований. Государственная политика Российской Федерации ориентирована на предотвращение девиаций у данной категории граждан, важную роль в этом процессе играет система образования. Профилактика девиации у подрастающего поколения в суворовских военных училищах МВД России (далее – СВУ МВД России) имеет свою специфику, т. к. реализуется в субординационной закрытой среде с круглосуточным нахождением обучающихся, строгим распорядком дня. Культуросообразные ценности, лежащие в основе учебно-воспитательного процесса в ней, определяют условия для профессионального самоопределения суворовцев. При этом данная среда несет риски девиантного поведения. Они наиболее высоки на первом курсе, поскольку в образовательные организации поступают мальчики 14 лет, что совпадает со старшим подростковым возрастом, по аллегории Г. С. Холла – возрастом «бури и натиска» (Hall, 1904). Проблема состоит в том, что в СВУ МВД России функция профилактики девиантного поведения у суворовцев возложена на подразделения курсов, сотрудники которых не обладают развитой педагогической компетенцией. Кроме того, вопросы их соответствующей подготовки в педагогической науке разработаны недостаточно.

В гуманитарных исследованиях девиация интерпретируется как негативное отклонение от социальных норм, не одобряемое обществом (Goode, 2022). Полученные Г. Прати и К. Томасетто в исследованиях данные свидетельствуют об отсутствии прямой связи между половым созреванием и девиантным поведением среди подростков в целом (Prati & Tomasetto, 2022), вопрос находится в плоскости психолого-педагогического и социального конструкта. Нормы социального взаимодействия, транслируемые взрослыми, применимы при высоком уровне осознания и принятия. Старшие подростки способны проявить себя в случае одобрения окружающих (Трошихина, Навдушевич, 2023), которыми, как правило, становятся сверстники с асоциальным поведением, что способствует и проецированию их сценариев поведения на себя (Seddig, 2020). Формируется дисгармония в отношениях, которая способствует

депривации и детерминирует негативное поведение у старших подростков (Антилогова, 2023) на фоне возрастных физиологических преобразований.

В современной науке нет единства в понимании феномена девиации. Согласно одной позиции она зарождается в действиях девиантов, согласно другой – общество определяет поступки девиантными (Cioban et al., 2021). В педагогической реальности СВУ МВД России имеет место второй подход. Большинство требований, предъявляемых к суворовцам, регламентированы локальными нормативными актами. В СВУ МВД России есть специальные службы, в т. ч. подразделения курсов, контролирующие соблюдение дисциплины обучающимися, что отличает указанные образовательные организации от типичных общеобразовательных школ. Данный фактор расширяет спектр действий обучающихся, которые классифицируются взрослыми как проявления девиантного поведения: от антисоциальных девиаций до «незастегнутой пуговицы» – девиации, признаваемой только в конкретной нормативной среде. Изложенное позволяет определить проявления девиантного поведения старших подростков в трех плоскостях отношений: со сверстниками, воспитателями и с образовательной организацией (Nelen et al., 2020; Granger, Cook, Ramos, 2020; Gao et al., 2022). Соответственно, в обозначенном пространстве риску каждого вида девиаций должен соответствовать сообразный вид профилактической работы.

Термин «профилактика» заимствован педагогической наукой из медицины. В соответствии с медицинской концепцией в данной области также рассматривается три уровня, «эшелона» профилактической работы: нейтрализация негативных факторов, работа с группой риска и с лицами, уже допустившими девиантные поступки (Albakova et al., 2020). Субъектами данной деятельности определены родители, образовательные и другие государственные и общественные организации по предупреждению и устранению рисков проявления девиаций у обучающихся посредством целенаправленной воспитательной работы. В нашем исследовании мы присоединяемся к данной позиции, однако видим дискуссионный аспект связи профилактики девиаций от профилактики антисоциального и деликвентного поведения в их возникновении, формах, средствах и методах реализации (Martínez-Otero & Leticia-Gaeta, 2022). Профилактическую работу девиантного поведения, вслед за китайскими исследователями девиаций старших подростков (Ye, Chen, Wu, 2024), мы рассматриваем в контексте теории педагогического сопровождения, концептами которой являются «вовлеченность взрослых», «благодарность», «справедливость», «доброта», «детско-взрослая общность» и т. д. В среде такой общности, характеристики которой даны в работах И. Ю. Шустовой, взрослые на основании принятия гуманистических ценностей должны погрузиться в сферу жизненных интересов старших подростков, организовать взаимодействие посредством совместной деятельности, с учетом индивидуальных интересов и талантов, а также создания условий для рефлексии (Шустова, 2021). Тогда эффективность профилактики девиантного поведения будет определяться уровнем готовности к данной деятельности взрослых (воспитателей и педагогов), составленной их ценностными ориентациями, принципами деятельности, и компетентностью (Mamaaimova, 2024). В СВУ МВД России профилактическая деятельность девиаций у старших подростков нередко организована интуитивно и несистемно, что определяет необходимость поиска адекватных проблеме теоретических оснований.

Таким образом, целью настоящего исследования стало обоснование эффективного способа подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков.

Для достижения поставленной цели решались задачи проведения анализа литературы по проблеме исследования, разработки и обоснования эффективных способов подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков и их опытно-экспериментальной проверки.

Объект исследования – процесс профилактики девиантного поведения у первокурсников СВУ МВД России.

Предмет – подготовка сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков.

Гипотеза исследования состоит в том, что если осуществлять подготовку сотрудников курсов на основании положений гуманитарно-антропологического и андрагогического подходов к работе по профилактике девиантного поведения у первокурсников СВУ МВД России, то количество девиаций будет сокращаться.

Описание исследования

Методологическую основу исследования составили: гуманитарно-антропологический подход (В. И. Слободчиков, М. Р. Илакавичус, Е. И. Исаев, А. А. Остапенко), позволяющий выявить сущность и характеристику процесса взросления, риски и способы их предотвращения на основании отечественной культурно-исторической традиции; андрагогический подход (М. Ноулз, П. Джарвис, С. Г. Вершловский, А. И. Кукуев), определяющий основные принципы и инструменты построения образования взрослых; идеи внутрифирменной подготовки (М. Вудкок, Б. Карлофф, Р. Фишер, С. Я. Батышев, А. М. Новиков, Э. Ф. Зеер, М. В. Кларин, В. В. Кузнецов) о способах оптимизации время- и трудозатрат на подготовку взрослых без отрыва от профессиональной деятельности.

В исследовании, которое проводилось на базе Астраханского СВУ МВД России с 2019 по 2024 годы с привлечением 36 сотрудников курсов, применялись общенаучные теоретические методы, такие как анализ специальной литературы по проблеме исследования, обобщение и систематизация полученных данных, понятийный и сравнительный анализ теории и практики, педагогическое проектирование. В качестве эмпирических методов выступили эксперимент, опрос и контент-анализ рефлексивных текстов Ф. Мэйринга (Mauring, 2014).

Проведенный теоретический анализ литературы и сложившейся практики демонстрирует отсутствие специально-организованной подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков. В данном аспекте в училищах появляется возможность только такого вида подготовки, которая осуществляется в процессе служебной деятельности, в удобное для сотрудников и руководства образовательной организации время. Такую подготовку называют внутрифирменной или внутрикорпоративной (Zainal & Hakim, 2023), она не предполагает по окончании обучения получения документа установленного образца. Для реализации внутрифирменной подготовки необходимо было опираться на андрагогические принципы. В этом случае адекватным решением была ориентация на уже апробированные ранее формы, средства и методы подготовки сотрудников и работников СВУ МВД России к совместной воспитательной деятельности (Селин, Илакавичус, 2024), что концептуально сонаправлено с профилактической работой, которая включена в предмет нашего исследования. Следовательно, наиболее логичной в данном контексте моделью внутрифирменного обучения заявлена андрагогическая модель, особенностью которой является занятие фасилитаторской позиции руководителями, привлеченными специалистами-преподавателями и самими взрослыми-обучающимися с помощью перекрестной передачи информации, умений, навыков и стратегий профессиональной деятельности с целью формирования «самообучающейся организации» (Сенге, 2018; Ананченкова, 2023). Модель внутрифирменной подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков создана на основании импликационной связи процессуально-методических блоков (рисунок 1).

Охарактеризуем каждый из блоков в их импликационной взаимосвязи друг с другом. Осознание реальной ситуации заинтересованными лицами, прежде всего руководством образовательной организации, в сфере профилактики девиантного поведения у старших подростков в СВУ МВД России является отправной точкой проектирования программы подготовки. Проводимый далее SWOT-анализ – стратегический инструмент, оценивающий четыре аспекта педагогической реальности в своей антиномии (сильные и слабые стороны, возможности и риски) (Benzaghta et al., 2021). Результаты SWOT-анализа определяют замысел программы подготовки сотрудников курсов к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков, формируется инициативная группа единомышленников. Замысел преобразуется в проект программы подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков (далее – Программа). Программа рассматривается на педагогическом совете образовательной организации, где педагогический коллектив обсуждает ее содержание, принимает решение о реализации, а также может рекомендовать внести необходимые корректировки.

Рис. 1. Модель внутрифирменной подготовки сотрудников курсов суворовских военных училищ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков

Fig. 1. Model of internal training of employees of Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia for working on the prevention of deviant behaviour among older adolescents

Программа состоит из вариативной и инвариативной частей. Вариативная часть представлена «жестким» методическим каркасом, а инвариативная часть – возможностью методической помощи и «настройки» траектории подготовки сотрудников курсов руководством и группой единомышленников. Программа реализуется во время наименьшей интенсивности исполнения сотрудниками курсов своих должностных обязанностей. На наш взгляд, это период каникул у суворовцев. Диагностика результативности Программы, следовательно, эффективность подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков, разворачивается в логике гуманитарно-антропологического подхода посредством проведения контент-анализа рефлексивных текстов сотрудников-слушателей, а также объективных показателей проявления девиаций у суворовцев первого курса, в т. ч. и статистических. Но результаты диагностики нужно проанализировать, сопоставить с первоначальными целями и задачами, теоретически определенными в первых трех процессуально-методических блоках. Данное сопоставление работает как выявление ошибок и технологическая отладка.

Наиболее значимым элементом, который функционально не участвует в процессе, но располагается в центре и удерживает в фокусе все блоки, является идея профилактики девиантного поведения у старших подростков в СВУ МВД России. В подтверждение сказанного все связи проведены через указанную центральную идею и не дают возможности ухода в сторону технологизации. Сама неформальная основа подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков предусматривает совместную деятельность и обучение в личной встрече, что предполагает такие формы, как семинары, круглые столы, конференции и т. п.

Представим некоторые методы, которые использовались в процессе подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков. Первый метод – «перевернутый класс», когда изучение теории слушателями происходит самостоятельно, а вот обсуждения и практическая работа осуществляется в группе. Это позволяет оптимизировать процесс подготовки и сократить время, что особенно актуально в формате внутрифирменного обучения (Hoshang, Hilal, & Hilal, 2021). Wiki-технология применялась при подготовке, обсуждении и корректировке Программы, т. к. сущность технологии состоит в возможности каждого участника образовательного процесса, от руководителя до слушателя, участвовать в упомянутой деятельности (Luo & Chea, 2020). Для повышения навыков критического мышления и концентрации знаний о способах нивелирования факторов, способствующих девиации у старших подростков в СВУ МВД России, использовались ментальные карты (Sari et al., 2021). В качестве методик, создающих особую рефлексивную атмосферу, пространство совместной деятельности педагогического коллектива образовательной организации, командиров и начальников, суворовцев, выступают антропопрактики – методика педагогических мастерских (Сычугова, Белозерова, 2021) и стратегия мышления «Шесть шляп» (Mahoney, Patterson, Hall, 2022), эффективно апробированные на уровне образовательных организаций высшего образования МВД России (Илакавичус, 2021).

В качестве теоретического (знаниевого) обеспечения подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков выступили охарактеризованные нами во введении подходы к сущности, содержанию и проявлению девиаций у старших подростков практики организации профилактической деятельности в СВУ МВД России. В качестве практического обеспечения – непосредственно служебная деятельность сотрудников курсов СВУ МВД России, где ежедневно они могут сталкиваться с проявлениями девиаций у суворовцев, проводят профилактическую работу, зачастую интуитивно находят положительные исходы.

Кадровые ресурсы в реализации подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков – это непосредственно сами участники (командиры, педагоги, сотрудники курсов), а также приглашенные специалисты. В проведенной опытно-экспериментальной работе на базе Астраханского СВУ МВД России привлекались преподаватели Астраханского государственного университета имени В. Н. Татищева и психологи Областного социально-реабилитационного центра для несовершеннолетних «Исток» (г. Астрахань) – опытные специалисты в области педагогической и психологической профилактики девиантного поведения. Материально-технические и информационные ресурсы использовались в рамках повседневной деятельности в нормативном порядке. Следует акцентировать внимание на том, что дополнительного финансирования не требуется, и это является одним из преимуществ внутрифирменной подготовки по отношению к традиционным способам профессионального образования.

До апробирования разработанной Программы (первичная диагностика) и после (итоговая диагностика) проводился опрос среди сотрудников курсов Астраханского СВУ МВД России. Вопросы были сгруппированы в два кластера: о сущности девиации у старших подростков и профилактике такого поведения. Каждому из респондентов предоставлялись готовые варианты ответов и возможность высказать собственный вариант, при этом количество выборов могло быть от одного до четырех. Результаты первичного и итогового опроса о сущности девиации у старших подростков представлены на рисунке 2.

Рис. 2. Результаты первичного и итогового опроса сотрудников курсов о сущности девиации у старших подростков в суворовских военных училищах МВД России

Fig. 2. Results of the primary and final survey of course staff on the essence of deviance among older adolescents in the Suvorov Military Schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia

До подготовки к работе по профилактике девиантного поведения сотрудники курсов СВУ МВД России в большинстве случаев интерпретировали девиацию у старших подростков через общепризнанные антисоциальные проявления: пьянство, курение (22,2 %), воровство (19,4 %) и драки (16,7%). После реализации Программы фокус ответов респондентов сместился в сторону определения девиации как «нарушение правил поведения в училище» (36,1 %) и «неподчинение, критика взрослых» (22,2 %). Такое преобразование демонстрирует приобретение сотрудниками курсов новых знаний о сущности девиаций и факторах, детерминирующих их возникновение. Как было сказано выше, девиации признаются таковыми в зависимости от требований нормативной среды, что стало определяющим в выборах респондентов после внутрифирменной подготовки более широких интерпретаций, включающих термины «правила поведения», «неподчинение» и «критика» в контексте взаимоотношений старших подростков с училищем в целом и со взрослыми в частности. Также после подготовки сотрудники курсов СВУ МВД России высказали большее количество своих вариантов ответов («Иное») (22,2 %) нежели до подготовки (16,7 %), что говорит о более высоком уровне их «включенности» в проблему девиации у старших подростков.

Результаты первичного и итогового опроса о способах профилактики девиантного поведения у первокурсников СВУ МВД России показаны на рисунке 3.

Здесь особый интерес представляет уход от традиционных способов профилактики девиантного поведения у старших подростков (по результатам первичной диагностики), таких

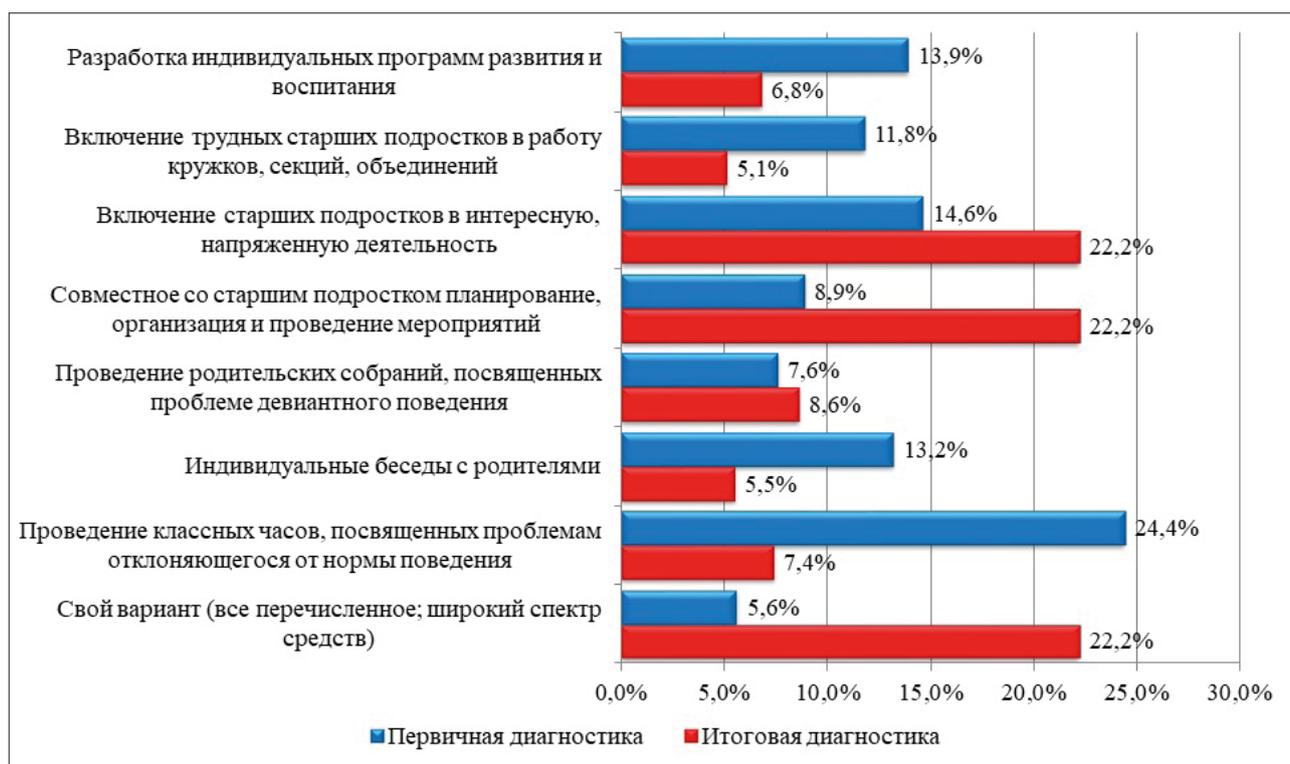

Рис. 3. Результаты первичного и итогового опроса сотрудников курсов о способах профилактики девиантного поведения у старших подростков в суворовских военных училищах МВД России

Fig. 3. Results of the primary and final survey of course staff on ways to prevent deviant behaviour among older adolescents in Suvorov military schools of the Ministry of Internal Affairs of Russia

как проведение классных часов с «дисциплинарной повесткой» (24,4 %), включение в деятельность (14,6 %), разработка индивидуальных программ воспитания и развития (13,9 %) и т. п., в сферу субъект-субъектного взаимодействия по результатам итоговой диагностики – совместное планирование, организация и проведение мероприятий и вовлечение старших подростков в интересную и напряженную деятельность (22,2 %). Аналогичные значения по окончании обучения имеет доля выборов респондентами собственного варианта ответов как подтверждение тезиса, сформулированного при исследовании сущности девиантного поведения у старших подростков. Сотрудники подразделения курсов СВУ МВД России продемонстрировали свою гуманитарную и антропологическую позицию, выбрав совместное проживание и совместную деятельность в качестве главенствующего инструмента профилактики девиантного поведения у первокурсников.

По окончании подготовки к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков в СВУ МВД России каждый сотрудник курсов написал рефлексивный текст – отчет в свободной форме, отображающий три ключевые позиции: понятие девиантного поведения первокурсников и его содержание, предпосылки проявления девиаций у старших подростков и эффективные способы профилактической работы. Все без исключения рефлексивные тексты были подвергнуты качественному контент-анализу Ф. Мэринга с частично количественной интерпретацией, в центре которого находится классический контент-анализ, но усовершенствованный возможностью конструирования взаимообусловленных связей с разнообразными факторами. В нашем исследовании соотносились эффект – непосредственный текст и семантическое наполнение – смысловое значение лингвистической единицы. По методике Ф. Мэринга были проведены три аналитические процедуры: сокращение материала с удержанием смысла, экспликация и структурирование.

В результате сокращения материала 36 рефлексивных текстов сотрудников курсов СВУ МВД России с удержанием смысла (краткого пересказа) были получены следующие смысловые конструкторы. На понятийной позиции текста – девиантное поведение осмыслено большинством сотрудников курсов как отклоняющееся от норм, установленных непосредственно в самой образовательной организации. Механизмами девиаций выступают поступки старших подростков, не одобряемые сверстниками и взрослыми, но некоторые из этих поступков могут быть вполне обычными для общеобразовательных школ. Два сотрудника (5,6 %) в своих рефлексивных текстах по-прежнему интерпретируют девиантное поведение через призму антисоциальных и даже противозаконных поступков – алкоголизм, наркомания, агрессивное поведение, воровство и т. п. Один сотрудник (2,8 %) пишет о девиациях старших подростков как о последствии неэффективной профессиональной деятельности воспитателей и педагогов, не раскрывая сущности явления, а другой сотрудник (2,8 %) – о «мнимой девиации», т. е. о восприятии взрослыми поступков старших подростков в сфере чрезмерно завышенных ожиданий. На позиции предпосылок проявления девиаций у старших подростков в своих рефлексивных текстах сотрудники курсов практически единообразно отметили высокие требования к дисциплине и внутреннему порядку в СВУ МВД России, особенности воспитания и социального положения мальчиков до поступления в училище, взаимоотношений с родными и близкими, негативные образцы поведения сверстников и пропаганду девиаций в интернете, а также профессиональный уровень воспитателей в СВУ МВД России, т. е. самих сотрудников курсов, классных руководителей, учителей и психологов. Эффективными способами профилактики девиантного поведения у старших подростков в СВУ МВД России (третий блок рефлексивных текстов) сотрудники курсов после освоения Программы считают конструирование сообщества взрослых и суворовцев, совместную деятельность, вовлечение старших подростков в воспитательную работу, проводимую в училище, привлечение к организации значимых мероприятий.

Содержание сокращенных и обобщенных рефлексивных текстов сотрудников курсов СВУ МВД России по проблеме девиантного поведения первокурсников коррелирует с результатами опроса итоговой диагностики, причем иногда повторяются дословно. Иная картина наблюдается при процедуре экспликации (аннотации) рефлексивных текстов. Аннотация полученного материала переводит идею профилактики девиантного поведения у первокурсников СВУ МВД России в разряд первоочередных для подразделений курсов. Постановка проблемы в рефлексивных текстах актуализирована нормативными документами и логично структурирована, что характеризует ее как существующую на практике длительное время. Однако само построение текста и осмысление основных терминов сотрудниками курсов опирается исключительно на реализуемую нами Программу, что означает отсутствие других видов обучения работе со старшими подростками в контексте возможного проявления у них девиантного поведения. С одной стороны, позитивным видится эффективность апробированных нами способов, с другой стороны, следует отметить необходимость дальнейшей подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России в связке с иными направлениями воспитательной работы. Так, обобщение позиций рефлексивных текстов выявляет существенные расхождения в восприятии явлений «профилактика» и «девиантное поведение»: сотрудники соотносят их с различными педагогическими категориями – воспитанием, социализацией, развитием. Следовательно, Программа позволила собрать в себе практический потенциал, но полноценно заменить педагогическое или психологическое образование не смогла и не должна была. Тем не менее все рефлексивные тексты сотрудников курсов СВУ МВД России были подвергнуты экспликации, значит, они соответствовали предъявляемым изначально требованиям.

Заключительной аналитической процедурой контент-анализа выступило структурирование. Нами предварительно было выделено пять единиц анализа: ценностные (ориентация на отечественные культурно-исторические традиции), установочные (направленность на определенный вид деятельности), понятийные (интерпретация и осмысление основных понятий и терминов), единицы реальности (критическая оценка педагогической действительности) и взаимодействия (конструкции совместной деятельности и событийного существования). Далее определены факторы: формирующие – предпосылки к проявлению девиаций у первокурсников в СВУ МВД России, и результирующие – эффективная работа сотрудников курсов по профилактике девиантного поведения у старших подростков. Факторы были сгруппированы по принципу социального одобрения: естественные, позитивные и негативные. Следовательно, в процессе структурирования был получен единый образ восприятия сотрудниками курсов СВУ МВД России деятельности по профилактике девиантного поведения у старших подростков путем соотношения сгруппированных факторов, единиц анализа и взаимообусловленных связей между ними. По итогам аналитической процедуры структурирования рефлексивных текстов сотрудников курсов СВУ МВД России была сконструирована директиссима их работы по профилактике девиантного поведения у старших подростков после реализации Программы, где важное место занял количественный компонент анализа как объективное отображение позиции взрослых.

Отправной точкой в рефлексивных текстах сотрудников курсов СВУ МВД России являлось описание факторов, способствующих девиантному поведению старших подростков. Адаптация к новой образовательной среде (25 упоминаний), нормативность самой среды (19 упоминаний), уставная иерархия взаимоотношений между взрослыми и старшими подростками (14 упоминаний) – естественные факторы. Возможное несоответствие целей воспитания нового поколения в духе патриотизма, верности долгу, отваги и честности в атмосфере «суворовского братства» и традиций полицейской службы и реальных воспитательных результатов (8 упоминаний) – позитивные факторы. Недостаточно эффективная профилактическая рабо-

та в семье или общеобразовательной школе (20 упоминаний), негативные примеры современной культуры и окружающих старших подростков сверстников (29 упоминаний), девиантное поведение взрослых (24 упоминания) – негативные факторы. Отметим, что большая часть сотрудников курсов СВУ МВД России в своих рефлексивных текстах характеризуют факторы, способствующие проявлению девиаций у старших подростков, довольно широко и задают даже такие исходные данные, как соотношение ожиданий в воспитании суворовцев с возможностью только частичного достижения воспитательных целей (позитивные факторы). В целом выделенные факторы совпадают с теоретическим наполнением Программы.

Узел суммирования в директиссеме – это ценностные, установочные и понятийные единицы анализа. Ценностные единицы отмечены в 34 из 36 текстов (94,4 %) в виде прямых упоминаний традиционных ценностей: патриотизм, гуманизм, справедливость и т. д. Установочные единицы прослеживаются в 36 из 36 текстах (100,0 %) в оборотах письменной речи: «необходимо выполнить следующие действия», «ориентируемся на ребенка», «не стоит прибегать к радикальным мерам» и т. д. Понятийные единицы также обнаружены во всех рефлексивных текстах и цитируют представленные нами в опытно-экспериментальной работе учебные материалы. В таком случае можно сказать, что методическое ядро выбрано верно. Единицы реальности и взаимодействия выявлены в 20 текстах (55,6 %) с ракурса профилактики как педагогического сопровождения, в 13 текстах (36,1 %) как организации совместного бытия старших подростков и взрослых, и только в трех текстах (8,3 %) как диалоговое мероприятие или индивидуальная беседа с первокурсниками. Это соотносится с гуманитарно-антропологическими основаниями предложенной нами подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков.

Таким образом, результаты проведенного контент-анализа рефлексивных текстов Ф. Мэйринга демонстрируют высокую степень вовлеченности сотрудников курсов СВУ МВД России в работу по профилактике девиантного поведения у старших подростков, уверенное владение теоретическим и методологическим аппаратом, правильную расстановку приоритетов в деятельности и необходимую направленность. Более того, результаты контент-анализа не противоречат результатам опроса по итогам апробации Программы, более того, достоверно «усиливают» их. В дополнение следует сказать о практических результатах реализации Программы в Астраханском СВУ МВД России. Так, в 2020, 2021, 2022 и 2023 годах наблюдается снижение количества дисциплинарных проступков первокурсниками на 3,2 %, 6,1 %, 1,8 % и 4,3 % соответственно по отношению к предыдущему году. По количеству отчислений из образовательной организации в первые полгода обучения в 2023 году положительным результатом можно считать то, что было отчислено всего три (2,6 %) первокурсника из 115 обучающихся – это рекорд за весь период существования училища, а средним показателем служил диапазон 12–18 % отчисленных.

Заключение

На основании проведенного исследования гипотеза о результативности использования внутрифирменного обучения взрослых для подготовки сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков была подтверждена. Опыттно-экспериментальная проверка доказала, что если осуществлять такую подготовку на основании положений гуманитарно-антропологического и андрагогического подходов, то организованная на их идеях профилактическая работа сотрудников курсов позволяет сократить количество девиаций у первокурсников, а сами сотрудники курсов будут способны в любое время актуализировать приобретенную компетенцию.

Девиантное поведение старших подростков в ходе исследования было определено как поведение, отклоняющееся от нормы, характерной для директивной, строго регламентированной, иерархически выстроенной среды училищ. При этом сущность девиации суворовцев первого курса может существенно отличаться от понятия, общепринятого для обычных школьников. Отсюда и работа по профилактике девиантного поведения у старших подростков в СВУ МВД России имеет свою специфику, и этой специфике необходимо обучить взрослых. Именно внутрифирменная подготовка, наполненная антропопрактиками и уникальными методами обучения, такими как «перевернутый класс», Wiki-технология и ментальные карты, дает возможность сотрудникам курсов СВУ МВД России приобрести необходимые компетенции без отрыва от служебной деятельности и незамедлительно апробировать их на практике. Образно, это «когда сотрудник курсов выходит из класса и попадает на рабочее место». Но все перечисленные выше методы не должны быть частью системы, что определяет необходимость установления импликационной связи с другими процессуально-методическими блоками в модели, которая легла в основу специальной Программы.

Особенностью настоящего исследования является использование в опытно-экспериментальной работе не только традиционных методик (опрос, анализ практики), но и совершенно уникального для данного направления контент-анализа рефлексивных текстов Ф. Мэйринга. Именно качественная компонента анализа отобразила композицию компетенций, полученных сотрудниками курсов по окончании подготовки. А совокупность качественных и количественных показателей сформировала директиссиму предполагаемой работы сотрудников курсов СВУ МВД России по профилактике девиантного поведения у старших подростков. В целом результаты опытно-экспериментальной работы подтвердили гипотезу, заявленную в исследовании.

Однако необходимо отметить, что представленный способ может быть применен не только к подготовке сотрудников курсов СВУ МВД России к работе по профилактике девиантного поведения у старших подростков, но и в других сферах их профессиональной деятельности, что подтверждается результатами других исследований¹. Полученные результаты представили данный способ подготовки как высокоэффективный и достаточно универсальный, что открывает широкий простор для дальнейшей научной и практической работы в указанном направлении.

Список литературы

- Ананченкова, П. И. (2023). Современные модели внутрифирменного обучения. *Вестник Московского гуманитарно-экономического института*, 1, 265–276.
- Антилогова, Л. Н. (2023). Характер межличностных отношений и уровень конфликтности девиантных подростков. *Вестник Омского университета. Серия: Психология*, 4, 39–48.
- Илакавичус, М. Р. (2021). Антропопрактики в образовательном процессе организаций высшего образования системы МВД России. *Преподаватель XXI век*, 4 (1), 79–87. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-79-87>
- Селин, П. В., Илакавичус, М. Р. (2024). *Подготовка начальствующего состава и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России к совместной воспитательной деятельности*: монография. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета МВД России.
- Сенге, П. М. (2018). *Пятая дисциплина. Искусство и практика обучающейся организации* (пер. с англ. Ю. Константиновой). Москва: Манн, Иванов и Фербер.

¹ Селин, П. В. (2023). *Подготовка начальствующего состава и педагогических работников суворовских военных училищ МВД России к совместной воспитательной деятельности*: дис. ... канд. пед. наук. Санкт-Петербург.

- Сычугова, Л. П., Белозерова, А. В. (2021). Технология педагогических мастерских в условиях онлайн-обучения: лингвосинергетический подход. *Вестник Вятского государственного университета*, 3 (141), 69–78. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.035>
- Трошихина, Е. Г., Навдушевич, Г. В. (2023). Личностные предикторы асертивности в подростковом и раннем юношеском возрасте. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 29 (3), 62–68. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-3-62-68>
- Шустова, И. Ю. (2021). Общение со сверстниками: решение проблемы негативного статуса школьника. *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология*, 63, 114–130. <https://doi.org/10.15382/sturIV202163.114-130>
- Albakova, Z. A-M., Matanis, V. A., Zakasovskaia, I. N., Malaschenko, V. O., Ilkevich, B. V., Zharikov, Y. S., & Dzhamalkhanova, L. A. (2020). Psychological and pedagogical prevention of deviant behavior among the student youth (theory and practice of domestic studies). *EurAsian Journal of BioSciences*, 14 (2), 4085–4093.
- Benzaghta, M. A., Elwalda, A., Mousa, M. M., Erkan, I., & Rahman, M. (2021). SWOT analysis applications: An integrative literature review. *Journal of Global Business Insights*, 6 (1), 55–73. <https://www.doi.org/10.5038/2640-6489.6.1.1148>
- Cioban, S., Lazăr, A. R., Bacter, C., & Hatos, A. (2021). Adolescent Deviance and Cyber-Deviance. A Systematic Literature Review. *Front. Psychol*, 12, 748006. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.748006>
- Gao, L., Liu, J., Hua, S., Yang, J., & Wang, X. (2022). Teacher–student relationship and adolescents' bullying perpetration: A moderated mediation model of deviant peer affiliation and peer pressure. *Journal of Social and Personal Relationships*, 39 (7), 2003–2021. <https://doi.org/10.1177/02654075221074393>
- Goode, E. (2022). *Deviant Behavior* (13th ed.). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003285304>
- Granger, T. A., Cook, P. F., & Ramos, G. (2020). Adolescent Peer and Parent Relationships Into Emerging Adulthood. *Western Journal of Nursing Research*, 42 (2), 90–96. <https://doi.org/10.1177/0193945919848439>
- Hall, G. S. (1904). *Adolescence: Its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education, Vol. 1*. D Appleton & Company. <https://doi.org/10.1037/10616-000>
- Hoshang, S., Hilal, T. A., & Hilal, H. A. (2021). Investigating the Acceptance of Flipped Classroom and Suggested Recommendations. *Procedia Computer Science*, 184, 411–418, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.03.052>
- Luo, M. M., & Chea, S. (2020). Wiki use for knowledge integration and learning: A three tier conceptualization. *Computers & Education*, 154, 103920, <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103920>
- Mahoney, J., Patterson, L., & Hall, C. (2022). De Bono's six hats thinking strategy for all content areas. *Kentucky Teacher Education Journal: The Journal of the Teacher Education Division of the Kentucky Council for Exceptional Children*, 9 (1), 4. <https://doi.org/10.61611/2995-5904.1039>
- Mamaraimova, Z. S. (2024). Psychological and pedagogical activities for the prevention of deviant behavior of adolescents. *Modern Scientific Research International Scientific Journal*, 2 (5), 327–334. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11655951>
- Martínez-Otero, V., & Leticia-Gaeta, M. (2022). Educational prevention of antisocial and delinquent behavior in Brazilian adolescents. *Psicothema*, 34 (4), 544–552. <https://doi.org/10.7334/psicothema2022.118>

- Mayring, P. (2014). *Qualitative content analysis: theoretical foundation, basic procedures and software solution*. Klagenfurt.
- Nelen, M. J. M., Blonk, A., Scholte, R. H. J., & Denessen, E. (2020). School-Wide Positive Behavior Interventions and Supports: Fidelity of Tier 1 Implementation in 117 Dutch Schools. *Journal of Positive Behavior Interventions*, 22 (3), 156–166. <https://doi.org/10.1177/1098300719879621>
- Prati, G., & Tomasetto, C. (2022). Early pubertal development and deviant behavior: A three-year longitudinal study among early adolescents. *Personality and Individual Differences*, 193, 111621. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111621>
- Sari, R. M., Sumarmi, S., Astina, I. K., Utomo, D. H., & Ridhwan, R. (2021). Increasing students critical thinking skills and learning motivation using inquiry mind map. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, 16 (3), 4–19, <https://doi.org/10.3991/ijet.v16i03.16515>
- Seddig, D. (2020). Individual Attitudes toward Deviant Behavior and Perceived Attitudes of Friends: Self-stereotyping and Social Projection in Adolescence and Emerging Adulthood. *J Youth Adolescence*, 49, 664–677. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-01123-x>
- Ye, J-H, Chen, M-Y., & Wu, Y-F. (2024). The Causes, Counseling, and Prevention Strategies for Maladaptive and Deviant Behaviors in Schools. *Behavioral Sciences*, 14 (2), 118. <https://doi.org/10.3390/bs14020118>
- Zainal, V. R., & Hakim, A. (2023). In House Training Needs Analysis For Employees. *Dinasti International Journal of Education Management And Social Science*, 4 (6), 912–922.

References

- Ananchenkova, P. I. (2023). Sovremennyye modeli vnutrifirmennogo obucheniya. *Vestnik Moskovskogo gumanitarno-ekonomicheskogo instituta*, 1, 265–276.
- Antilogoova, L. N. (2023). Charakter mezhlichnostnyh otnoshenij i uroven' konfliktnosti deviantnyh podrostkov. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya: Psihologiya*, 4, 39–48.
- Ilakavichus, M. R. (2021). Antropopraktiki v obrazovatel'nom processe organizacij vysshego obrazovaniya sistemy MVD Rossii. *Prepodavatel' XXI vek*, 4 (1), 79–87. <https://doi.org/10.31862/2073-9613-2021-4-79-87>
- Selin, P. V., Ilakavichus, M. R. (2024). *Podgotovka nachal'stvuyushchego sostava i pedagogicheskikh rabotnikov suvorovskih voennyh uchilishch MVD Rossii k sovmestnoj vospitatel'noj deyatel'nosti: monografiya*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii.
- Senge, P. M. (2018). *Pyataya disciplina. Iskustvo i praktika obuchayushchejsya organizacii* (per. s angl. Yu. Konstantinovej). Moscow: Mann, Ivanov i Ferber.
- Sychugova, L. P., Belozerova, A. V. (2021). Tekhnologiya pedagogicheskikh masterskih v usloviyah on-lajn-obucheniya: lingvosinergeticheskij podhod. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*, 3 (141), 69–78. <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.21.035>
- Troshihina, E. G., Navdushevich, G. V. (2023). Lichnostnye prediktory assertivnosti v podrostkovom i rannem yunosheskom vozraste. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika*, 29 (3), 62–68. <https://doi.org/10.34216/2073-1426-2023-29-3-62-68>
- Shustova, I. Yu. (2021). Obshchenie so sverstnikami: reshenie problemy negativnogo statusa shkol'nika. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psihologiya*, 63, 114–130. <https://doi.org/10.15382/sturIV202163.114-130>
- Albakova, Z. A-M., Matanis, V. A., Zakasovskaia, I. N., Malaschenko, V. O., Ilkevich, B. V., Zharikov, Y. S., & Dzhambalkhanova, L. A. (2020). Psychological and pedagogical prevention of deviant behavior among the student youth (theory and practice of domestic studies). *EurAsian Journal of BioSciences*, 14 (2), 4085–4093.

- Benzaghta, M. A., Elwalda, A., Mousa, M. M., Erkan, I., & Rahman, M. (2021). SWOT analysis applications: An integrative literature review. *Journal of Global Business Insights*, 6 (1), 55–73. <https://www.doi.org/10.5038/2640-6489.6.1.1148>
- Cioban, S., Lazăr, A. R., Bacter, C., & Hatos, A. (2021). Adolescent Deviance and Cyber-Deviance. A Systematic Literature Review. *Front. Psychol*, 12, 748006. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.748006>
- Gao, L., Liu, J., Hua, S., Yang, J., & Wang, X. (2022). Teacher–student relationship and adolescents’ bullying perpetration: A moderated mediation model of deviant peer affiliation and peer pressure. *Journal of Social and Personal Relationships*, 39 (7), 2003–2021. <https://doi.org/10.1177/02654075221074393>
- Goode, E. (2022). *Deviant Behavior* (13th ed.). New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781003285304>
- Granger, T. A., Cook, P. F., & Ramos, G. (2020). Adolescent Peer and Parent Relationships Into Emerging Adulthood. *Western Journal of Nursing Research*, 42 (2), 90–96. <https://doi.org/10.1177/0193945919848439>
- Hall, G. S. (1904). *Adolescence: Its psychology and its relations to physiology, anthropology, sociology, sex, crime, religion and education*, Vol. 1. D Appleton & Company. <https://doi.org/10.1037/10616-000>
- Hoshang, S., Hilal, T. A., & Hilal, H. A. (2021). Investigating the Acceptance of Flipped Classroom and Suggested Recommendations. *Procedia Computer Science*, 184, 411–418, <https://doi.org/10.1016/j.procs.2021.03.052>
- Luo, M. M., & Chea, S. (2020). Wiki use for knowledge integration and learning: A three tier conceptualization. *Computers & Education*, 154, 103920, <https://doi.org/10.1016/j.compedu.2020.103920>
- Mahoney, J., Patterson, L., & Hall, C. (2022). De Bono's six hats thinking strategy for all content areas. *Kentucky Teacher Education Journal: The Journal of the Teacher Education Division of the Kentucky Council for Exceptional Children*, 9 (1), 4. <https://doi.org/10.61611/2995-5904.1039>
- Mamaraimova, Z. S. (2024). Psychological and pedagogical activities for the prevention of deviant behavior of adolescents. *Modern Scientific Research International Scientific Journal*, 2 (5), 327–334. <https://doi.org/10.5281/zenodo.11655951>
- Martínez-Otero, V., & Leticia-Gaeta, M. (2022). Educational prevention of antisocial and delinquent behavior in Brazilian adolescents. *Psicothema*, 34 (4), 544–552. <https://doi.org/10.7334/psicothema2022.118>
- Mayring, P. (2014). *Qualitative content analysis: theoretical foundation, basic procedures and software solution*. Klagenfurt.
- Nelen, M. J. M., Blonk, A., Scholte, R. H. J., & Denessen, E. (2020). School-Wide Positive Behavior Interventions and Supports: Fidelity of Tier 1 Implementation in 117 Dutch Schools. *Journal of Positive Behavior Interventions*, 22 (3), 156–166. <https://doi.org/10.1177/1098300719879621>
- Prati, G., & Tomasetto, C. (2022). Early pubertal development and deviant behavior: A three-year longitudinal study among early adolescents. *Personality and Individual Differences*, 193, 111621. <https://doi.org/10.1016/j.paid.2022.111621>
- Sari, R. M., Sumarmi, S., Astina, I. K., Utomo, D. H., & Ridhwan, R. (2021). Increasing students critical thinking skills and learning motivation using inquiry mind map. *International Journal of Emerging Technologies in Learning*, 16 (3), 4–19, <https://doi.org/10.3991/ijet.v16i03.16515>
- Seddig, D. (2020). Individual Attitudes toward Deviant Behavior and Perceived Attitudes of Friends: Self-stereotyping and Social Projection in Adolescence and Emerging Adulthood. *J Youth Adolescence*, 49, 664–677. <https://doi.org/10.1007/s10964-019-01123-x>

Ye, J-H, Chen, M-Y., & Wu, Y-F. (2024). The Causes, Counseling, and Prevention Strategies for Maladaptive and Deviant Behaviors in Schools. *Behavioral Sciences*, 14 (2), 118. <https://doi.org/10.3390/bs14020118>

Zainal, V. R., & Hakim, A. (2023). In House Training Needs Analysis For Employees. *Dinasti International Journal of Education Management And Social Science*, 4 (6), 912–922.

Информация об авторах

Марина Римантасовна Илакавичус – профессор кафедры педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России, доктор педагогических наук.

Евгений Юрьевич Иванов – преподаватель кафедры педагогики и психологии, Санкт-Петербургский университет МВД России.

About the authors

Marina R. Plakavichus – Professor at the Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia, Dr. Sci. (Ped.).

Evgeny Yu. Ivanov – Lecturer at the Department of Pedagogy and Psychology, Saint Petersburg University of the MIA of Russia.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 10.06.2024

Одобрена после рецензирования 01.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted June 10, 2024

Approved after reviewing August 01, 2024

Accepted October 28, 2024

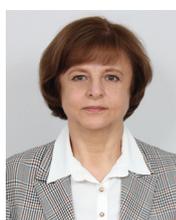
Оригинальная статья

УДК 37.017.92

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-425-439

Психолого-педагогические аспекты противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих

Елена Ивановна Мещерякова

Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил
«Военно-воздушная академия имени профессора Н. Е. Жуковского
и Ю. А. Гагарина» (Воронеж, Россия)
elenamsol@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3726-5283

Аннотация

Введение. Актуальность исследования, результаты которого нашли отражение в настоящей статье, определяется необходимостью и значимостью разрешения (сглаживания) противоречий, возникающих и обостряющихся в связи с ментальным противоборством, направленным на разрушение сознания представителей самых разных социальных групп. При этом главным направлением использования противником инструментария современного ментального противоборства становится воздействие на сознание и самосознание военнослужащих Российской армии. Связанные с таким воздействием проблемы сложны и многогранны, их исследуют представители военной науки, гуманитарных и иных научных областей. Объектом нашего исследования стали психолого-педагогические аспекты проблемы противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания курсантов – будущих офицеров Российской армии, а также выработка эффективных способов превенции ее негативного влияния на становление значимых личностно-профессиональных качеств защитников Отечества в образовательном процессе военных вузов. **Методы.** Проведение исследования потребовало использования методов сравнения и обобщения, абстрагирования и конкретизации, выведения логических следствий и формализации и др. **Результаты.** В настоящей статье представлены конкретизированные определения понятий, необходимых для глубокого и всестороннего изучения психолого-педагогических аспектов обозначенной проблемы, выделены и обоснованы следующие основные направления противодействия негативному влиянию ментальной интервенции: формирование в образовательном процессе военных вузов духовно-нравственной устойчивости будущих офицеров, профессиональной идентичности военнослужащих; развитие сознания и самосознания курсантов в контексте становления индивидуальной ментальности и духовно-нравственного иммунитета личности. Показаны перспективы разработки и реализации преподавателями и командирами военных вузов алгоритмов смыслового воспитания будущих офицеров.

Ключевые слова

ментальная интервенция, профессиональное самосознание военнослужащих, духовно-нравственная устойчивость курсантов

Для цитирования: Мещерякова, Е. И. (2024). Психолого-педагогические аспекты противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 425–439. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-425-439.

Original paper

Psychological and pedagogical aspects of counteracting mental intervention aimed at destroying military personnel's self-awareness

Elena I. Meshcheryakova

Military Training and Research Centre of the Air Force

“Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin”

(Voronezh, Russia)

elenamsol@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3726-5283**Abstract**

Introduction. The relevance of the research is determined by the need and importance of resolving (levelling) the contradictions arising and escalating in connection with the mental confrontation aimed at destroying the consciousness of representatives of various social groups. At the same time, the main direction of the enemy's use of the present day mental confrontation tools is the impact on the consciousness and self-awareness of military personnel of the Russian Army. The problems associated with this impact are complex and multifaceted, they are studied by representatives of military science, humanitarian and other scientific fields. The object of the research is the psychological and pedagogical aspects of the problem of counteracting the mental intervention aimed at destroying the self-awareness of cadets – future officers of the Russian Army, as well as the development of effective ways to prevent its negative impact on the formation of significant personal and professional qualities of defenders of the Homeland in the educational process of military higher education institutions. **Methods.** Undertaking the research involved using the methods of comparison and generalisation, abstraction and concretisation, logical deduction and formalisation, etc. **Results.** The author introduces specific definitions of the concepts necessary for deep and comprehensive study of psychological and pedagogical aspects of the problem under consideration. The following main directions of counteracting the negative influence of mental intervention are identified and substantiated: formation of spiritual and moral stability of future officers, professional identity of military personnel in the educational process of military higher education institutions; development of consciousness and self-awareness of cadets in the context of the formation of individual mentality and spiritual and moral immunity of personality. The perspectives of development and realisation of algorithms of semantic bringing up of future officers by teachers and commanders of military high schools are shown.

Keywords

mental intervention, professional self-awareness of military personnel, spiritual and moral stability of cadets

Для цитирования: Meshcheryakova, E. I. (2024). Psychological and pedagogical aspects of counteracting mental intervention aimed at destroying military personnel's self-awareness. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 425–439. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-425-439.

Введение

Современное ментальное противоборство, разворачивающееся на стратегическом (ментальная война), оперативном (когнитивная война) и тактическом (информационно-психологическая война) уровнях, приводит к обострению противоречий, разрешение которых приобретает судьбоносный характер и требует глубокого и всестороннего научного исследования. Одним из направлений такого исследования становится выявление и обоснование эффективных способов противодействия ментальной интервенции посредством совершенствования подготовки специалистов в военных вузах.

Основная идея настоящей статьи – придать практическую значимость психолого-педагогическим аспектам противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение сознания и самосознания будущих офицеров Российской армии. Реализация основной идеи потребовала анализа и конкретизации понятий профессионального самосознания и профессиональной ментальности курсантов – военнослужащих, их морально-психологической устойчивости.

С недавнего времени учеными, исследующими проблемы современного ментального противоборства и ментальной войны как его стратегической составляющей, в научный оборот введено понятие «ментальная интервенция», под которой понимается «насильственное воздействие на менталитет (на мышление, мировоззрение и психику людей)... с целью изменения ментальной основы общества» (Никитин, 2021). В связи с этим важнейшее значение приобретает изучение возможностей противодействия ментальной интервенции с использованием эффективных методов и средств, новейших технологий, позволяющих минимизировать ее негативные последствия. Объектом ментальной интервенции является сознание представителей различных социальных групп, однако решающее значение противник придает воздействию на сознание военнослужащих. Цель настоящей статьи – обоснование возможностей превенции разрушающего влияния современной ментальной интервенции на сознание особой категории военнослужащих – курсантов военных вузов, будущих офицеров Российской армии. При этом рассматриваются психолого-педагогические аспекты противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания курсантов-военнослужащих.

Достижение обозначенной цели требует формулировки психолого-педагогической проблемы исследования, результаты которого нашли отражение в настоящей статье. Такая проблема становится отражением противоречий, лежащих в ее основе. Необходимость разрешения (сглаживания) противоречий определяет актуальность исследования психолого-педагогической проблемы, которую целесообразно сформулировать с помощью следующего вопроса: как в образовательном процессе военного вуза обеспечить превенцию разрушающего влияния современной ментальной интервенции на самосознание курсантов – будущих офицеров Российской армии?

Описание исследования

Чтобы ответить на поставленный вопрос, необходимо конкретизировать его ключевые понятия, а также выявить соотношения между ними. Подробный анализ характеристики общности и различий в понимании сознания и самосознания, представленный в публикациях

исследователей (В. М. Бехтерева, Л. С. Выготского, В. П. Зинченко, Н. Г. Ковалева, С. Л. Рубинштейна, И. М. Сеченова, П. Р. Чамата и др.), выходит за рамки настоящей статьи. Для достижения поставленной цели важно отметить следующее:

- 1) сознание и самосознание – взаимообусловленные феномены, они имеют общую генетическую природу, процессы их становления неразрывно связаны;
- 2) главным критерием относительной обособленности сознания и самосознания становится объект, на который они направлены: объектом сознания выступает внешний для субъекта мир, объектом самосознания – его внутренний мир;
- 3) именно самосознанием, непосредственно связанным с внутренним миром личности, формируется его целостность и преемственность.

Исходя из этого, эффект ментальной интервенции во многом определяется тем, насколько ее инструментарий через воздействие на сознание проникает в область самосознания личности.

Представленное таким образом соотношение сознания и самосознания личности, а также акцент на отмеченные характеристики феноменов приводят к пониманию необходимости выделения в качестве относительно самостоятельного явления профессионального самосознания военнослужащих. Большинство исследователей проблем профессионального самосознания (С. А. Головкин, М. Г. Громкова, В. Ф. Петренко, В. В. Столин, Е. В. Улыбина, Г. А. Цукерман и др.) считают, что именно оно «позволяет человеку не только отражать внешний мир, но, выделив себя в этом мире, познавать свой внутренний мир, переживать его и определенным образом относиться к себе» как к представителю профессионального сообщества, как к профессионалу (Столин, 1984, с. 17). Учитывая специфику военно-профессиональной деятельности, формирующиеся в образовательной среде военных вузов личностно-профессиональные качества будущих офицеров, профессиональное самосознание курсантов следует рассматривать как развивающееся в процессе познания окружающего мира, получения военного образования по избранной специальности, формирования мировоззрения военнослужащего, овладения исторически сложившимися способами межличностного общения в воинском коллективе осознание своей принадлежности к военной профессии, понимание своего места в ней, представление о своих сильных и слабых сторонах, о путях и возможностях своего совершенствования в качестве военного профессионала.

С развитием самосознания военнослужащего неразрывно связаны те изменения, которые происходят в индивидуальной ментальности каждого курсанта. Акцентирование внимания на этом утверждении необходимо для достижения цели, установленной для настоящей статьи, а именно – для выявления и обоснования возможностей превенции разрушающего влияния современной ментальной интервенции на сознание и самосознание будущих офицеров Российской армии.

В свою очередь личностная (индивидуальная) ментальность неразрывно связана с социальной и профессиональной ментальностью, которые во многом определяются национальной ментальностью. В связи с этим важной составляющей исследования становится представление взаимосвязи и взаимодействия ключевых феноменов – профессионального самосознания, профессионального менталитета и профессиональной ментальности военнослужащих. Учитывая, что феномен профессионального самосознания курсантов-военнослужащих был определен ранее, приведем конкретизированное определение профессиональной ментальности будущих офицеров, сформулированное на основе анализа определений, содержащихся в публикациях отечественных исследователей (О. И. Гусаченко, Н. А. Ериной, Е. И. Климова, О. Л. Медведковой, Д. В. Обориной, В. А. Сониной и др.). Профессиональная ментальность будущих офицеров Российской армии – это ситуативная фрагментарная проекция профес-

сионального менталитета военнослужащих на индивидуальную психику каждого из них. Указанная проекция проявляется в действиях и поступках курсантов, совершаемых ими в военно-профессиональной, эмоционально-волевой и духовно-нравственной сферах. Конкретизируя понятие, заметим, что, рассматривая профессиональную ментальность в качестве проекции профессионального менталитета, последний, вслед за Д. В. Обориной, мы понимаем как «то общее, что характеризует профессионалов той или иной области: профессиональные социальные установки, мотивы, ценностные ориентации, особенности восприятия профессионально значимых объектов и поведения по отношению к ним» (Оборина, 1994, с. 42).

В приведенном определении понятия профессиональной ментальности прослеживается связь профессиональной деятельности (профессиональной подготовленности к ее осуществлению) со сформировавшимся отношением субъекта к ней (деятельности), с его восприятием особенностей военно-профессиональной среды и с проекцией среды на психику будущего военного профессионала, проявляющейся в его действиях и поступках.

Исходя из этого, можно утверждать, что достижение целей ментальной интервенции, осуществляемой в отношении военнослужащих, возможно лишь в том случае, если средства интервенции, направленные на сознание, деформируют в нужном противнику направлении самосознание субъектов ментального воздействия, вызывая разрушительные последствия в каждом из компонентов профессиональной ментальности – гностическом, аксиологическом, мотивирующем и поведенческом. Выделение этих компонентов в качестве структурирующих в профессиональной ментальности военнослужащих соответствует пониманию ментальности как «специфического отношения к внешнему миру, проявляющегося в силу принадлежности человека к определенной социальной (в том числе профессиональной) группе», а «все выделенные компоненты в структуре ментальности можно изучить» (Клименко, 2018, с. 132).

Из вышеизложенного следует, что профессиональная ментальность военнослужащих – сложное многокомпонентное образование, взаимосвязь компонентов которого характеризуется определенными особенностями, важными для представления педагогических аспектов противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих. К таким особенностям мы относим:

1) ментальный универсализм личности военнослужащего, в основе которого – выдвинутые К. Юнгом символы-архетипы (Юнг, 1991, с. 35), т. е. такие смыслодержающие схемы, которые позволяют актуализировать духовный опыт предшествующих поколений в интерпретации окружающей действительности;

2) темпоральную изменчивость ментальности, которая подтверждает следующее: в профессиональной ментальности военнослужащих наряду с неосознаваемыми символами – архетипами представлены рефлекслируемые элементы. В отличие от архетипов, рефлекслируемые элементы изменяются под влиянием определенной социокультурной ситуации и помогают военнослужащим адаптироваться к процессам, связанным с восприятием военной обстановки, с ведением боевых действий или подготовкой к ним, ко всему тому, что относится к исполнению долга по защите Отечества, к осуществлению военно-профессиональной деятельности;

3) согласованность рационального и чувственного, чем обеспечивается логичность и целесообразность человеческого сознания, находящая отражение во взвешенной оценке влияния факторов внешней среды на сознание и самосознание будущих офицеров, в том числе и влияния инструментария ментальной интервенции.

Отмеченные особенности свидетельствуют о том, что ментальность каждого военнослужащего: с одной стороны, включает глубинные, древние слои общественного сознания, с другой стороны, содержит элементы, порожденные культурой и общественными структурами.

К последним относятся и те, которые непосредственно связаны с функционированием структур военного управления во всех его составляющих. Такими составляющими военного управления выступают и управление военно-политической работой в войсках, и управление подготовкой военных кадров, их обучением и воспитанием.

Противодействие ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих – курсантов военных вузов осуществляется в процессе их обучения и воспитания, целенаправленно формирующих духовно-нравственную устойчивость будущих офицеров Вооруженных Сил Российской Федерации, развивающих их сознание и самосознание. Соответственно этому определяются следующие три направления превенции негативного влияния ментальной интервенции: первое – формирование духовно-нравственной устойчивости будущих офицеров на уровне, обеспечивающем невосприимчивость к негативному влиянию факторов ментального противоборства; второе – развитие сознания и самосознания курсантов, определяющее становление индивидуальной ментальности личности; третье – формирование в образовательном процессе военных вузов профессиональной идентичности военнослужащих.

Характеризуя первое из обозначенных направлений, следует отметить значение формирования морально-психологической устойчивости военнослужащих на должном уровне, которое определяют военные командиры, например, генерал-полковник А. В. Картаполов: «Формирование морально-политической и психологической устойчивости своих войск и морального превосходства над войсками противника, уверенности в своей способности успешно выполнить поставленные задачи» есть «важнейшее из требований военно-политической подготовки» (Картаполов, 2019). Это утверждение современного военачальника согласуется с утверждением генералиссимуса А. В. Суворова, прозвучавшим почти триста лет назад: «Ни руки, ни ноги, ни брэнное человеческое тело одерживает победу, а бессмертная душа, которая правит и руками, и ногами, и оружием, – и если душа воина велика и могуча, не предается страху и не падает на войне, то победа несомненна, а потому и нужно воспитывать и закалывать сердце воина так, чтобы оно не боялось никакой опасности, и всегда было неустрашимо и бестрепетно» (Боголюбов, 1984).

Изучение публикаций, содержащих результаты исследований проблем, связанных с формированием морально-психологической устойчивости личности в контексте понимания ее значимости для подготовки будущих офицеров, приводит к выводу о том, что в них содержатся различные характеристики феномена. Различия характеристик становятся следствием особенностей целеполагания авторов исследований Н. Ш. Валеевой и Э. Т. Хайрулловой (Валеева, Хайруллова, 2013), В. И. Веремчук и А. И. Мильяненко (Веремчук, Мильяненко, 2022, с. 12). В соответствии с целеполаганием исследования проблем ментального противоборства феномен «морально-психологическая устойчивость» был определен нами в отношении офицеров-военнослужащих в одной из публикаций следующим образом: это «интегративное проявление системы морально-психологических качеств офицера-военнослужащего, профессиональная качественная характеристика его личности, обусловленная совокупностью сформированных в образовательном процессе военного вуза личностно-профессиональных качеств, развивающихся по мере накопления опыта несения военной службы, выражающееся (интегративное проявление) в его способности и готовности успешно выполнять поставленные задачи в условиях воздействия инструментария ментального противоборства, сохранять высокую функциональную активность под влиянием психотравмирующих факторов» (Мещерякова, Кочергин, 2023, с. 73).

Как следует из приведенного определения, морально-психологическая устойчивость офицера-военнослужащего, становление которой начинается у курсантов в период их профессио-

нальной подготовки в военных вузах, развивается по мере накопления опыта несения военной службы. При этом у подавляющего большинства офицеров уровень морально-психологической устойчивости повышается, совершенствуются способности успешно выполнять поставленные военно-профессиональные задачи вне зависимости от того, какой инструментарий ментальной интервенции использует противник. Однако нельзя не учитывать и возможные негативные последствия воздействия постоянно совершенствующихся методов и средств, технологий ментальной интервенции, используемых противником для разрушения (деформации) сознания и самосознания военнослужащих – офицеров Российской армии (манипулирование сознанием и самосознанием, деинтеллектуализация и депатриотизация, медиаманипулирование, психозондирование и психокоррекция и др. (Розанов, 2021)). Особого внимания заслуживает исследование конвергентных технологий (*converging technologies*) в контексте ментальной интервенции, которые, по мнению одного из первых их исследователей Б. Калдиса, «относятся к одному из самых последних и центральных событий не только в науке, но также в области передовых технологий, очевидно, имеющих решающее социальное значение» (Kaldis, 2010), в т. ч. и решающее значение для обеспечения успешного противодействия ментальной интервенции.

Согласившись с тем, что становление морально-психологической устойчивости офицеров Российской армии начинается в образовательном процессе военных вузов, выделим следующие особенности формирования феномена в контексте противодействия разрушающему влиянию инструментария ментальной интервенции:

1) формирование морально-психологической устойчивости курсантов должно быть направлено в русло осознанного негативного отношения к информационно-психологическому воздействию противника, использующего инструментарий ментального противоборства как в мирное время, так и в условиях ведения боевых действий. Такое осознание происходит по мере накопления знаний о смысле и содержании ментального противоборства, о характеристиках инструментария ментальной интервенции, их разрушающем влиянии на сознание и самосознание военнослужащих и др.;

2) формирование морально-психологической устойчивости курсантов должно сопровождаться разъяснением вредоносного содержания и характера воздействия на сознание военнослужащих объективных и субъективных факторов ментального противоборства, а также постоянно совершенствуемых методов, средств и технологий ментальной интервенции. Это позволяет купировать негативные последствия такого воздействия, способствует развитию их осознанного неприятия;

3) формирование морально-психологической устойчивости курсантов нужно рассматривать в качестве базового, начального процесса, создающего условия для последующего самообразования и самовоспитания военнослужащих в контексте укрепления морально-психологической устойчивости, противостояния психотравмирующим средствам ментальной интервенции.

С формированием морально-психологической устойчивости неразрывно связано становление духовно-нравственной устойчивости военнослужащих. При этом духовно-нравственная устойчивость личности выступает гораздо более сложным и объемным феноменом, т. к. основой такой устойчивости становится духовность, понимаемая как «родовое определение человеческого способа жизни, связанное с открытием самоценного, очевидного и необходимого смысла собственного существования» (Сунцова, 2009, с. 43).

Отражением сформированности духовно-нравственной устойчивости личности становится духовно-нравственный иммунитет. Не исключение и духовно-нравственная устойчивость курсантов, становление которой происходит в образовательной среде военных вузов.

В процессе проведения исследований мы пришли к выводу о том, что духовно-нравственный иммунитет будущих офицеров следует изучать как интегративное личностное образование, которое становится результатом развития личности в образовательном процессе военного вуза. В этом новообразовании воплощены не только невосприимчивость военнослужащих к информационному и иному деструктивному информационно-психологическому воздействию противника, но и внутренняя самоизоляция от такого воздействия, осуществляемого в целях разрушения резистентности военнослужащих к негативным факторам ментального противоборства.

Вторым из представленных ранее направлений противодействия ментальной интервенции, преследующей цель разрушения самосознания военнослужащих – курсантов военных вузов, становится целенаправленное развитие сознания и самосознания курсантов, определяющее становление индивидуальной ментальности личности. В таком целенаправленном развитии должно быть обеспечено достижение курсантами уровня, необходимого и достаточного для поддержания устойчивости к негативному информационно-психологическому воздействию ментальной интервенции.

Проведенные исследования подтверждают, что ментальная интервенция на самосознание будущих офицеров требует использования методов, средств, технологий воздействия, учитывающих особенности самосознания. Из приведенного ранее определения самосознания военнослужащих следует, что между ним (совокупностью знаний о самом себе) и познанием (когнитивным процессом) существует прямая и непосредственная связь. Нарушение (разрыв) указанной связи посредством ментальной интервенции приводит к утрате мотивации военнослужащих к познанию окружающей действительности, в том числе и к утрате мотивации к ее восприятию, ощущению, что не может не сопровождаться искажением мировосприятия, мироотношения, а затем и деформацией мировоззрения в целом в том направлении, которое задается противником, осуществляющим ментальную интервенцию.

Кроме того, направление когнитивных процессов в сторону достижения целей, определенных противником для ментальной интервенции, может сопровождаться и деформацией памяти, мышления и воображения военнослужащих, которые также относят к познанию самого себя. Как известно, когнитивный процесс (*cognitive process*) определяется как «способ, посредством которого мы приобретаем, трансформируем и храним информацию из окружения; то есть высшие психические процессы, которые мы используем, чтобы узнать и объяснить мир» (Л. Хьелл, Д. Зиглер)¹. Полученная информация обрабатывается, фильтруется, интерпретируется, систематизируется и хранится в памяти, постепенно становясь жизненным опытом человека. Исходя из этого, можно утверждать, что ментальная интервенция на самосознание военнослужащих в связи с этой особенностью феномена может привести не только к утрате мотивации военнослужащих к познанию окружающей действительности, но и к разрушению профессиональной идентичности, к зарождению и развитию профессионального маргинализма, если ей не будет осуществляться своевременное и эффективное противодействие. Здесь следует отметить, что ментальная интервенция на самосознание военнослужащих в связи с этой особенностью феномена представлена использованием NBIC-конвергентных технологий.

Еще одна из особенностей самосознания, значимых для изучения противодействия ментальной интервенции, это его диалогичность. В диалогичности самосознание предстает перед исследователем как трудоемкий и довольно сложный процесс активного взаимодействия между противоречащими друг другу «Я»-образами. Диалогичность самосознания военнос-

¹ Хьелл, Л., Зиглер, Д. (2019). *Теории личности. Основные положения, исследования и применение: учебное пособие для студентов высших учебных заведений* (перевод с англ.), 3-е изд., стр. 302. Питер.

жащих чревато опасностью ухода под влиянием ментальной интервенции от традиционных духовно-нравственных ценностей Российской армии к ценностям безграничного потребления, от традиций российского офицерства – к традициям сообществ, исповедующих эгоизм, нигилизм, жестокость, безнравственность и т. п. Предупреждение такой опасности в аспекте ее влияния на ментальность военнослужащих, сформировавшуюся (формирующуюся) в контексте профессиональной ментальности офицеров Российской армии, требует применения эффективных мер противодействия.

Для изучения возможностей противодействия ментальной интервенции, осуществляемой в целях деформации сознания и самосознания военнослужащих, большое значение имеет рефлексивность самосознания. Эта его особенность неразрывно связана со становлением самостоятельной субъектной позиции будущих офицеров. Именно в период обучения в военных вузах у будущих офицеров формируется способность к такому самоизменению, которое сопровождается самовоспитанием и саморазвитием (К. А. Абульханова-Славская, А. В. Брушлинский, В. В. Давыдов, В. В. Знаков, С. Л. Рубинштейн, В. И. Слободчиков и др.). Способность к рефлексии В. В. Знаков справедливо определяет в качестве «ключа к превращению человека в субъекта», к принятию им «решений о совершении нравственных поступков, основанных на результатах самопознания, самоанализа и самопонимания» (Аникина и др., 2010).

Определяя опасность ментальной интервенции в направлении разрушения рефлексии самосознания военнослужащих, следует учитывать следующие ее (ментальной интервенции) возможные последствия:

- 1) утрата субъектом рефлексии мотивации к осмыслению своих действий, к анализу тех последствий, к которым они приводят во взаимодействии с другими военнослужащими, в исполнении военно-профессионального долга;
- 2) изменение направленности вектора процесса становления самостоятельной субъектной позиции будущих офицеров в сторону разрушения способности каждого из них к самоизменению в русле укрепления духовно-нравственной устойчивости защитника Отечества;
- 3) прекращение самопознания, самоанализа и самопонимания, а затем и остановка самовоспитания и саморазвития с последующей за этим (прекращением) неизбежной деградацией духовного мира субъектов-военнослужащих, их маргинализацией.

Влияние ментальной интервенции может приводить к деформации глубинного ядра личности, сопровождающейся (деформации) в т. ч. и разрушающими самосознание изменениями мотивационно-ценностной сферы личности военнослужащих, что чревато опасностью появления негативных процессов во всех структурирующих компонентах самосознания:

- 1) гностический компонент, включающий знания военнослужащего о содержании требований, предъявляемых к тем, кто связал свою жизнь с военно-профессиональной деятельностью, а также о своих способностях и возможностях ее осуществления. Под влиянием ментальной интервенции в этом компоненте может происходить деформация в направлении переоценки требований к личностно-профессиональным качествам военнослужащих (для курсантов военных вузов – к качествам офицеров и будущих офицеров Российской армии);
- 2) в аксиологическом компоненте интегрированы самооценка своих знаний, умений, способностей и возможностей, определение их соответствия (несоответствия) будущей военно-профессиональной деятельности, а также оценка самого себя другими. Под влиянием ментальной интервенции в этом компоненте могут происходить изменения мотивационно-ценностной сферы личности, проявлением которых станет снижение уровня духовно-нравственной устойчивости, иммунитета военнослужащих к информационно-психологическому

воздействию противника, утрате духовно-нравственных ценностных ориентиров, заложенных традиционными ценностями Российской армии;

3) негативное влияние ментальной интервенции на поведенческий компонент самосознания военнослужащего, т. е. на его отношение к себе как к военному профессионалу, на уровень сформированности собственных притязаний, на оценку отношения к себе военных профессионалов наиболее очевидно в сравнении с гностическим и аксиологическим компонентами самосознания, т. к. именно этот компонент проявляется в поведении военнослужащего, т. е. находит внешнее проявление и наблюдается со стороны. Однако внешние проявления влияния ментальной интервенции на поведенческий компонент не могут не быть связанными с теми негативными процессами, которые протекают в гностическом и аксиологическом компонентах самосознания военнослужащих. Именно поэтому так важно использовать различные методы диагностики последствий влияния ментальной интервенции на самосознание курсантов военных вузов, когда оценка последствий осуществляется на разных уровнях профессиональной ментальности военнослужащих, в т. ч. и на уровне формирования базового компонента, в котором объединяются архетипы военно-профессионального сообщества.

Третье направление влияния ментальной интервенции, осуществляемой противником, в соответствии с которым нужно строить превенцию ее негативных последствий в отношении будущих офицеров Российской армии, – это формирование в образовательном процессе военных вузов профессиональной идентичности военнослужащих. Изучая феномен профессиональной идентичности в контексте его взаимосвязи с сознанием и самосознанием военнослужащих, мы выделили в его структуре следующие компоненты: эмоциональный, ценностный, мотивационный, когнитивный и рефлексивный. Сопоставление структуры профессионального самосознания, индивидуальной ментальности военнослужащих и их профессиональной идентичности свидетельствует о том, что между структурными компонентами феноменов наблюдается определенная общность. Это означает, что воздействие инструментария ментальной интервенции может приводить к негативным последствиям в формировании и развитии каждого из интегративных образований, приводить к тому, что:

1) возникает и прогрессирует профессиональный маргинализм (антипод профессиональной идентичности);

2) обостряются противоречия между гностическими и когнитивными процессами в формировании Я-концепции, между сформированными ценностями и ментальными представлениями о них, что порождает дисгармонию в достижении внутренней согласованности личности военнослужащего, препятствует интерпретации приобретенного в ходе несения службы опыта для саморазвития и самосовершенствования, повышения самооценки на основе рефлексии и др.

Результаты проведенных исследований в трех обозначенных направлениях противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих – курсантов военных вузов позволяют утверждать, что главным условием успешного противодействия выступает обеспечение формирования на должном уровне духовно-нравственной устойчивости курсантов, развитие духовно-нравственного иммунитета каждого из них.

В формировании духовно-нравственной устойчивости курсантов, высшим уровнем которой выступает духовно-нравственный иммунитет, проявляются особенности воинского воспитания, нашедшие отражение в миссии военного образования, сформулированной Д. В. Суловым, А. Д. Лопухой и С. Г. Марковичным следующим образом: «Миссия военного образования – формирование личности, готовой и способной не только защищать свое Отечество (а в этом понятии: и культура, и общественные отношения, и люди, и территории, и национальные интересы, и многое другое), но также жертвовать для этого своими интере-

сами, гармонией жизни, а в необходимых случаях – здоровьем и жизнью» (Суслов, Лопуха, Марковчин, 2020, с. 53).

Реализация миссии военного образования, сформулированной таким образом, требует организации обучения и воспитания курсантов в русле должного восприятия ими норм и традиций российского офицерства. Этим, в частности, определяется успех становления и развития осознанной убежденности будущих офицеров в правильности выбора военной профессии. Именно осознанная убежденность будущих офицеров становится идейно-психологической платформой, на которой развиваются: верность идеалам и идейная стойкость, мужество и решительность, другие значимые волевые качества офицера Российской армии, формируются жизненные и профессиональные личностные установки.

Указанные обстоятельства особенно важно учитывать и преподавателям, осуществляющим воспитательную работу с курсантами на учебных занятиях, и офицерам в ходе воспитательной внеаудиторной работы.

Изучать проблему смыслового воспитания, которое определяется в качестве основы деятельности преподавателей и командиров военных вузов, следует как минимум в двух аспектах: во-первых, в аспекте постижения самими преподавателями (командирами) смысла воспитания в условиях современной высшей школы, где происходят очень важные и непростые изменения; во-вторых, в аспекте восприятия субъектами воспитания – курсантами тех условий, которые создаются в образовательном процессе военных вузов для достижения воспитательных целей, формирования и развития личностно-профессиональных качеств будущих офицеров.

Следует понимать, что смысловым становится воспитание, в основе которого – смысл, традиционно понимаемый как внутреннее логическое содержание, значение чего-либо, постигаемое разумом. В связи с этим подготовка преподавателей и командиров к осуществлению смыслового воспитания – это последовательная (или одновременная) реализация значимых направлений саморазвития, каждое из которых обеспечивает достижение локальной цели в рамках общей цели – достижения высокого теоретико-методического уровня подготовленности к проведению воспитательной работы с учетом требований, предъявляемых обществом, государством, личностью к подготовке специалистов в современной высшей военной школе.

Самоподготовка и саморазвитие преподавателей и командиров высшей военной школы становятся той базой, на которой воспринятые идеи смыслового воспитания помогут разработать алгоритмы проведения воспитательной работы с курсантами. Такие алгоритмы могут включать следующие блоки: 1) целевой (установка цели и задач, подходов к их решению); 2) реализационный (детализация этапов и действий на каждом из них); 3) диагностический (подбор диагностического инструментария для оценки результативности воспитательной работы); 4) результирующий (конкретизация промежуточных и общего результата воспитательной работы). Подробная характеристика указанных блоков разрабатываемых преподавателями и командирами алгоритмов проведения воспитательной работы с курсантами выходит за рамки настоящей статьи.

Успех саморазвития преподавателей и командиров военных вузов в условиях решения задач смыслового воспитания, позволяющего обеспечить достижение цели противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих, во многом зависит от того, насколько результативной будет их работа в следующих направлениях:

1) анализ психолого-педагогических исследований, в которых изучаются современные проблемы воспитания в высшей военной школе. Локальная цель – восприятие парадигмальных изменений, произошедших и происходящих в системе воспитания, мотивация к постоян-

ному поиску факторов, оказывающих непосредственное и опосредованное влияние на взаимодействие субъектов в процессе воспитания;

2) постижение разумом изменений, получивших название глобальных вызовов современности, а также того влияния, которое они оказывают на молодежь, в т. ч. и курсантов. Локальная цель – оценка своей готовности к тем изменениям, которые вносятся в воспитание в связи с экзистенциальными процессами, порождаемыми глобальными вызовами современности;

3) осознание того, что, по мнению Д. И. Фельдштейна, возникла необходимость «осмыслить реальную ситуацию жизнедеятельности и функционирования нашего современника, понять, какие сдвиги произошли в его сознании, мышлении, какие факторы на него воздействуют» (Фельдштейн, 2005). Локальная цель – целостное восприятие преподавателем (командиром) субъекта взаимодействия в том состоянии, в которое он приведен действием объективных и субъективных факторов, а также условий и обстоятельств, в которых он находится;

4) изучение и осмысление возможностей проведения воспитательной работы в контексте доведения до субъектов взаимодействия смысла предстоящей им военно-профессиональной деятельности в связи с их местом и ролью в социуме, а также важности для них, для их родных и иных значимых для них людей всего того, что открывается успешным освоением избранной профессии. Локальная цель – сформированная готовность к коммуникативному взаимодействию с объект-субъектами воспитания с учетом указанных обстоятельств.

Заключение

По итогам проведенного исследования актуальной, но при этом недостаточно разработанной проблемы противодействия современной ментальной интервенции, которая осуществляется противником в отношении самых разных слоев населения нашей страны, но прежде всего – военнослужащих, было установлено, что особенную важность и значимость приобретает осуществление эффективной научно обоснованной учебной и воспитательной деятельности научно-педагогического и командного составов военных вузов по формированию морально-психологической и духовно-нравственной устойчивости будущих офицеров в процессе их профессиональной подготовки, формирования личностно-профессиональных качеств российского воина, развития их профессионального сознания и самосознания, профессиональной ментальности и профессиональной идентичности.

Однако для этого требуется проведение серьезнейших теоретическо-методологических практико-ориентированных исследований, результатом которых станут алгоритмы, технологии, методики осуществления учебной и воспитательной работы научно-педагогического и командного составов военных вузов, обеспечивающей достижение цели успешного противодействия ментальной интервенции, направленной на разрушение самосознания военнослужащих.

Представляется, что существенные изменения в оценке перспектив образовательной деятельности, направленной на превенцию негативных последствий ментальной интервенции, разрушающих самосознание военнослужащих, произойдут в связи с задействованием самых современных технологий, объединенных в систему NBIC. Ведь именно эти технологии соответствуют формирующейся, саморазвивающейся, воспроизводящейся под определяющим воздействием законов и закономерностей общественного развития новой технологической реальности, впервые обозначенной в 2002 г., М. Роко и У. Бейнбриджем, которыми и был введен в научный оборот термин «NBIC-конвергенция» (Schmidt, 2007). В ряду NBIC-технологий приоритетное значение для исследования проблем ментального противоборства имеют технологии элемента С – когнитивные технологии, т. к. именно они играют главную роль в осуществлении воздействия на сознание, самосознание, ментальность военнослужащих. Одна-

ко нельзя исключать из исследования и технологии N, B, I (N нано-, B био-, I инфо-), на что и нацеливает NBIC-конвергенция. Исследования в обозначенном направлении становятся в настоящее время актуальными, перспективными, позволяющими получить ответы на многие вопросы профессиональной подготовки будущих офицеров Российской армии в условиях ментального противоборства. Однако в ходе их проведения, безусловно, возникнут новые вопросы, которые потребуют своего исследования.

Следует подчеркнуть, что указанные направления разрешения сформулированной в настоящей статье актуальной психолого-педагогической проблемы еще не получили должного анализа в исследованиях отечественных педагогов и психологов. В связи с этим изложенный в статье материал может послужить стимулом к проведению теоретических и прикладных исследований, способствующих эффективному противодействию современной ментальной интервенции, которая может привести к серьезнейшим негативным последствиям для государства и его Вооруженных сил.

Список литературы

- Аникина, В. Г., Гришина, Н. В., Знаков В. В. и др. (2010). *Психология субъекта и психология человеческого бытия*: коллективная монография. Краснодар: Кубанский государственный университет, Институт психологии РАН.
- Боголюбов, Ф. А. (1894). *Взгляд генералиссимуса Александра Васильевича Суворова на религию в деле воспитания солдата*. Санкт-Петербург: тип. "Арт. журн."
- Валеева, Н. Ш., Хайруллова, Э. Т. (2013). Факторы становления профессиональной морально-психологической устойчивости сотрудников органов внутренних дел. *Вестник Казанского технологического университета*, 16 (23), 300–304.
- Веремчук, В. И., Мильяненко, А. И. (2022). Морально-психологическая устойчивость военнослужащих. В *Оценка морально-политического и психологического состояния военнослужащих: методология и современные практики*: материалы Международной научно-практической конференции (12 января 2022 года, Москва, стр. 5–13). Москва: ООО «Издательство «Спутник+»».
- Картаполов, А. В. (2019, 15 мая). Наша цель – формирование воина-государственника. *Газета «Красная звезда»*. URL: <http://redstar.ru/nasha-tsel-formirovanie-voina-gosudarstvennika/?ysclid=m21re0abii94689101> (дата обращения: 14.03.2024).
- Клименко, Е. А. (2018). Структурно-содержательные компоненты профессиональной ментальности учителя. *Санкт-Петербургский образовательный вестник*, 1-2 (17-18), 36–39.
- Мещерякова, Е. И., Кочергин, В. Б. (2023). Особенности формирования морально-психологической устойчивости в условиях современного ментального противоборства. *Международный электронный научный журнал*, 3 (96), 70–75.
- Никитин, В. С. (2021). *Хронополитика и русскомыслие – ключ к победе в ментальной войне*. Псков: Псковское возрождение. URL: <https://rus-lad.ru/upload/iblock/98e/98e7fed-ef8b8ed6d4bf9073802867414.pdf>
- Оборина, Д. В. (1994). Об особенностях ментальности будущих педагогов и психологов. *Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология*, 2, 41–49.
- Розанов, В. (2021). Технологии информационно-психологических войн. *Российский литературный портал «Проза.ру»*. URL: <https://proza.ru/2021/09/23/1422?ysclid=m21vi1qp1648765731> (дата обращения: 12.03.2024).
- Сунцова, Я. С. (2009). Понятие духовности в философии и психологии. *Вестник Удмуртского университета. Серия «Философия. Психология. Педагогика»*, 2, 39–46.

- Суслов, Д. В., Лопуха, А. Д., Марковчин, С. Г. (2020). Проблемы современного военного образования. *ЦИТИСЭ*, 1 (23), 47–56. <http://doi.org/10.15350/24097616.2020.1.05>
- Столин, В. В. (1984). *Самосознание личности*. Москва: Издательство Московского университета.
- Фельдштейн, Д. И. (2005). *Тенденции и потенциальные возможности развития современного человека*. Москва: Изд. дом Рос. акад. Образования.
- Юнг, К. Г. (1991). *Психология и религия: архетип и символ*. Москва: Ренессанс.
- Kaldis, B. (2010). Converging technologies. In D. Guston (Ed.), *Encyclopedia of nanoscience and society* (pp. 126–131). Thousand Oaks, CA: Sage. <http://dx.doi.org/10.4135/9781412972093.n> URL: http://www.academia.edu/929905/Converging_Technologies (дата обращения: 12.03.2024).
- Schmidt, Jan C. (2007, April 26). NBIC-Interdisciplinary? A Framework for a Critical Reflection on Inter- and Transdisciplinary of NBIC-scenario. *Georgia Institute of Technology. Working Paper*, p. 2.

References

- Anikina, V. G., Grishina, N. V., Znakov V. V. i dr. (2010). *Psihologiya sub"ekta i psihologiya chelovecheskogo bytiya: kollektivnaya monografiya*. Krasnodar: Kubanskij gosudarstvennyj universitet, Institut psihologii RAN.
- Bogolyubov, F. A. (1894). *Vzglyad generalissimusa Aleksandra Vasil'evicha Suvorova na religiyu v dele vospitaniya soldata*. Saint Petersburg: tip. "Art. zhurn."
- Valeeva, N. Sh., Hajrullova, E. T. (2013). Faktory stanovleniya profesional'noj moral'no-psihologicheskoy ustojchivosti sotrudnikov organov vnutrennih del. *Vestnik Kazanskogo tekhnologicheskogo universiteta*, 16 (23), 300–304.
- Veremchuk, V. I., Mil'yanenko, A. I. (2022). Moral'no-psihologicheskaya ustojchivost' voennosluzhashchih. V *Ocenka moral'no-politicheskogo i psihologicheskogo sostoyaniya voennosluzhashchih: metodologiya i sovremennye praktiki: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (12 yanvarya 2022 goda, Moskva, str. 5–13)*. Moskva: ООО «Izdatel'stvo «Sputnik+»».
- Kartapolov, A. V. (2019, 15 maya). Nasha cel' – formirovanie voina-gosudarstvennika. *Gazeta «Krasnaya zvezda»*. URL: <http://redstar.ru/nasha-tsel-formirovanie-voina-gosudarstvennika/?ysclid=m21re0abii94689101> (data ob-rashcheniya: 14.03.2024).
- Klimenko, E. A. (2018). Strukturno-soderzhatel'nye komponenty professional'noj mental'nosti uchitel'ya. *Sankt-Peterburgskij obrazovatel'nyj vestnik*, 1-2 (17-18), 36–39.
- Meshcheryakova, E. I., Kochergin, V. B. (2023). Osobennosti formirovaniya moral'no-psihologicheskoy ustojchivosti v usloviyah sovremennogo mental'nogo protivoborstva. *Mezhdunarodnyj elektronnyj nauchnyj zhurnal*, 3 (96), 70–75.
- Nikitin, V. S. (2021). *Hronopolitika i russkomyslie – klyuch k pobede v mental'noj vojne*. Pskov: Pskovskoe vozrozhdenie. URL: <https://rus-lad.ru/upload/iblock/98e/98e7fed-ef8b8ed6d4bf9073802867414.pdf>
- Oborina, D. V. (1994). Ob osobennostyah mental'nosti budushchih pedagogov i psihologov. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 14. Psihologiya*, 2, 41–49.
- Rozanov, V. (2021). Tekhnologii informacionno-psihologicheskikh vojn. *Rossijskij literaturnyj portal «Proza.ru»*. URL: <https://proza.ru/2021/09/23/1422?ysclid=m21vi1qp1648765731> (data obrashcheniya: 12.03.2024).
- Suncova, Ya. S. (2009). Ponyatie duhovnosti v filosofii i psihologii. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika»*, 2, 39–46.
- Suslov, D. V., Lopuha, A. D., Markovchin, S. G. (2020). Problemy sovremennogo voennogo obrazovaniya. *CITISE*, 1 (23), 47–56. <http://doi.org/10.15350/24097616.2020.1.05>

- Stolin, V. V. (1984). *Samosoznanie lichnosti*. Moscow: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta.
- Fel'dshtejn, D. I. (2005). *Tendencii i potencial'nye vozmozhnosti razvitiya sovremennogo cheloveka*. Moscow: Izd. dom Ros. akad. Obrazovaniya.
- Yung, K. G. (1991). *Psihologiya i religiya: arhetip i simvol*. Moscow: Renessans.
- Kaldis, B. (2010). Converging technologies. In D. Guston (Ed.), *Encyclopedia of nanoscience and society* (pp. 126–131). Thousand Oaks, CA: Sage. <http://dx.doi.org/10.4135/9781412972093.n>
URL: http://www.academia.edu/929905/Converging_Technologies (data obrashcheniya: 12.03.2024).
- Schmidt, Jan C. (2007, April 26). NBIC-Interdisciplinary? A Framework for a Critical Reflection on Inter- and Transdisciplinary of NBIC-scenario. *Georgia Institute of Technology. Working Paper*, p. 2.

Информация об авторе

Елена Ивановна Мещерякова – старший научный сотрудник, Военный учебно-научный центр военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина», доктор педагогических наук, профессор.

About the author

Elena I. Meshcheryakova – Senior Researcher of the Military Training and Research Centre of the Air Force “Air Force Academy named after Professor N. E. Zhukovsky and Y. A. Gagarin”, Dr. Sci. (Pedag.), Professor.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 17.07.2024

Одобрена после рецензирования 20.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted July 17, 2024

Approved after reviewing August 20, 2024

Accepted October 28, 2024

УДК 378

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-440-452

Практика как важнейший компонент профессиональной подготовки будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних на этапе обучения в высшей школе

Екатерина Александровна Никитская

Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя
(Москва, Россия)
katamax@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-3187-6534

Анатолий Викторович Мудрик

Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия)
a.mudrik@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-0410-9487

Аннотация

Введение. Актуальные общественно-политические и социально-экономические процессы, происходящие сегодня в социальной сфере, создают вполне определенные предпосылки для совершения разного рода правонарушений несовершеннолетними. Зачастую это связано с недостаточным пониманием специалистами социальной сферы, в частности, сотрудниками органов внутренних дел, реальных социальных, психолого-педагогических, духовно-нравственных и иных проблем, с которыми сталкиваются несовершеннолетние. Специалисты констатируют, что данные проблемы стимулируют несовершеннолетних к усвоению асоциальных и антисоциальных моделей поведения с последующей реализацией данных моделей в своей деятельности. Вместе с тем очевидно и то, что недостающее внимание специалистов к данным проблемам обусловливается недостаточным уровнем профессиональной практико-ориентированной подготовки будущих специалистов социальной сферы на этапе их обучения в учреждениях профессионального образования. **Целью статьи** является описание успешного опыта профессиональной подготовки будущих инспекторов по делам несовершеннолетних в форме практики, которая, с одной стороны, ориентирована на приобретение и закрепление обучающимися профессиональных компетенций инспектора по делам несовершеннолетних, а с другой – является действующим инструментом конкретизированной работы по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних. В рамках настоящего исследования были использованы следующие **методы**: теоретические (междисциплинарный анализ научной литературы, сравнительно-сопоставительный анализ литературных и интернет-источников,

документов, официальных сайтов образовательных организаций) и эмпирические (предметное изучение опыта организации практики в образовательных организациях высшего образования, включенное наблюдение в процессе реализации практик, экспертная оценка, беседа). **Результаты исследования** легли в основу методологически обоснованной концепции практики, разработанной, апробированной и внедренной в образовательный процесс Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя. Предложенная и реализуемая по настоящее время в образовательном процессе высшей школы концепция практики показала свою эффективность и может быть применена в иных ведомственных образовательных организациях высшего образования с учетом специфики профессиональной подготовки сотрудников полиции. Расширяя предметное поле социально-гуманитарного знания, представленные в статье материалы могут послужить стимулом к дальнейшему научному осмыслению проблематики профессиональной подготовки и профессиональной социализации будущих специалистов социальной сферы, а также быть использованы при реализации практико-ориентированного подхода в системе высшего гуманитарного образования.

Ключевые слова

профессиональная подготовка, социальная сфера, практика, организация практической подготовки, профилактика девиантного поведения, несовершеннолетний, подразделение по делам несовершеннолетних

Для цитирования: Никитская, Е. А., Мудрик, А. В. (2024). Практика как важнейший компонент профессиональной подготовки будущих сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних на этапе обучения в высшей школе. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 440–452. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-440-452.

Original paper

Practice as the most important component of the professional training of future juvenile inspectors at the stage of higher education

Ekaterina A. Nikitskaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia V.Ya. Kikotya
(Moscow, Russia)

katamax@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-3187-6534

Anatoly V. Mudrik

Moscow Pedagogical State University
(Moscow, Russia)

a.mudrik@yandex.ru

ORCID: 0000-0003-0410-9487

Abstract

Introduction. Actual socio-political and socio-economic processes taking place today in the social sphere create quite certain prerequisites for committing various kinds of offences by minors. Frequently it is connected with insufficient understanding by specialists of the social sphere, in particular, employees of internal affairs bodies, of real social, psychological, pedagogical, spiritual, moral and

other challenges faced by juveniles. Specialists state that such problems prompt minors to adopt asocial and antisocial patterns of behaviour and then implement those patterns in their activities. At the same time, it is obvious that the lack of attention of specialists to the problems of minors is due to the insufficient level of professional practice-oriented training of future specialists of the social sphere at the stage of their professional education. **The purpose of the research** is to describe the successful experience of professional training of future juvenile inspectors in the form of practice, which, on the one hand, is focused on the acquisition and consolidation of professional competencies of a juvenile inspector, and on the other hand, is a valid way of specific work on the prevention of deviant behaviour of minors. The following **methods** were used in the research: theoretical methods (interdisciplinary analysis of scientific literature, comparative analysis of literary and Internet sources, documents, official websites of educational organisations) and empirical ones (substantive study of the experience of practice organisation in higher education institutions, observation included in the process of practice implementation, expert evaluation, interview). **The results of the research** formed the basis of a methodologically substantiated concept of practice developed, tested and implemented in the educational process of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Y. Kikoty. The proposed concept of practice, which is still being implemented in the educational process of higher school, has shown its effectiveness and can be applied in other departmental educational organisations of higher education, taking into account the specifics of professional training of police officers. Expanding the subject field of social and humanitarian knowledge, the materials presented in this article can serve as a stimulus to further scientific understanding of the problems of professional training and professional socialisation of future specialists in the social sciences.

Keywords

professional training, social sphere, practice, practical training organisation, prevention of deviant behaviour, juvenile, juvenile affairs department

For citation: Nikitskaya, E. A., Mudrik, A. V. (2024). Practice as the most important component of the professional training of future juvenile inspectors at the stage of higher education. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 440–452. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-440-452.

Введение

Динамика происходящих в нашей стране процессов и событий обуславливает необходимость интенсификации исследований в области теории и практики предупреждения отклоняющегося поведения несовершеннолетних, диктует необходимость разработки и внедрения актуальных алгоритмов и педагогических технологий в контексте практико-ориентированного подхода к обучению курсантов и слушателей образовательных организаций высшего образования МВД России, а также предъявляют серьезные требования к профессиональной и личностной готовности сотрудников полиции выполнять служебные задачи в области профилактики и коррекции девиантного поведения несовершеннолетних. На это ориентирует, в частности, приказ МВД России от 15 октября 2013 года № 845 «Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации», прямо регламентирующий реализацию задач, поставленных перед инспекторами подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел (далее – ПДН). Очевидно, что в целях реализации Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации», устанавливающего правовые и организационные основы системы профилактики правонарушений, необходимо обеспечить взаимодействие и сотрудничество полиции с другими правоохранительными, государственными и муниципальными органами, общественными

объединениями, организациями и гражданами, что прямо требуют и Федеральный закон от 24 июня 1999 г. №120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ст. 4), и Федеральный закон от 7 февраля 2011 года №3-ФЗ «О полиции» (ст. 10).

В связи с этим особую значимость в современных общественно-политических и социокультурных реалиях приобретает способность будущих специалистов понимать разнообразие, комплексность и причины процессов, происходящих в различных социальных институтах и сегментах социальной сферы. К числу таких специалистов, безусловно, относятся сотрудники органов внутренних дел, педагоги, психологи и другие специалисты, чьи профессиональные компетенции реализуются в области решения задач создания необходимых условий для развития человека, становление которого как гражданина проходит под воздействием различных, часто противоречивых, факторов.

Сегодня научным сообществом признается, что активное применение в образовательном процессе высшей школы практико-ориентированного подхода как ключевого компонента профессиональной подготовки позволяет будущим специалистам социальной сферы успешно формировать необходимые компетенции (это находит отражение в трудах исследователей Н. Ф. Гейжан, Л. А. Казанцевой, И. А. Калиниченко, Е. А. Левановой, Т. В. Пушкаревой, А. В. Савицкой, А. Б. Серых, Т. В. Скляровой, В. А. Слостенина, И. В. Ульяновой, Л. Нагеля, В. Блека, Ф. Липовски, Д. Супера, К. Винча и др. (Гейжан, 2020; Казанцева, Калиниченко, 2020; Калиниченко, 2017, 2018, 2019; Леванова, Пушкарева, 2011; Савицкая, 2013; Серых, 2013; Склярова, 2008; Слостенин, 2000; Ульянова и др., 2022; Nägel, Bleck, Lipowsky, 2023; Super, 1957; Winch, 2000).

Реализация практико-ориентированного подхода при подготовке социальных педагогов и иных специалистов в педагогическом университете, по мнению Е. А. Левановой, Т. В. Пушкаревой, А. Б. Серых и др., содержательно основывается на трансформации теоретических знаний в практическую профессиональную готовность, что становится возможным при условии высокого уровня самостоятельности обучающихся, позволяющей им овладеть навыками профессионального общения, конструктивного сотрудничества, результативного взаимодействия (Леванова, Пушкарева, 2011; Серых, 2013).

По мнению А. В. Савицкой, практико-ориентированный подход – это определенный способ академического образования, делающий акцент именно на подлинных проблемах, с которыми придется сталкиваться специалистам в профессиональной деятельности после завершения обучения в университете (Савицкая, 2013). Л. В. Павлова считает, что практико-ориентированный подход, по сути, тождественен методу обучения, дающему обучающимся высших образовательных учреждений сочетать учебу с непосредственной практической деятельностью (Павлова, 2016). В этом случае одной из ведущих целей обучения при реализации данного подхода выступает усиление практической подготовки обучающихся к деятельности социально ориентированного профиля.

Описание исследования

Проведенный комплексный теоретико-методологический междисциплинарный анализ означенной в заглавии статьи проблематики и опыт соответствующей опытно-экспериментальной работы подтвердили, что системообразующим элементом практико-ориентированного обучения в высшей школе является специально организованная практика как форма педагогического процесса, представляющая собой важнейший (по сути – ключевой) компонент реализации образовательных программ по подготовке будущих специалистов социальной сферы, в том числе инспекторов ПДН. Она призвана аккумулировать содержание учебных

дисциплин в части конкретизации способов профессионального взаимодействия специалистов с различными субъектами социальной сферы по профильным направлениям профессиональной деятельности.

Специфика практики как элемента системы профессиональной подготовки специалистов социальной сферы в различных по ведомственной принадлежности типах образовательных организаций высшего образования, а также технологии и принципы ее построения рассмотрены в трудах отечественных ученых Н. В. Богданович, В. В. Делибалт, И. А. Калиниченко, Е. А. Никитской, В. А. Чернушевич, С. Ю. Янина и др. (Богданович и др., 2015; Калиниченко, 2019; Никитская, 2023; Янин, 2020). При этом, как показал терминологический анализ, само понятие «практика», рассматриваемое в качестве необходимой формы организации педагогического процесса в высшей школе, трактуется в различных источниках достаточно разнообразно, хотя в целом непротиворечиво. По мнению ученых, это прежде всего вид учебной работы, направленной на закрепление теоретических и практических знаний, полученных студентами в процессе обучения¹; целенаправленный процесс передачи опыта и духовного развития личности будущего специалиста, условие его последовательной самореализации (Зыскина, 2012); «...непрерывная, последовательная, профессионально-учебная деятельность студента в реальной профессиональной среде, направленная на развитие личностных и профессионально-значимых качеств, проработку знаний, умений, навыков, формирование профессиональной компетентности» (Дегтерев, Ключина, 2010, с. 87); «профессиональное воспитание личности, которое выступает как специально организованный и контролируемый процесс приобщения студента к профессиональному труду»²; первый ответственный этап включения будущего специалиста в непосредственную профессиональную деятельность, специфику которого определяет «...социокультурный фон учреждения (т. е. базы практики), личностные характеристики практиканта, отношение университета к процессу практики как части образовательной программы» (Анисимова, 2011, с. 55). Существенное, по мнению А. И. Бутикова, положительное влияние на выполнение таких задач практики, как совершенствование методического обеспечения процесса обучения в высшей школе, адаптация к реальным условиям трудовой деятельности, профессионально-личностный рост и пр., оказывает совместная и целенаправленная работа преподавателей профильных кафедр и наставников на базах практики (Бутиков, 2021, с. 156).

Как правило, виды практики обучающихся в высшей школе определяются и регламентируются государственными образовательными стандартами и внутривузовскими приказами. Вместе с тем в процессе реализации практик будущих специалистов социальной сферы становится важным создание условий для усвоения навыков межведомственного взаимодействия как фактора эффективной профессиональной подготовки будущих специалистов социальной сферы (Никитская, 2023, с. 8–12). В связи с этим, начиная с 2016 года и до сегодняшнего дня, в Московском университете МВД России имени В. Я. Кикотя успешно реализуется «Концепция профессионально ориентированной практики будущих инспекторов ПДН», основной целью которой является создание необходимых условий для усвоения курсантами и слушателями университета профессиональной позиции «Специалиста – Исследователя – Практика». Различные виды практики, предусмотренные данной концепцией, в сочетании с практико-ориентированными лекциями, практикумами, практическими и семинарскими занятиями образуют необходимую основу профессиональной подготовки специалиста в т. ч. и потому,

¹ Горленко, В. П. (2002). *Педагогическая практика студентов: Развитие науч. основ*. Минск.

² Галагузова, Ю. Н., Сорвачева, Г. В., Штинова, Г. Н. (2001). *Социальная педагогика. Практика глазами преподавателей и студентов: пособие для студентов* (стр. 67). Москва: Владос.

что содержание практической профессиональной подготовки будущих инспекторов ПДН соответствует основным принципам контекстного образования (Вербицкий, 2021), согласно которому учебный процесс строится в контексте конкретизированных задач будущей профессиональной деятельности и содержательно конструируется от социального запроса по решению той или иной социальной проблемы до разработки и применения четкого алгоритма профессионального взаимодействия с непосредственными субъектами социальной сферы, так или иначе включенными в решение стоящих задач.

В связи с современным общественно-политическим и социально-экономическим положением (и возникающими на этой почве в различных сегментах социальной сферы реальными и потенциальными проблемами) уникальная для образовательных организаций системы МВД России практика курсантов и слушателей главным образом имеет направленность на формирование у обучающихся способности анализировать данные процессы и проблемы в социально-педагогическом контексте, находить возможности создания условий для позитивной социализации человека, реализовывать педагогические и психологические технологии, ориентированные на просоциальное развитие личности представителей подрастающего поколения, формирование установок на здоровый образ жизни, толерантность и конструктивное преодоление жизненных трудностей, а также способности комплексно анализировать причины отклоняющегося поведения личности и своевременно обнаруживать негативные влияния на несовершеннолетних виктимогенных факторов социализации. В связи с этим логичной и обоснованной является регулярная обновляемость и количественное увеличение социальных партнеров, то есть профильных организаций, выступающих в качестве баз практической подготовки будущих специалистов социальной сферы.

Поскольку работа инспектора ПДН преимущественно связана с взаимодействием с детьми и подростками, склонными к девиантному и / или делинквентному поведению, будущему сотруднику ПДН необходимо понимать причины, мотивы и возможные варианты поведенческих проявлений данной категории детей³. Для оптимизации соответствующей работы по организации практико-ориентированной подготовки будущих специалистов социальной сферы, а также проектирования концептуальной модели реализации практики в общей системе подготовки и профессиональной социализации будущих инспекторов ПДН нами разработана и апробирована единая методологическая стратегия, реализующаяся в различных видах и формах практики. Поскольку определение тех или иных видов и форм практики на разных курсах обучения предполагает установление логических теоретико-методологических взаимосвязей между ними, каждый вид практики является завершенным элементом, имеющим свои цели, задачи и ожидаемые результаты, являясь при этом основой для реализации образовательных задач профессиональной подготовки специалиста социальной сферы на последующих курсах.

Реализуемая в учебном процессе программа практики, как правило, включает в себя *инвариантную группу заданий*, ориентированную на формирование профессиональной готовности курсанта (слушателя) к работе по профилактике девиантного поведения несовершеннолетних и *вариативную группу заданий*, направленную на реализацию индивидуально-профессиональных интересов и ожиданий курсанта (слушателя). Результаты выполнения заданий, входящих в вариативную часть, входят в портфолио курсанта (слушателя) как содержательная основа отчета по практике, курсовой работы, научной статьи, доклада на конференции, выпускной квалификационной работы.

³ Душкин, А. С. (2018). *Психолого-педагогические основы индивидуальной профилактической работы с несовершеннолетними, состоящими на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел*: учебно-практическое пособие. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России.

Курсанты и слушатели проходят практику по следующим ключевым направлениям, отражающим специфику и содержание будущей профессиональной деятельности: учебно-ознакомительное, профилактическое, исследовательское.

Учебно-ознакомительное направление работы на практике подразумевает знакомство с деятельностью учреждения и связано с проработкой вариантов создания условий для позитивной социализации обучающихся и профилактики девиантного, делинквентного и криминального поведения детей и подростков. Существенное время практики отводится анализу документации, ведущейся специалистами по работе с несовершеннолетними и их семьями, состоящими на различных профилактических учетах (внутришкольных учетах, комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав, подразделений по делам несовершеннолетних), а также знакомству с работой конкретных специалистов по межведомственной профилактике отклоняющегося поведения (присутствие на заседаниях комиссий, профилактических собраниях, беседах и пр.)

Профилактическое направление работы на практике ориентировано на *формирование* навыков непосредственной профилактической работы с реальными объектами профессиональной деятельности в полевых условиях учреждения (базы практики). Данное направление, являясь ключевым в профессиональной подготовке будущих специалистов, имеет различное содержательное наполнение в зависимости от особенностей контингента базы практики (психологических, психофизиологических, социальных и иных характеристик объектов профилактической работы) и включает в себя первичный, вторичный и, в редких случаях, третичный уровни профилактической работы (Душкин, 2012).

Первичная профилактика – наиболее распространенный и неспецифический вид профилактической работы специалиста, использующего преимущественно базовые педагогические и психологические методы профессиональной деятельности. Основные компоненты первичной профилактической работы курсантов на базе практики связаны с организацией взаимодействия со всеми субъектами профилактической деятельности (обучающимися, педагогами, родителями и др.) и включают в себя общую и частную профилактику. Общая профилактика подразумевает повышение осведомленности объектов профилактики о неблагоприятных условиях социализации человека, виктимогенных факторах, течении и проявлении психовозрастных кризисов и пр. Частная профилактика направлена на выявление лиц, переживающих конкретные кризисные ситуации, а также на работу по снижению уровня социально-психологической дезадаптации, повышению уровня педагогической, психологической и юридической грамотности по вопросам конкретной кризисной ситуации и др. Опыт показывает, что работа на уровне первичной профилактики преимущественно имеет следующие варианты: информирование о последствиях девиантного поведения; формирование навыков анализа и критической оценки информации, получаемой из СМИ; развитие жизнестойкости, ассертивности, эмпатии; представление альтернативных (отличных от девиантных) форм социального поведения; закрепление просоциальных форм поведения и ценностных ориентаций.

Главной целью вторичной профилактики является создание информационного поля, способствующего изменению дезадаптивных и псевдоадаптивных моделей поведения личности на более адаптивную модель просоциального поведения, в ходе которой курсанты приобретают навыки работы с лицами, находящимися в кризисных ситуациях. Основные компоненты вторичной профилактической работы курсантов на базе практики связаны с реализацией следующих направлений: формирование мотивации на конструктивное изменение поведения несовершеннолетних; изменение дезадаптивных форм поведения несовершеннолетних на просоциально ориентированное.

Главной целью третичной профилактики является формирование развивающей и социально-поддерживающей среды. Данный вид профилактики, базирующийся на устойчивой и комплексной структуре социальной поддержки несовершеннолетних, требует от практикантов навыков индивидуального подхода к субъектам профилактической работы. Основное содержание третичной профилактической работы связано с возможностями ресоциализации личности несовершеннолетних, восстановлением социальных коммуникаций и конструктивного функционирования в различных сегментах социальной сферы, а также психолого-педагогической работой по профилактике «рецидива».

Исследовательское направление работы на практике связано с определением типов и видов различных форм девиантного поведения несовершеннолетних, в том числе с помощью диагностического инструментария, используемого в соответствующем учреждении (базе практики), применением методов включенного наблюдения, опытно-экспериментальной работы, участием совместно с несовершеннолетними, состоящими на профилактических учетах, в конкурсах, социальных проектах, волонтерской деятельности, конференциях, круглых столах, а также написанием научных статей, курсовых работ, научно-исследовательских работ в контексте специальности и профиля подготовки на материале, полученном за период прохождения практики.

Безусловно, целеполагание и соответствующее ему содержание практики на каждом из ее этапов направлено на формирование профессиональной готовности курсанта к самостоятельному и компетентному решению профессиональных задач, в т. ч. тех, которые ставит перед курсантами разных курсов конкретное учреждение (база практики). Для этого уже на первом курсе курсанты через активную работу в курсантском научном кружке «Живая педагогика», осуществляемую в русле научной школы И. В. Ульяновой «Педагогика смысложизненных ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России» (Ульянова и др., 2022), начинают изучать основы профессиональной деятельности инспектора ПДН, а именно: знакомятся с основными направлениями научно-практической деятельности ведущих кафедр университета, современными исследованиями в области педагогики и психологии девиантного поведения, проводят собственные первые исследования, которые напрямую или опосредованно связаны с деятельностью инспектора ПДН, социального педагога и других субъектов профилактики отклоняющегося поведения, выступают на конференциях различного уровня, публикуют статьи, разрабатывают и защищают социально-педагогические проекты профилактической тематики, в том числе с целью и возможностью реализации данных проектов на практиках последующих курсов.

На 2-м курсе основной целью практики курсантов является анализ педагогических, психологических, социальных и иных отличий несовершеннолетних «группы норма» и несовершеннолетних девиантного поведения, а также постепенное освоение методик и технологий работы с различными категориями детей и подростков.

На 3-м курсе главная цель практики – формирование профессионального представления о различных видах девиантного и / или делинквентного поведения несовершеннолетних, а также способности определять возможность применения адекватных методик и технологий работы с детьми и подростками на основе диагностируемого типа девиации.

На 4-м курсе практика проходит в подразделениях по делам несовершеннолетних ОВД, в связи с чем целью практики курсантов на данном этапе становится ознакомление с основными формами и видами профессиональной деятельности инспектора ПДН, освоение социально-педагогических и организационно-правовых основ деятельности сотрудников полиции, а также закрепление знаний об основных правах и обязанностях сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних.

Значимым сегментом реализации задач практической подготовки курсантов как будущих специалистов социальной сферы является организуемая на 2–4-м курсах практика в детском оздоровительном лагере. В качестве базы данного вида практики выступает ДОЛ «Русичи» МВД России. Данный вид практики позволяет реализовывать психолого-педагогический, творческий, личностный потенциал курсантов в социально-педагогических условиях временного детского коллектива и проверять качество осваиваемых в процессе обучения в высшей школе знаний, умений и навыков непосредственно во время собственной профессиональной деятельности.

На последнем, пятом, курсе обучения слушатели в ходе итоговой практики также в «полевых условиях» имеют возможность проверить уровень сформированности собственных профессиональных компетенций будущих специалистов социальной сферы за весь период обучения, а также аккумулировать фактический опытно-исследовательский (эмпирический) материал, используемый для подготовки и защиты выпускной квалификационной работы. Кроме того, в ходе практики на 5-м курсе осуществляется окончательное формирование профессиональных представлений о работе подразделения по делам несовершеннолетних как основного субъекта, выполняющего задачи по защите жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, по противодействию преступности несовершеннолетних, охране общественного порядка и собственности граждан, а также обеспечению общественной безопасности на закрепленной части территории муниципального образования, обслуживаемой территориальным органом МВД России.

Опыт реализации образовательных программ, включающих организацию практики как важнейшего компонента подготовки будущих специалистов социальной сферы, в частности, инспекторов ПДН показал, что при определении цели, задач, содержания и видов деятельности обучающихся на базах практики ведущие университеты преимущественно исходят из понимания того, что практика не только закрепляет осваиваемые профессиональные компетенции, но и формирует необходимые для будущей эффективной профессиональной деятельности качества личности специалиста. Так, наше исследование дало основание полагать, что в процессе реализации практики у курсантов и слушателей формируются и развиваются следующие профессионально-личностные качества и характерные для квалифицированного специалиста черты:

- интериоризированные этика профессионального поведения, культура профессионального и межличностного общения;
- способность, потребность и готовность к непрерывному образованию, самообразованию и профессионально-личностному саморазвитию;
- аналитичность при осмыслении учебно-профессиональных задач;
- способность равно эффективно работать самостоятельно и в трудовом коллективе;
- стрессоустойчивость при выполнении сложных профессиональных задач;
- ответственность за результат профессиональной деятельности;
- креативность;
- толерантность, а также ряд других.

Заключение

Таким образом, становится очевидным, что качественно организованная практическая подготовка в форме практики курсантов и слушателей является важнейшим фактором профессионально-личностной подготовки и последующей успешной профессиональной деятельности инспектора ПДН. Понимая, что высокий уровень профессиональной компетентности и его соответствие социальным запросам являются необходимыми критериями эффективности

процесса подготовки молодых специалистов, справедливо полагать, что практика курсантов, реализующаяся на базах практики, в т. ч. напрямую не относящихся к ведомственным структурам МВД России, способствует эффективному построению целостного педагогического процесса в учреждениях высшего образования, более широкому взаимодействию курсантов и слушателей с реальными объектами профессиональной деятельности, а также открывает новые возможности для их профессионально-личностного развития в качестве сотрудников полиции – инспекторов ПДН.

Список литературы

- Анисимова, А. В. (2011). Сопровождение практики будущих специалистов социальной сферы в контексте информационного подхода. *Педагогическое образование в России*, 4, 54–59.
- Богданович, Н. В., Делибалт, В. В., Чернушевич, В. А. (2015). Принципы организации практики в условиях сетевого взаимодействия (на примере разработки модуля «Психологическая профилактика нарушений поведения и отклонений в развитии»). *Психология и право*, 5 (4), 1–13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050401>
- Бутиков, А. И. (2021). Пути совершенствования практического обучения в образовательных организациях МВД России. *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*, 2 (90), 151–157. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-2-151-157>
- Вербицкий, А. А. (2021). Принцип проблемности в системе контекстного образования. В *VIII Махмутовские чтения. Интеграция региональной системы профессионального образования в европейское пространство: материалы международной научно-практической конференции* (Елабуга, 27–28 сентября 2021 года, стр. 10–15). Казань: Казанский (Приволжский) федеральный университет.
- Гейжан, Н. Ф. (2020). О преодолении противоречий теории и практики в образовательном процессе университетского образования В *Педагогика и психология в деятельности сотрудников правоохранительных органов: интеграция теории и практики: материалы всероссийской научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 30 октября 2020 года, стр. 107–111). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации.
- Дегтерев, В. А., Ключина, А. Ф. (2010). Практика в системе подготовки специалистов социальной сферы. *Педагогическое образование в России*, 1, 85–91.
- Душкин, А. С. (2012). Психологические аспекты повышения эффективности профилактической деятельности сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел. *Прикладная юридическая психология*, 2, 100–107.
- Зыскина, М. А. (2012). Ознакомительная практика с элементами волонтерской деятельности как условие вхождения студента-первокурсника в профессию «социальная работа». *Вестник социально-гуманитарного образования и науки*, 2, 65–76.
- Казанцева, Л. А., Калиниченко И.А. (2020). Инновационные принципы профессиональной подготовки и личностного развития студентов в высшей школе в условиях глобализации. *Вестник экономической безопасности*, 2, 333–336. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10138>
- Калиниченко, И. А. (2017). Особенности практико-ориентированного подхода в образовательной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я.Кикотя. *Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности*, 2, 13–15.
- Калиниченко, И. А. (2018). Особенности практико-ориентированного подхода в образовательной деятельности Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя.

В *Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы*: материалы II международной конференции (Москва, 06–07 июня 2018 года, стр. 23–28). Москва: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации им. В. Я. Кикотя.

- Калиниченко, И. А. (2019). *От классического университета через учебно-научно-исследовательский университетский комплекс к метауниверситету*: монография. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательство «Юнити-Дана».
- Леванова, Е. А., Пушкарева, Т. В. (2011). Практико-ориентированный подход к профессиональной подготовке педагога. *Перспективы науки*, 10 (25), 296–298.
- Никитская, Е. А. (2023). Основные педагогические компоненты профессиональной социализации и подготовки обучающихся образовательных организаций МВД России: предварительные результаты исследования. *Международный журнал психологии и педагогики в служебной деятельности*, 1, 8–12.
- Павлова, Л. А. (2016). Модель подготовки будущего учителя начальных классов на основе практико-ориентированного подхода. *Сибирский педагогический журнал*, 4, 95–102.
- Савицкая, А. В. (2013). Практико-ориентированный подход в обучении: обзор зарубежной литературы и проблема реализации в вузе. *Европейский журнал социальных наук*, 4(32), 66–74.
- Серых, А. Б., Пушкарева Т. В. (2013). Профессиональная подготовка социальных педагогов: требования и реалии. *Перспективы науки*, 3 (42), 198–201.
- Склярова, Т. В. (2008). *Профессиональная подготовка социальных педагогов в конфессионально-ориентированных высших учебных заведениях*: монография. Москва: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет.
- Сластенин, В. А. (2000). *Сластенин: избранные труды*: монография, Москва: Издательский дом «Магистр-Пресс».
- Ульянова, И. В., Сердюк, Н. В., Евсеева, И. Г. и др. (2022). *Научная школа «Педагогика смысловых ориентаций в системе подготовки кадров для органов внутренних дел России»*: монография, Москва: Индивидуальный предприниматель Колупаева Елена Владимировна.
- Янин, С. Ю. (2020). Концепция практической подготовки студентов по направлению «Социальная работа» в православном Свято-Тихоновском Гуманитарном университете. *Отечественный журнал социальной работы*, 4(83), 100–105.
- Nägel, L., Bleck, V., & Lipowsky, F. (2023). "Research findings and daily teaching practice are worlds apart" - Predictors and consequences of scepticism toward the relevance of scientific content for teaching practice. *Teaching and Teacher Education*, (121), 103911. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103911>
- Super, D. E. (1957). *Vocational development*. New York: Harper and Row.
- Winch, C. (2000). *Education, work and social capital: towards a new conception of vocational education*. London; New York.

References

- Anisimova, A. V. (2011). Soprovozhdenie praktiki budushchih specialistov social'noj sfery v kontekste informacionnogo podhoda. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 4, 54–59.
- Bogdanovich, N. V., Delibalt, V. V., Chernushevich, V. A. (2015). Principy organizacii praktiki v usloviyah setevogo vzaimodejstviya (na primere razrabotki modulya «Psihologicheskaya profilaktika narushenij povedeniya i otklonenij v razvitii»). *Psihologiya i pravo*, 5 (4), 1–13. <https://doi.org/10.17759/psylaw.2015050401>

- Butikov, A. I. (2021). Puti sovershenstvovaniya prakticheskogo obucheniya v obrazovatel'nyh organizatsiyah MVD Rossii. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*, 2 (90), 151–157. <https://doi.org/10.35750/2071-8284-2021-2-151-157>
- Verbickij, A. A. (2021). Princip problemnosti v sisteme kontekstnogo obrazovaniya. V *VIII Mahmudovskie chteniya. Integraciya regional'noj sistemy professional'nogo obrazovaniya v evropejskoe prostranstvo: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Elabuga, 27–28 sentyabrya 2021 goda, str. 10–15). Kazan': Kazanskij (Privolzhsnij) federal'nyj universitet.
- Gejzhan, N. F. (2020). O preodolenii protivorechij teorii i praktiki v obrazovatel'nom processe universitetskogo obrazovaniya V *Pedagogika i psihologiya v deyatel'nosti sotrudnikov pravoohranitel'nyh organov: integraciya teorii i praktiki: materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* (Sankt-Peterburg, 30 oktyabrya 2020 goda, str. 107–111). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii.
- Degterev, V. A., Klyushina, A. F. (2010). Praktika v sisteme podgotovki specialistov social'noj sfery. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii*, 1, 85–91.
- Dushkin, A. S. (2012). Psihologicheskie aspekty povysheniya effektivnosti profilakticheskoj deyatel'nosti sotrudnikov podrazdelenij po delam nesovershennoletnih organov vnutrennih del. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya*, 2, 100–107.
- Zyskina, M. A. (2012). Oznakomitel'naya praktika s elementami volonterskoj deyatel'nosti kak uslovie vhozhdeniya studenta-pervokursnika v professiyu «social'naya rabota». *Vestnik social'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki*, 2, 65–76.
- Kazanceva, L. A., Kalinichenko I.A. (2020). Innovacionnye principy professional'noj podgotovki i lichnostnogo razvitiya studentov v vysshej shkole v usloviyah globalizacii. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*, 2, 333–336. <https://doi.org/10.24411/2414-3995-2020-10138>
- Kalinichenko, I. A. (2017). Osobennosti praktiko-orientirovannogo podhoda v obrazovatel'noj deyatel'nosti Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V. Ya. Kikoty. *Mezhdunarodnyj zhurnal psihologii i pedagogiki v sluzhebnoj deyatel'nosti*, 2, 13–15.
- Kalinichenko, I. A. (2018). Osobennosti praktiko-orientirovannogo podhoda v obrazovatel'noj deyatel'nosti Moskovskogo universiteta MVD Rossii imeni V.Ya. Kikoty. V *Professional'noe obrazovanie sotrudnikov organov vnutrennih del. Pedagogika i psihologiya sluzhebnoj deyatel'nosti: sostoyanie i perspektivy: materialy II mezhdunarodnoj konferencii* (Moskva, 06–07 iyunya 2018 goda, str. 23–28). Moscow: Moskovskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii im. V. Ya. Kikoty.
- Kalinichenko, I. A. (2019). *Ot klassicheskogo universiteta cherez uchebno-nauchno-issledovatel'skij universitetskij kompleks k metauniversitetu: monografiya*. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'stvo «Yuniti-Dana».
- Levanova, E. A., Pushkareva, T. V. (2011). Praktiko-orientirovannyj podhod k professional'noj podgotovke pedagoga. *Perspektivy nauki*, 10 (25), 296–298.
- Nikitskaya, E. A. (2023). Osnovnye pedagogicheskie komponenty professional'noj socializacii i podgotovki obuchayushchihsya obrazovatel'nyh organizacij MVD Rossii: predvaritel'nye rezul'taty issledovaniya. *Mezhdunarodnyj zhurnal psihologii i pedagogiki v sluzhebnoj deyatel'nosti*, 1, 8–12.
- Pavlova, L. A. (2016). Model' podgotovki budushchego uchitelya nachal'nyh klassov na osnove praktiko-orientirovannogo podhoda. *Sibirskij pedagogicheskij zhurnal*, 4, 95–102.
- Savickaya, A. V. (2013). Praktiko-orientirovannyj podhod v obuchenii: obzor zarubezhnoj literatury i problema realizacii v vuze. *Evropejskij zhurnal social'nyh nauk*, 4(32), 66–74.
- Seryh, A. B., Pushkareva T. V. (2013). Professional'naya podgotovka social'nyh pedagogov: trebovaniya i realii. *Perspektivy nauki*, 3 (42), 198–201.

- Sklyarova, T. V. (2008). *Professional'naya podgotovka social'nyh pedagogov v konfessional'no-orientirovannyh vysshih uchebnyh zavedeniyah*: monografiya. Moscow: Pravoslavnyj Svyato-Tihonovskij gumanitarnyj universitet.
- Slastenin, V. A. (2000). *Slastyonin: izbrannye trudy*: monografiya, Moscow: Izdatel'skij dom «Magistr-Press».
- Ul'yanova, I. V., Serdyuk, N. V., Evseeva, I. G. i dr. (2022). *Nauchnaya shkola «Pedagogika smyslzhiznennyh orientacij v sisteme podgotovki kadrov dlya organov vnutrennih del Rossii»*: monografiya, Moscow: Individual'nyj predprinimatel' Kolupaeva Elena Vladimirovna.
- Yanin, S. Yu. (2020). Konceptsiya prakticheskoj podgotovki studentov po napravleniyu «Social'naya rabota» v pravoslavnom Svyato-Tihonovskom Gumanitarnom universitete. *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty*, 4(83), 100–105.
- Nägel, L., Bleck, V., & Lipowsky, F. (2023). "Research findings and daily teaching practice are worlds apart" - Predictors and consequences of scepticism toward the relevance of scientific content for teaching practice. *Teaching and Teacher Education*, (121), 103911. <https://doi.org/10.1016/j.tate.2022.103911>
- Super, D. E. (1957). *Vocational development*. New York: Harper and Row.
- Winch, C. (2000). *Education, work and social capital: towards a new conception of vocational education*. London; New York.

Информация об авторах

Екатерина Александровна Никитская – доцент кафедры педагогики учебно-научного комплекса психологии служебной деятельности Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя, кандидат педагогических наук, доцент.

Анатолий Викторович Мудрик – профессор кафедра социальной педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета, доктор педагогических наук, профессор, член-корреспондент РАО.

About the authors

Nikitskaya Ekaterina Aleksandrovna – docent at the Department of Pedagogy, educational and scientific complex of psychology of service activities, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia V. Ya. Kikotya, Cand. Sci. (Ped.), docent.

Anatoly V. Mudrik – Professor of the Department of Social Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University, Doctor of Pedagogy, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Education (RAO).

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Authors' contribution.

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 03.07.2024

Одобрена после рецензирования 29.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted July 03, 2024

Approved after reviewing August 29, 2024

Accepted October 28, 2024

УДК 343.2/.7

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-453-464

Совершенствование практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением

Евгения Александровна СлюсареваСанкт-Петербургский университет МВД России
(Санкт-Петербург, Россия)

nnprn@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-8689-8361

Аннотация

Введение. Хищение является актуальной проблемой для личности, общества и государства, поскольку указанный вид преступления не только деструктивно влияет на институт собственности и психическое состояние потерпевших и членов их семей, но и составляет наибольший удельный вес в структуре всех зарегистрированных на территории Российской Федерации преступлений. Правоприменительная практика в сфере уголовно-правового противодействия тайному насильственному хищению свидетельствует о том, что неправильное понимание практическими работниками следственных органов и органов дознания системы МВД России критериев тайности и различий между насилием и физическим воздействием при совершении хищения влечет к совершению ошибок в квалификации указанного вида преступления. **Методы.** Для достижения цели и решения задач исследования применялись общенаучные (анализ и синтез; индукция и дедукция; сравнение; описание; логический и структурно-функциональный методы) и частнонаучные (сравнительно-правовой, метод правовой статистики) методы. Также в статье применены такие методы, как правовой мониторинг и анкетирование. **Результаты.** По итогам исследования сделан вывод о том, что в теории уголовного права и следственно-судебной практике существует тайное насильственное хищение. В целях совершенствования практики уголовно-правовой борьбы с указанным видом преступления в рамках настоящей статьи были определены критерии тайности; разграничено насилие, не опасное для жизни и здоровья, от физического воздействия, используемого виновным лицом для отвлечения внимания при совершении хищения; уточнен понятийно-категориальный аппарат, а также предложены конкретные пути решения обозначенной проблемы для достижения единого применения уголовного законодательства при решении вопросов квалификации по указанному преступному деянию.

Ключевые слова

преступления против собственности, хищение, тайность, насилие, тайное насильственное хищение

Для цитирования: Слюсарева, Е. А. (2024). Совершенствование практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 453–464. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-453-464.

Improving the practice of criminal law combating the secretly violent of theft

Evgeniya A. Slusareva

Saint Petersburg University of the MIA of Russia

(Saint Petersburg, Russia)

nnprn@yandex.ru

ORCID: 0009-0005-8689-8361

Abstract

Introduction. Embezzlement is actual problem for personality, society and the state, since this specified type of crime not only has a destructive effect on the institution of property and the mental state of victims and their family members, but also accounts for the largest share in the structure of all crimes registered on the territory of the Russian Federation. Law enforcement practice in the field of criminal law counteraction to the covert violent embezzlement indicates that a misunderstanding by practitioners of investigative bodies and bodies of inquiry of the Ministry of Internal Affairs of Russia of the secrecy criteria and the differences between violence and physical impact in the commission of embezzlement leads to mistakes in the qualification of this type of crime. **Methods.** To solve the goals and objectives of this scientific research the author used general scientific (analysis and synthesis; induction and deduction; comparison; description; logical and structural-functional methods) and private scientific (comparative legal method, method of legal statistics) methods, as well as methods of legal monitoring and questionnaires. **Results.** According to the results of the scientific research it was concluded that in the theory of criminal law and investigative judicial practice, there is a covert violent embezzlement. In order to improve the practice of criminal law combating this type of crime, within the framework of this article, the criteria of secrecy were defined; violence that is not dangerous to life and health was distinguished from physical influence used by the guilty person to distract attention when committing embezzlement; the conceptual and categorical framework was clarified and specific ways of solving the designated problem for the unified application of criminal legislation in solving the issues of qualification of the specified criminal act were proposed.

Keywords

crimes against property, embezzlement, secrecy, violence, covert violent embezzlement

For citation: Slusareva, E. A. (2024). Improving the practice of criminal law combating the secretly violent of theft. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 453–464. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-453-464.

Введение

Хищение как деструктивный феномен и наиболее распространенный вид преступлений против собственности является значимой проблемой для личности, общества и государства. Общественная значимость проявляется в его деструктивном влиянии на состояние и нормальное развитие института собственности, а также на психическое состояние потерпевших и членов их семей (настроение, эмоции и т. д.). Как отметил С. Л. Рубинштейн, «внешнее изменение взаимоотношений человека с окружающими, отражаясь в его сознании, изменяет и внутреннее, психическое состояние человека, перестраивает его сознание, его внутреннее отношение и к другим людям, и к самому себе» (Рубинштейн, 2023, с. 926), что в равной

степени относится и к взаимоотношению потерпевшего с преступником в момент совершения в отношении него хищения.

Помимо этого, криминализация хищения в XXI веке приобретает новые возможности для распространения, что обусловлено информатизацией всех сфер общественной жизни в связи со стремительным развитием информационных технологий («Каждое третье преступление совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий»¹). Доминирующая роль хищения (54,1 %²) в структуре всех зарегистрированных на территории Российской Федерации (далее – РФ) преступлений в 2023 году свидетельствует об эффективности уголовно-процессуальных и уголовно-правовых мер, направленных на выявление указанного вида преступления. Однако стоит отметить, что правоприменительная практика в сфере уголовно-правового противодействия тайному насильственному хищению показывает, что неправильное понимание практическими работниками следственных органов и органов дознания системы МВД России критериев тайности и различий между насилием, не опасным для жизни и здоровья, и физическим воздействием при совершении хищения влечет к совершению ошибок в квалификации и, как следствие, к снижению эффективности уголовно-правовых мер, направленных на пресечение, предупреждение и противодействие тайному насильственному хищению.

Вопрос о существовании тайного насильственного хищения чужого имущества в теории уголовного права исследован недостаточно, однако, несмотря на это, не остался без научного внимания, о чем свидетельствуют работы А. И. Бойцова, В. А. Владимирова, Л. Д. Гаухмана, Ю. А. Ляпунова, М. П. Михайлова, Р. Е. Токарчук, В. В. Хилюты, В. Ф. Щепелькова и других.

Так, М. П. Михайлов считал, что характер и степень общественной опасности нападения при хищении не зависит от открытой либо тайной формы его совершения (Михайлов, 1958, с. 125). Аналогичного мнения придерживались такие ученые, как Л. Д. Гаухман (Гаухман, 1969, с. 21) и В. А. Владимиров (Владимиров, 1974, с. 67), т. е. указанные авторы допускали существование тайного насильственного хищения при непосредственном нападении на потерпевшего.

А. И. Бойцов высказывал в своих научных трудах мнение, согласно которому различие между грабежом и разбоем можно проводить по способу совершения хищения. Одно из таких оснований для разграничения указанных форм хищения А. И. Бойцов видел в том, что грабеж может быть совершен только в открытой форме, в то время как разбой может быть совершен тайно при определенных обстоятельствах, например, таких, как удар сзади, оглушающий потерпевшего (Бойцов, 2002, с. 480).

Несмотря на то, что обозначенная проблема не была основной в работах В. В. Векленко, он отметил, что «насильственное завладение имуществом может происходить фактически тайно от потерпевшего или других лиц»³. Ученик В. В. Векленко, А. А. Галаганов, высказал схожее мнение, согласно которому в случае, если потерпевший не осознавал произошедшего, деяние должно быть квалифицировано как тайное хищение и преступление против личности⁴.

В. В. Хилюта также полагал, что грабеж – это открытая форма хищения, а разбой, при определенных обстоятельствах, может быть совершен как открыто, так и тайно, например, если имеет место нападение из засады и т. д. (Хилюта, 2014, с. 91). Аналогичной позиции

¹ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года (2023). *МВД России: сайт*. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 10.03.2024).

² Обзор состояния преступности в Российской Федерации за 2023 год (2023). *МВД России: сайт*. URL: <https://мвд.рф/reports> (дата обращения: 10.03.2024).

³ Векленко, В. В. (2001). *Квалификация хищений чужого имущества*: дис. ... д-ра юрид. наук (стр. 95). Омск.

⁴ Галаганов, А. А. (2011). *Уголовно-правовая характеристика способов совершения хищений*: дис. ... канд. юрид. наук (стр. 128). Омск.

придерживается и Р. Е. Токарчук в своей статье, посвященной тайному насильственному хищению (Токарчук, 2015, с. 96).

Целью статьи является теоретическое разъяснение критериев тайности и различий между насилем, не опасным для жизни и здоровья, и физическим воздействием при совершении хищения. Такое разъяснение необходимо для совершенствования практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением.

В соответствии с указанной целью были поставлены следующие задачи.

1. Провести теоретический анализ насильственного хищения, совершенного тайным и открытым способами.

2. Проанализировать судебную и следственную практику по исследуемой проблеме.

3. На основании анализа судебной и следственной практики, а также ответов опрошенных респондентов, полученных в результате проведения пилотного опроса, уточнить понятийно-категориальный аппарат по исследуемой проблеме, а также сформулировать предложения по совершенствованию практики применения уголовного законодательства в сфере борьбы с тайным насильственным хищением.

Методы

Для решения цели и задач исследования применялись общенаучные (анализ и синтез; индукция и дедукция; сравнение; описание; логический и структурно-функциональный методы), частнонаучные (сравнительно-правовой, метод правовой статистики) методы и правовой мониторинг. Также была разработана анкета для пилотного опроса практических работников по проблемным теоретическим и практическим вопросам квалификации тайного насильственного хищения.

Результаты

В теории уголовного права принято выделять шесть форм хищения, такие как: кража, грабеж, разбой, мошенничество, присвоение и растрата⁵. Общепринятое разграничение указанных форм хищения происходит по способам завладения чужим имуществом, которые в каждом конкретном составе преступления против собственности выступают конструктивным и обязательным признаком.

Указанные формы хищения можно также классифицировать по такому критерию, относящемуся к способу завладения чужим имуществом, как соединенный с насилем и без такового, иными словами, деление форм хищения на насильственные и ненасильственные. К первой обозначенной группе можно отнести насильственный грабеж и разбой, ко второй – кражу, ненасильственный грабеж, мошенничество, присвоение и растрату. В системе преступлений против собственности насильственные и ненасильственные формы хищения также выделяли такие ученые, как Г. Н. Борзенков⁶, И. Ш. Борчашвили (Борчашвили, 2010, с. 85), С. А. Елисеев⁷, О. П. Ершова (Ершова, 2023, с. 45), А. Н. Иванов (Иванов, 2023, с. 339), М. В. Степанов (Степанов, 2016, с. 241) и другие.

Стоит отметить, что пленум Верховного Суда Российской Федерации не уделил должного внимания разъяснению вопросов, связанных с установлением объективных и субъективных критериев тайности; с разграничением насилия, не опасного для жизни и здоровья, от физи-

⁵ Попов, А. Н. (ред.) (2018). *Квалификация преступлений против собственности*: учебное пособие (стр. 61). СПбЮИ (ф) УП РФ.

⁶ Борзенков, Г. Н. (1991). *Уголовно-правовые проблемы охраны имущества от корыстных посягательств*: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук (стр. 2). Москва.

⁷ Елисеев, С. А. (2018). *Преступления против собственности*: курс лекций (стр. 20). Томск.

ческого воздействия, используемого виновным лицом для отвлечения внимания, в связи с чем процессуалисты системы МВД России не всегда правильно применяют уголовное законодательство и допускают ошибки при квалификации тайного насильственного хищения.

В теории уголовного права выделяют два совокупных критерия тайности: субъективный (внутренний) и объективный (внешний). Субъективный критерий тайности заключается в осознании самим виновным, исходя из окружающей обстановки, тайности совершаемого им преступного деяния. Объективный критерий подразумевает совершение хищения:

- 1) в отсутствие собственника (иного владельца имущества) или других лиц;
- 2) незаметно для собственника (иного владельца имущества) или других лиц;
- 3) в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не осознают характера совершаемого противоправного деяния;
- 4) в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не обнаруживают себя⁸.

Исходя из смысла пункта 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 (в ред. от 15 декабря 2022 г.) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» (далее – ППВС № 29), под тайным хищением чужого имущества понимаются «действия лица, совершившего незаконное изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В тех случаях, когда указанные лица видели, что совершается хищение, однако виновный, исходя из окружающей обстановки, полагал, что действует тайно, содеянное также является тайным хищением чужого имущества»⁹. Так, постановлением высшей судебной инстанции в рамках указанного пункта определено, что к субъективному критерию тайности относится то, что виновный, исходя из окружающей его обстановки, полагал, что действует тайно. А к объективному критерию тайности относится:

- совершение незаконного изъятия имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц;
- совершение незаконного изъятия имущества в присутствии собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц, но незаметно для них.

В пункте 4 ППВС № 29 раскрывается еще один объективный критерий тайности, а именно: присутствующее при незаконном изъятии чужого имущества лицо не сознает противоправность этих действий.

Таким образом, постановлением высшей судебной инстанции не разъяснен еще один немаловажный объективный критерий тайности (определенный в теории уголовного права) – совершение хищения чужого имущества в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не обнаруживают себя. Помимо этого, указанный в пункте 4 ППВС № 29 критерий находится в отрыве от общего разъяснения «тайного хищения чужого имущества», что может восприниматься правоприменителем как частный случай и не учитываться при квалификации указанного вида преступления.

Согласно данным, полученным в ходе пилотного опроса практических работников следственных органов и органов дознания системы МВД России (всего было опрошено 54 человека) в рамках обозначенной проблемы, на вопрос «Согласны ли Вы с мнением о том, что существует два совокупных критерия тайности при совершении хищения, а именно: объективный

⁸ Денисов, С. А. (ред.), Готчина, Л. В. (ред.), Хлебушкин, А. Г. (ред.) (2020). *Уголовное право. Особенная часть*: учебник (стр. 169). Санкт-Петербург. Издательство ООО «Р-КОПИ».

⁹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29 (ред. от 15.12.2022) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое». *КонсультантПлюс: сайт*. URL: <https://clck.ru/39nBkA> (дата обращения: 10.03.2024).

(внешний) и субъективный (внутренний)?» ответили утвердительно 92,6 % респондентов. Однако несмотря на то, что более половины респондентов ответило на поставленный перед ними вопрос положительно, следует отметить следующее.

На вопрос «Согласны ли Вы с мнением о том, что субъективный критерий тайности включает в себя осознание самим виновным тайности совершаемого им деяния?» ответили утвердительно 90,7 % респондентов, отрицательно – 7,4 %, а затруднилось ответить – 1,9 %. На вопрос относительно того, что включает в себя объективный критерий тайности при совершении хищения, 34,6 % респондентов отнесли к объективному критерию тайности «совершение хищения незаметно для собственника (иного владельца имущества) или других лиц», 32,7 % – «совершение хищения в отсутствие собственника (иного владельца имущества) или других лиц», 19,6 % – «совершение хищения в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не осознают характера совершаемого противоправного деяния», 11,2 % – «совершение хищения в присутствии собственника (иного владельца имущества) или других лиц, когда они не обнаруживают себя». При этом, только 20,37 % опрошенных респондентов отнесли к объективным критериям тайности все четыре приведенных утверждения, а 0,9 % респондентов и вовсе было не согласно ни с каким утверждением.

Таким образом, отсутствие в примечании к статье 158 УК РФ доктринального определения тайного хищения чужого имущества, а также существующие в пунктах 2 и 4 ППВС № 29 разъяснения относительно тайного хищения чужого имущества не позволяют всем правоприменителям в полном объеме оперировать объективным и субъективным критериями тайности при квалификации хищения, что может привести к совершению ошибок в предъявлении обвинения.

Также подтверждает высказанную позицию следующий пример из судебной практики: согласно тексту приговора № 1-294/2019 от 7 августа 2019 года по делу № 1-294/2019¹⁰, А. А. Коробков первоначально обвинялся в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, однако благодаря аргументированно высказанной позиции государственного обвинителя действия виновного лица были переквалифицированы судом на ч. 1 ст. 158 УК РФ (изначально правоприменителем не был учтен субъективный критерий тайности, поскольку произошла коллизия между объективным и субъективным критериями: А. А. Коробков, исходя из окружающей обстановки, полагал, что его действия остаются тайными для потерпевшей, поскольку думал, что она спит, однако потерпевшая осознавала, что в отношении нее совершается хищение).

Возвращаясь к проблеме отсутствия в постановлении высшей судебной инстанции разъяснений по вопросу разграничения насилия, не опасного для жизни и здоровья, от физического воздействия, применяемого виновным лицом для отвлечения внимания при совершении хищения, необходимо отметить следующее. Некоторые процессуалисты системы МВД России в процессе расследования указанного вида преступления допускают ошибки в квалификации преступного деяния, полагая, что физическое воздействие, применяемое виновным лицом для отвлечения внимания потерпевшего при совершении хищения, образует объективную сторону грабежа, в результате чего направляют в суд уголовные дела с неправильной квалификацией и, соответственно, ошибкой в предъявленном обвинении.

Примером, подтверждающим указанную точку зрения, является приговор № 1-28/2019 1-528/2018 от 15 февраля 2019 года по делу № 1-28/2019. Д. О. Улезько первоначально об-

¹⁰ Текст Приговора № 1-294/2019 от 7 августа 2019 года по делу № 1-294/2019. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): сайт. URL: <https://clck.ru/39s2R7> (дата обращения: 10.03.2024).

вменялся в совершении преступления, предусмотренного п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ¹¹. Однако в ходе судебного заседания суд пришел к выводу о необходимости переквалификации действий Д. О. Улезько с п.п. «в», «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ на п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ, что является верным, поскольку Д. О. Улезько с целью отвлечения внимания потерпевшей применил физическое воздействие, не входящее в объективную сторону грабежа (Д. О. Улезько толкнул собственницу при входе в квартиру, а само хищение денежных средств совершил позже, достоверно осознавая, что его действия были тайными для потерпевшей).

Помимо этого, согласно данным, полученным в ходе пилотного опроса практических работников следственных органов и органов дознания системы МВД России в рамках обозначенной проблемы, анализируя текст приговора № 1-467/2018 от 13 июня 2018 года по делу № 1-467/2018¹² без итогового судебного решения (согласного которому Д. А. Кокарев верно, на наш взгляд, признан судом виновным в совершении кражи), 18,5 % опрошенных респондентов усмотрели в действиях преступника состав грабежа (Д. А. Кокарев, с целью отвлечения внимания потерпевшего № 6, толкнул последнего и, воспользовавшись замешательством потерпевшего № 6, тайно похитил мобильный телефон из правого бокового кармана его зимнего пальто).

Таким образом, в целях совершенствования практики уголовно-правовой борьбы с указанным видом преступления против собственности и последующей минимизации допущения правоприменителями ошибок в его квалификации, необходимо разграничить насилие, не опасное для жизни и здоровья, от физического воздействия, применяемого виновным лицом для отвлечения внимания потерпевшего при совершении хищения.

Согласно пункту 21 ППВС 29, под насилием, не опасным для жизни и здоровья, следует понимать «побои или совершение иных насильственных действий, связанных с причинением потерпевшему физической боли либо с ограничением его свободы (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.)»¹³. Побои – это насильственные действия, причинившие физическую боль потерпевшему, но не повлекшие последствий, указанных в статье 115 УК РФ, и при этом, как отмечают многие авторы (А. В. Бриллиантов¹⁴, Г. А. Есаков¹⁵, В. П. Куцык (Куцык, 2023, с. 110), А. И. Рапог¹⁶, Е. А. Сазанова (Сазанова, 2018, с. 89) и другие), характеризующиеся многократностью нанесения ударов (два и более). К иным насильственным действиям относится все иное, что не подпадает под объективную сторону побоев (например, нанесение одного удара) и влечет наступление общественно опасных последствий в виде физической боли потерпевшего. Анализируя субъективную сторону насильственного грабежа, стоит отметить, что виновный осознает, что он незаконно, безвозмездно, путем применения насилия, не опасного для жизни и здоровья, завладевает чужим имуществом, т. е. в указанном случае преступник желает причинить потерпевшему именно физическую боль, чтобы с наибольшей вероятностью достигнуть поставленную перед собой

¹¹ Текст Приговора № 1-28/2019 1-528/2018 от 15 февраля 2019 года по делу № 1-28/2019. *Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): сайт*. URL: <https://clck.ru/39nXgu> (дата обращения: 10.03.2024).

¹² Текст Приговора № 1-467/2018 от 13 июня 2018 года по делу № 1-467/2018. *Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): сайт*. URL: <https://clck.ru/39nUPV> (дата обращения: 10.03.2024).

¹³ *Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 года № 29*.

¹⁴ Бриллиантов, А. В. (ред.) (2015). *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: постатейный* в 2 томах (том 1, стр. 331). Москва: Издательство «Проспект».

¹⁵ Есаков, Г. А. (ред.). *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный). КонсультантПлюс: сайт*. URL: <https://clck.ru/39sKfj> (дата обращения: 10.03.2024).

¹⁶ Рапог, А. И. (ред.). *Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Гарант: сайт*. URL: <https://base.garant.ru/77133406/> (дата обращения: 10.03.2024).

корыстную цель. При этом ни о каких критериях тайности в указанном случае речи идти не может, т. к. такие действия совершаются только открытым способом, поскольку виновное лицо осознает открытый характер своих преступных действий и они явны как для потерпевшего, так и для иных лиц (в случае их присутствия).

В свою очередь физическое воздействие, применяемое лицом при совершении хищения, характеризуется однократностью и мгновенностью. Указанные действия не причиняют физической боли потерпевшему либо причиняют ее по независящим от виновного лица обстоятельствам (в результате болезни, травмы потерпевшего или других обстоятельств, о которых виновное лицо не знало и знать не могло), но умыслом последнего не охватываются. При этом указанные действия должны быть совершены с целью отвлечения внимания потерпевшего от истинного преступного намерения, направленного на хищение чужого имущества. Стоит также отметить, что действия виновного лица остаются тайными для потерпевшего, поскольку указанное физическое воздействие вводит потерпевшего в замешательство, в результате которого последний не в состоянии осознать фактический характер и степень общественной опасности совершаемого в отношении него преступного деяния (объективный критерий тайности), а виновное лицо, осознавая это, полагает, что его действия и истинное корыстное намерение остается тайным как для потерпевшего, так и для иных лиц (субъективный критерий тайности).

Схожую позицию по данному вопросу высказывал В. Ф. Щепельков: «Само по себе применение насилия не превращает кражу в грабеж, надо, чтобы тайное хищение стало открытым. Хищение, совершенное в присутствии потерпевшего, но незаметно для него, квалифицируется как кража» (Щепельков, 2013, с. 49). С указанным мнением в своей статье соглашается и З. М. Челябова (Челябова, 2014, с. 142).

Рассматривая вопрос относительно возможности существования тайного насильственного хищения при введении виновным лицом в организм потерпевшего вещества, опасного (либо не опасного) для его жизни и здоровья, необходимо обратиться к следующим мнениям юристов и ученых в области уголовного права в рамках обозначенного вопроса.

Так, В. А. Владимиров и Ю. А. Ляпунов считали, что такие действия образуют состав кражи и соответствующее преступление против личности, если при этом вреда жизни или здоровью потерпевшему причинено не было (Владимиров, Ляпунов, 1983, с. 28). О. Н. Буркина высказывала в своей статье мнение, что если указанные действия совершены виновным лицом путем обмана, то они для потерпевшего совершаются тайно, в связи с чем должны квалифицироваться как тайное хищение чужого имущества и по совокупности умышленное причинение вреда здоровью (Буркина, 2014, с. 125). В. В. Хилюта в свою очередь полагает, что как кражу следует квалифицировать аналогичные деяния, если указанные выше вещества были введены в организм потерпевшего тайно или путем обмана, и при этом ущерб здоровью последнему причинен не был (Хилюта, 2017, с. 93). По мнению П. С. Яни, разбойное нападение может быть как открытым, так и тайным, когда виновное лицо не осознает характера совершаемого в отношении него преступного деяния, например, в случае комы (Яни, 2015, с. 47).

Однако с указанными позициями не согласен И. Ш. Борчашвили, поскольку считает, что указанные действия (опасные для жизни и здоровья потерпевшего) равносильны разбойному нападению, если они совершены с целью, указанной в законе (с целью хищения чужого имущества) (Борчашвили, 2002, с. 62).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что введение в организм потерпевшего опасного (либо не опасного) для его жизни и здоровья вещества может быть совершено тайно. Так, приговором № 1-163/2015 1-3/2016 от 11 апреля 2016 года по делу № 1-163/2015, суд признал А. В. Меднова и А. А. Чурганова виновными в совершении преступления,

предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ¹⁷. Учитывая, что А. В. Меднов добавил в целях хищения чужого имущества снотворное в «стопку» при отсутствии потерпевшего Т. рядом в этот момент, последний не мог осознавать фактический характер и степень общественной опасности совершаемого в отношении него преступного деяния (объективный критерий тайности), а виновные лица были убеждены, исходя из окружающей обстановки, что их действия остаются тайными для потерпевшего, поскольку добавили снотворное в алкогольный напиток в момент отсутствия последнего рядом, а также в связи с тем, что во время непосредственного совершения хищения потерпевший уже спал (субъективный критерий тайности). При этом введенное в организм потерпевшего вещество (снотворное) не повлекло за собой причинения какого-либо вреда жизни и здоровью. В связи с этим, мы склонны согласиться с вышеуказанной позицией суда относительно квалификации преступного деяния, несмотря на то, что разъяснения ППВС № 29, данные в пункте 23 абзаца 5, свидетельствуют о том, что указанные действия должны были быть квалифицированы как грабеж, соединенный с насилием.

При этом стоит отметить, что согласно данным, полученным в ходе проведения пилотного опроса практических работников следственных органов и органов дознания системы МВД России в рамках обозначенной проблемы, 82,6 % респондентов согласилось со следующим утверждением: «Согласны ли Вы с мнением о том, что в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего может быть тайно введено опасное (либо не представляющее опасности) для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние?».

Заключение

Резюмируя вышеизложенное, необходимо сделать следующие выводы.

1. Проведенный в рамках исследования пилотный опрос, который не претендует на репрезентативность в связи с количеством опрошенных респондентов, все равно позволяет сделать вывод о том, что некоторые практические работники следственных органов и органов дознания системы МВД России из числа опрошенных не могут в полной мере оперировать критериями тайности при квалификации хищения, что подтверждает актуальность настоящего исследования.

2. Физическое воздействие, применяемое виновным лицом для отвлечения внимания потерпевшего при совершении хищения, квалифицируется как кража.

3. Разбойное нападение может быть совершено тайно при следующих обстоятельствах: при вероломном нападении, в результате удара сзади, во время сна или комы, а также иных обстоятельствах, при которых потерпевшее лицо не способно осознать фактический характер и степень общественной опасности совершаемого в отношении него преступного посягательства. В указанных случаях тайность не является конструктивным признаком разбоя и на квалификацию деяния не влияет.

3. В примечании к статье 158 УК РФ следует, на наш взгляд, указать, что тайным является «осознание виновным лицом, исходя из окружающей его обстановки, скрытности от окружающих лиц совершаемого хищения в отсутствие собственника или иных лиц либо совершаемого способом, незаметным или неявным для них в связи с неосознанием ими фактического характера и общественной опасности такого хищения, а также в том случае, когда указанные лица не обнаруживают себя».

4. В постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации в целях совершенствования практики уголовно-правовой борьбы с тайным насильственным хищением следует,

¹⁷ Текст Приговора № 1-163/2015 1-3/2016 от 11 апреля 2016 года. Судебные и нормативные акты РФ (СудАкт): сайт. URL: <https://clck.ru/39sQvA> (дата обращения: 10.03.2024).

на наш взгляд, закрепить следующее положение: «В случаях, когда в целях хищения чужого имущества в организм потерпевшего против его воли, путем обмана или тайно введено опасное для жизни или здоровья сильнодействующее, ядовитое или одурманивающее вещество с целью приведения потерпевшего в беспомощное состояние, содеянное должно квалифицироваться как разбой. Если с той же целью в организм потерпевшего против его воли введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как грабеж, соединенный с насилием. В случае, когда в организм потерпевшего путем обмана или тайно введено вещество, не представляющее опасности для жизни или здоровья, содеянное надлежит квалифицировать в зависимости от последствий как кражу».

Список литературы

- Бойцов, А. И. (2002). *Преступления против собственности*: монография. Санкт-Петербург: Издательство «Юридический центр Пресс».
- Борчашвили, И. Ш. (2002). *Квалификация преступлений против собственности*: монография. Караганда: Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б. Бейсенова.
- Борчашвили, И. Ш. (2010). *Хищение чужого имущества*: монография. Караганда: Карагандинский юридический институт МВД РК им. Б. Бейсенова.
- Буркина, О. А. (2014). Понятие и виды насилия в преступлениях против собственности в теории уголовного права России. *Пробелы в российском законодательстве*, 1, 122–131.
- Владимиров, В. А. (1974). *Квалификация похищений личного имущества*: монография. Москва: Издательство «Юридическая литература».
- Владимиров, В. А., Ляпунов, Ю. А. (1983). *Корыстные посягательства на социалистическую собственность*: монография. Москва: Издательство «Юридическая литература».
- Гаухман, Л. Д. (1969). *Борьба с насильственными посягательствами*: монография. Москва: Издательство «Юридическая литература».
- Ершова, О. П. (2023). Формы и виды хищений в уголовном праве. В *Юриспруденция XXI века: позиции закона, доктрины и практики*: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Иркутск, 01 марта 2023 года, стр. 38–46). Иркутск: Центр научно-информационных технологий "Астерион". EDN DLKOSA.
- Иванов, А. Н. (2023). Насильственные и ненасильственные формы хищений. Грабеж и разбой. *Молодой ученый*, 19 (466), 339–341.
- Куцык, В. П. (2023). Побой как признак объективной стороны преступлений, предусмотренных статьями 116 и 116¹ УК РФ. В *Актуальные проблемы предварительного расследования*: материалы международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 26 апреля 2023 года, стр. 109–110). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN SGHBLS.
- Михайлов, М. П. (1958). *Уголовная ответственность за кражу личного имущества и разбой (по советскому праву)*: монография. Москва: Издательство «Госюриздат».
- Рубинштейн, С. Л. (2023). *Основы общей психологии*. Москва: Издательство «АСТ».
- Сазанова, Е. А. (2018). О некоторых спорных вопросах уголовно-правовой оценки побоев. *Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление*, 5 (96), 88–90.
- Степанов, М. В. (2016). Вопросы квалификации ненасильственных форм хищения. *Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева*, 1 (2), 241–250.
- Токарчук, Р. Е. (2015). Тайное насильственное хищение в теории уголовного права и практике применения уголовного закона. *Уголовное право*, 1, 96–99.

- Хилюта, В. В. (2014). *Формы хищения в доктрине уголовного права*: монография. Москва: Издательство «Юрлитинформ».
- Хилюта, В. В. (2017). Концептуально-теоретическая модель определения форм хищения в уголовном законе. *Вопросы правоведения*, 1 (39), 90–110.
- Челябова, З. М. (2014). Уголовно-правовая характеристика насилия в грабеже и разбое. *Гуманитарные исследования*, 4 (52), 138–143.
- Щепельков, В. Ф. (2013). Хищение с применением насилия: всегда ли это разбой или грабеж? *Уголовное право*, 3, 48–52.
- Яни, П. С. (2015). Вопросы квалификации разбоя. *Законность*, 9 (971), 45–50.

References

- Bojcov, A. I. (2002). *Prestupleniya protiv sobstvennosti*: monografiya. Saint Petersburg: Izdatel'stvo «Yuridicheskij centr Press».
- Borchashvili, I. Sh. (2002). *Kvalifikaciya prestuplenij protiv sobstvennosti*: monografiya. Karaganda: Karagandinskij yuridicheskij institut MVD RK im. B. Bejsenova.
- Borchashvili, I. Sh. (2010). *Hishchenie chuzhogo imushchestva*: monografiya. Karaganda: Karagandinskij yuridicheskij institut MVD RK im. B. Bejsenova.
- Burkina, O. A. (2014). Ponyatie i vidy nasiliya v prestupleniyah protiv sobstvennosti v teorii ugovolnogo prava Rossii. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve*, 1, 122–131.
- Vladimirov, V. A. (1974). *Kvalifikaciya pohishchenij lichnogo imushchestva*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura».
- Vladimirov, V. A., Lyapunov, Yu. A. (1983). *Korystnye posyagatel'stva na socialisticheskuyu sobstvennost'*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura».
- Gauhman, L. D. (1969). *Bor'ba s nasil'stvennymi posyagatel'stvami*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Yuridicheskaya literatura».
- Ershova, O. P. (2023). Formy i vidy hishchenij v ugovolnom prave. V *Yurisprudenciya XXI veka: pozicii zakona, doktriny i praktiki*: sbornik materialov Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Irkutsk, 01 marta 2023 goda, str. 38–46). Irkutsk: Centr nauchno-informacionnyh tekhnologij "Asterion". EDN DLKOCA.
- Ivanov, A. N. (2023). Nasil'stvennye i nenasil'stvennye formy hishchenij. Grabezhi i razboj. *Molodoj uchenyj*, 19 (466), 339–341.
- Kucyk, V. P. (2023). Poboji kak priznak obektivnoj storony prestuplenij, predusmotrennyh stat'yami 116 i 116.1 UK RF. V *Aktual'nye problemy predvaritel'nogo rassledovaniya*: materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 26 aprelya 2023 goda, str. 109–110). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN SGHBLS.
- Mihajlov, M. P. (1958). *Ugovolnaya otvetstvennost' za krazhu lichnogo imushchestva i razboj (po sovetskomu pravu)*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Gosyurizdat».
- Rubinshtejn, S. L. (2023). *Osnovy obshchej psihologii*. Moscow: Izdatel'stvo «AST».
- Sazanova, E. A. (2018). O nekotoryh spornyh voprosah ugovolno-pravovoj ocenki poboev. *Nauka i obrazovanie: hozyajstvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie*, 5 (96), 88–90.
- Stepanov, M. V. (2016). Voprosy kvalifikacii nenasil'stvennyh form hishcheniya. *Vestnik Volzhskogo universiteta im. V. N. Tatishcheva*, 1 (2), 241–250.
- Tokarchuk, R. E. (2015). Tajnoe nasil'stvennoe hishchenie v teorii ugovolnogo prava i praktike primeneniya ugovolnogo zakona. *Ugovolnoe pravo*, 1, 96–99.
- Hilyuta, V. V. (2014). *Formy hishcheniya v doktrine ugovolnogo prava*: monografiya. Moscow: Izdatel'stvo «Yurlitinform».

- Hilyuta, V. V. (2017). Konceptual'no-teoreticheskaya model' opredeleniya form hishcheniya v ugovnom zakone. *Voprosy pravovedeniya*, 1 (39), 90–110.
- Chelyabova, Z. M. (2014). Ugolovno-pravovaya harakteristika nasiliya v grabezhe i razboe. *Gumantarnye issledovaniya*, 4 (52), 138–143.
- Shchepel'kov, V. F. (2013). Hishchenie s primeneniem nasiliya: vseгда li eto razboj ili grabezh? *Ugolovnoe pravo*, 3, 48–52.
- Yani, P. S. (2015). Voprosy kvalifikacii razboya. *Zakonnost'*, 9 (971), 45–50.

Информация об авторе

Евгения Александровна Слюсарева – адъюнкт Санкт-Петербургского университета МВД России.

About the author

Evgeniya A. Slusareva – post graduate of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 18.06.2024

Одобрена после рецензирования 10.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted June 18, 2024

Approved after reviewing August 10, 2024

Accepted October 28, 2024

Оригинальная статья

УДК 342.4

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-465-472

Реализация конституционных прав граждан Монголии на здоровую и безопасную окружающую среду

Бадамцэцэг Даваацэрэн

Университет внутренних дел Монголии

(Улан-Батор, Монголия)

badamaa976@gmail.com

ORCID: 0009-0002-6094-4639

Аннотация

В статье на основе анализа современного состояния и практики реализации конституционных прав на здоровую и безопасную окружающую среду в Монголии обоснована необходимость принятия мер, направленных на решение проблем в рамках анализируемого права. Рассматривается эволюция норм конституционного законодательства Монголии в сфере охраны окружающей среды, обсуждается механизм реализации конституционных прав граждан Монголии. Специфика уголовно-правовой защиты окружающей среды характеризуется с учетом статистической оценки обращений в Конституционный суд на нарушения в области экологического законодательства. На основе эмпирических данных формулируются предложения по регулированию норм федерального законодательства, уголовно-правовых норм и подзаконных актов. Направления дальнейшего совершенствования экологического законодательства рассматриваются через призму комплексного подхода, устанавливающего обусловленность уголовно-правовых норм конституционным законодательством Монголии, накопленным опытом его реализации.

Ключевые слова

конституция Монголии, конституционный суд, права человека, охрана окружающей среды, экологическое законодательство, правовое регулирование

Для цитирования: Бадамцэцэг Даваацэрэн (2024). Реализация конституционных прав граждан Монголии на здоровую и безопасную окружающую среду. *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 465–472. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-465-472.

Original paper

Implementing a constitutional rights of Mongolian citizens to a healthy and safe environment

Badamtsetseg Davaatseren

University of Internal Affairs of Mongolia

(Ulaanbaatar, Mongolia)

badamaa976@gmail.com

ORCID: 0009-0002-6094-4639

Abstract

The author analyses the current state and practice of realization of constitutional rights to a healthy and safe environment in Mongolia, the necessity of taking measures aimed at solving problems within the framework of the considered right is substantiated. The evolution of norms of constitutional legislation of Mongolia in the sphere of environmental protection is considered, the mechanism of realization of constitutional rights of citizens of Mongolia is discussed. The specificity of criminal legal protection of the environment is characterised taking into account statistical assessment of appeals to the Constitutional Court on violations in the field of environmental legislation. The performed analysis of empirical data allows proposals for regulation of the norms of federal legislation, criminal law norms. Directions for further improvement of environmental legislation are considered through the prism of a comprehensive approach that establishes the conditionality of criminal-legal norms of the constitutional legislation of Mongolia, the accumulated experience of its implementation.

Keywords

Constitution of Mongolia, Constitutional Court, human rights, environmental protection, environmental legislation, legal regulation

For citation: Badamtsetseg Davaatseren (2024). Implementing a constitutional rights of Mongolian citizens to a healthy and safe environment. *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 465–472. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-465-472.

В настоящее время право на здоровую и безопасную окружающую среду занимает важное место в системе конституционных прав и свобод граждан любого государства, т. к. его нарушение влечет за собой ущемление и других прав и свобод граждан, закрепленных в основном законе. Проблематика безопасной среды относится к формам девиантного поведения, традиционно свойственным человеку. Отношение к природе как к ресурсу нередко превышает границы потребностей человека и общества, нанося ущерб, требующий многолетнего восполнения. В связи с этим законодательство большинства стран мира оберегает окружающую среду, признавая важность ее влияния на общественное здоровье. Как правило, единое направление охраны окружающей среды носит многоаспектный характер, выражаясь в уголовной политике, административном законодательстве, культуре и общественном сознании.

Если говорить о Монголии, то вплоть до конца второй половины XX века рассматриваемая проблема не получила конституционного закрепления, что частично регулировалось Законом об охране окружающей среды. И лишь в 1992 году Монголия утвердила и провозгласила четвертую Конституцию, имеющую целью всестороннее развитие гуманного гражданского демократического общества.

Преимуществом действующей Конституции является то, что в ней на законодательной основе получило закрепление такое важное положение, как право гражданина на здоровую и безопасную окружающую среду (ст. 16 Конституции Монголии). Благодаря этому граждане наделены широкими полномочиями в рамках реализации прав на здоровую и безопасную окружающую среду, наиболее существенными из которых следует считать право на получение достоверной информации о состоянии окружающей среды и негативном воздействии на нее, а также требования возмещения ущерба, причиненного их здоровью или имуществу в результате экологического правонарушения.

Кроме того, основное содержание конституционных положений, касающихся прав граждан на здоровую и безопасную окружающую среду, нашли отражение:

- в государственной целевой программе в области экологического развития страны;
- в государственной политике в сфере использования природных ресурсов;

- в основополагающих принципах законодательства, гарантирующих права граждан на здоровую и безопасную окружающую среду;
- в обращениях граждан в судебный орган или международные организации по вопросам о защите и восстановления их нарушенных прав.

В совместном исследовании, проведенном Университетом Монголии, Агентством США по международному развитию, а также Международным институтом республиканцев и Азиатским фондом¹ в рамках совершенствования законодательных положений, касающихся правовой гарантии на здоровую и безопасную жизнь граждан, были сделаны следующие выводы:

1. Основным преимуществом внесенных в Конституцию 2019 года изменений является то, что вопрос об обеспечении гарантии прав граждан на здоровую и безопасную окружающую среду тесно связан с государственной политикой долгосрочного развития и равномерным распределением благ путем их концентрации в Фонде национального благосостояния страны².

2. Сам процесс реализации природных ресурсов оказывает негативное воздействие на окружающую среду, что является основной причиной нарушения прав граждан на здоровую и безопасную жизнь. Исходя из этого, одним из необходимых условий реализации данного положения является создание целостной системы государственного и гражданского контроля³.

3. В процессе реализации природных ресурсов, а также справедливого распределения благ, законом предусмотрен ряд существенных полномочий граждан, включающий право излагать свои мнения путем проведения открытых слушаний и опросов, исходя из принципа, согласно которому использование природных богатств и охрана окружающей среды должны находиться под контролем общественности. В целях реализации конституционных положений и совершенствования системы контроля каждое обращение, связанное с нарушением прав на здоровую и безопасную окружающую среду, должно быть заранее представлено в Парламент на предварительное обсуждение.

4. Поскольку природные ресурсы являются невозобновляемыми, то при их использовании, распределении, а также реализации государственной политики, не должны нарушаться права граждан на здоровую и безопасную окружающую среду. Согласно поправке в Конституцию, граждане наделены правом требовать от соответствующих государственных и негосударственных органов предоставления своевременной, полной и достоверной информации о состоянии окружающей среды, мерах по ее охране, а также о деятельности предприятий и других объектов, оказывающих отрицательное влияние на окружающую природную среду и здоровье человека⁴.

Право надзора за исполнением вышеуказанных конституционных положений предоставлено Конституционному Суду, который наделен полномочием принимать обращения граждан, связанные с нарушением права на здоровую и безопасную окружающую среду либо по собственной инициативе, либо по требованию Великого Государственного Хурала, Президента страны, Премьер-министра, Верховного Суда или Генерального прокурора.

Кроме того, согласно закону, если Великим Государственным Хуралом не будет одобрено решение Конституционного Суда, то последнему предоставляется право вынесения окончательного решения на основании повторного рассмотрения дела. Кроме того, Конституционный Суд наделен правом отменить решения Великого Государственного Хурала, Президента

¹ Отчет об анализе внесенных изменений в Конституцию Монголии 2019 года (2022). УБ.

² Там же., стр. 21.

³ Отчет об анализе внесенных изменений 2019 года в Конституцию Монголии (2022). УБ (стр. 22).

⁴ Там же., стр. 23.

и Правительства страны, а также соответствующие положения международных договоров Монголии, если они противоречат принципам Конституции⁵.

Так, за период с 1992 по 2022 гг. в Конституционный Суд Монголии поступило 3616 обращений и ходатайств от граждан и юридических лиц, из которых на нарушения основных прав (ст. 16 КМ) – 1264, а на нарушения прав на здоровую и безопасную окружающую среду (п. 2 ст. 16 КМ) – 48, но только в двух случаях было рассмотрено и вынесено соответствующее решение⁶ (рисунок 1).

Из 48 обращений 6 возвращены на основании «неприемлемости» и переданы другим органам и должностным лицам, на 40 из них вынесены постановления и определения суда об отказе ведения конституционного судопроизводства, и только по двум обращениям выданы обоснованные заключения (таблица 1).

На данный момент в Монголии действует около 890 нормативно-правовых актов, которые по степени правового регулирования отношений относительно прав на здоровую и безопасную окружающую среду можно разделить на законодательные акты прямого и непрямого регулирования.

Нормативные правовые акты прямого регулирования – это законы, в которых нормы, регулирующие отношения, связанные с правом на здоровую и безопасную окружающую среду, имеют непосредственное предписание. Так, п. 1 ст. 2 Закона «Об охране окружающей среды» гласит: «Целью настоящего закона является обеспечение прав человека на здоровую и безопасную окружающую среду, гармонизацию социального и экономического развития общества

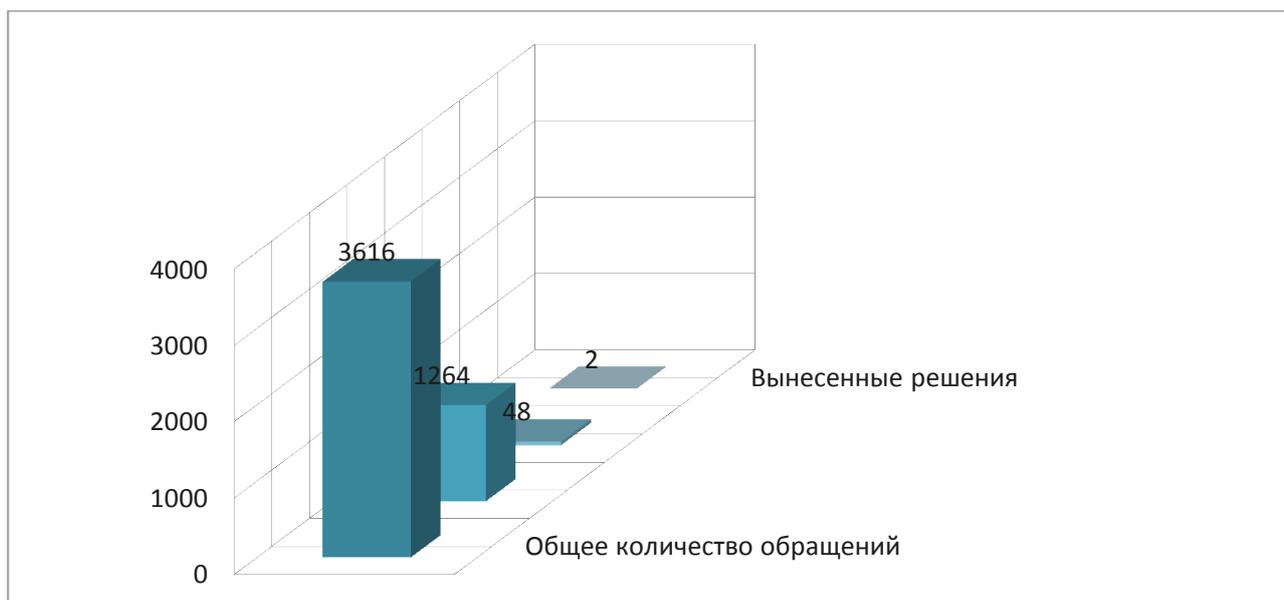

Рис. 1. Количественное соотношение рассмотренных в Конституционном Суде обращений на нарушения положений ст. 16 и пункта 2 ст. 16 Конституции Монголии за период с 1999 по 2022 гг.

Fig. 1. Quantitative ratio of appeals considered by the Constitutional Court for violations of the provisions of Art. 16 and paragraph 2 of Art. 16 of the Constitution of Mongolia for the period from 1999 to 2022

⁵ Мөнхсайхан, О., Очирбал, Р. (2021). *Состояние гарантии прав человека в Монголии: Проблемные аспекты и их решения*. УБ.

⁶ <https://legalinfo.mn/mn/law?page=law&cate=31&active=1&sort=title&page=1>

Таблица 1. Жалобы на нарушения п. 2 ст. 16 КМ, рассмотренные Конституционным Судом

Table 1. Complaints about violations clause 2 art. 16 CMs considered by the Constitutional Court

№	Принятые решения	Количество поступивших обращений	По факту нарушений п. 2 ст. 16 КМ
1	Решения об отказе в принятии к рассмотрению обращений	3	48
2	Решения о передаче обращение к соответствующим органам	3	
3	Решения об отказе возбуждения конституционного судопроизводства на основании постановления и определения	40	
4	Выдача заключения	2 (2007 № 02, 2009 № 03)	
5	Выдача постановления	0	

с ее экологическим балансом, а также защиту окружающей среды на благо нынешнего и будущего поколений...»⁷. Однако закон не дает четкого определения относительно понятия здоровая и безопасная окружающая среда, а лишь определяет объект его защиты.

Этот законодательный пробел был устранен благодаря Закону Монголии «О гигиене»⁸, в котором впервые дается определение рассматриваемого понятия, под которым следует понимать среду обитания, полностью соответствующую гигиеническим условиям и требованиям. Кроме того, закон предусматривает положение о создании благоприятной окружающей среды и условий для здорового и безопасного проживания граждан, а также о регулировании отношений, связанных с предотвращением, снижением и устранением негативных воздействий на здоровье человека и окружающую среду.

Что касается нормативно-правовых актов непрямого регулирования, то это законы, регулирующие нормы, которые не имеют прямого отношения к праву на здоровую и безопасную окружающую среду, а лишь затрагивают общие права человека. К примеру, ими являются Закон Монголии «О судах», нормативно-правовые акты уголовного и водного права Монголии, Закон о лесном хозяйстве, а также «Административно-процессуальный кодекс» и др.

Что касается охраны окружающей среды, то сегодня в Монголии действуют более 120 нормативно-правовых актов, в которых содержатся правовые нормы, регулирующие отношения в данной области⁹. Так, согласно п. 1 ч. 1 ст. 4 Закона Монголии «Об охране окружающей среды» каждый гражданин наделен правом требовать от виновного возмещения ущерба, причиненного его здоровью и имуществу вследствие негативного воздействия на окружающую среду.

Кроме граждан, существенными полномочиями в области охраны окружающей среды наделены также органы исполнительной власти и общественные экологические объединения. Здесь наблюдается четкое разграничение выполняемой функции государства, ее институтов и должностных лиц по обеспечению права на здоровую и безопасную окружающую среду. Так, п. 9 ст. 17 Закона Монголии «Об охране окружающей среды» наделяет этим правом

⁷ Государственный бюллетень Монголии № 5, 6 (1995).

⁸ Государственный бюллетень Монголии № 7 (2016).

⁹ <https://legalinfo.mn/mn>

Таблица 2. Решения Конституционного Суда на обращения граждан относительно охраны окружающей среды

Table 2. Decisions of the Constitutional Court on citizens' appeals regarding environmental protection

№	Нормативно-правовые акты	Количество поступивших обращений	Количество рассмотренных обращений
1	Водный кодекс Монголии	1	0
2	Кодекс о земле	14	1
3	Закон Монголии «О запрете использования недр в пределах лесной и водоохранной зоны»	6	1
4	Закон Монголии «О ветеринарии»	2	0
5	Закон Монголии «О минеральных ресурсах»	6	6
6	Закон Монголии «Об атомной энергии»	1	1
7	Закон «О химической безопасности в Монголии»	1	1
Итого		31	10

губернатора сумона и района. Также в рамках реализации своих должностных обязанностей, предусмотренных п. 8 ч. 2 ст. 17 настоящего Закона, губернатор должен осведомить местное население о правильном использовании природных ресурсов с целью усиления борьбы с незаконным их использованием.

Что касается вопроса о возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу граждан вследствие экологического правонарушения, то, начиная с 2012 года, правовые нормы, регулирующие эти отношения, нашли отражение в отраслевых законодательствах. Так, согласно ст. 13, 17 Водного кодекса Монголии, а также ст. 25 Закона Монголии «О лесном хозяйстве», граждане наделяются правом требовать возмещения ущерба, причиненного их здоровью и имуществу вследствие неблагоприятного воздействия на окружающую среду (таблица 2).

Хотя данное положение и получило законодательное закрепление, тем не менее сам процесс реализации норм права на здоровую и безопасную окружающую среду осуществляется слишком медленно. На наш взгляд, это связано, с одной стороны, с ограничением прав на предъявление иска о компенсации ущерба окружающей среде, с другой стороны, с узким объемом иска о возмещении ущерба. Тем самым ограничено само содержание и цель законодательных положений, связанных с правом граждан на здоровую и безопасную окружающую среду, как это предусмотрено Конституцией.

Глава 24 Уголовного кодекса Монголии года впервые закрепила норму «Преступления против окружающей среды», благодаря которой вред, причиненный преступлением, может быть отнесен к ущербу окружающей среде, юридическим лицам и гражданам, и взыскание его является законным в соответствии с главой 52 Гражданского кодекса Монголии (2002 г.). Однако, несмотря на достаточно богатый опыт, накопленный в рамках реализации возме-

ния ущерба, причиненного здоровью граждан или имуществу юридических лиц в результате загрязнения окружающей среды, методика расчета именно морального вреда пока остается малоразработанной.

Заключение

Подводя итоги анализа реализации прав на безопасную окружающую среду в Монголии, отметим, что современное состояние этого вопроса требует дальнейшего научного осмысления и развития. Соглашаясь с общественной значимостью совершенствования законодательства Монголии в области защиты природы, нам видится целесообразным дальнейшее изучение национального опыта стран мира в области уголовно-правовой и социальной-культурной сферы экологических отношений. В связи с этим, основываясь на сравнительном анализе конституционных норм, касающихся прав гражданина на здоровую и безопасную окружающую среду, получивших законодательное закрепление в соответствующих нормативно-правовых актах, видится необходимым принятие комплекса следующих мер:

- создание целостной системы экологического законодательства;
- должное обеспечение финансирования охраны окружающей среды;
- повышение профессиональной подготовки управленческого аппарата государственных структур;
- повышение роли органов законодательной, исполнительной и судебной властей в области охраны природы.

Совокупность представленных предложений будет способствовать повышению эффективности защиты окружающей среды и соблюдению конституционных прав граждан Монголии на безопасную окружающую среду.

Список литературы

- Монгол Улсын Үндсэн Хууль (1992). *Төрийн мэдээлэл эмхэтгэл*, 1.
- Үндсэн Хуулийн Цэцэд маргаан хянан шийдвэрлэх ажиллагааны тухай хууль (1997). *Төрийн мэдээлэл эмхэтгэл*, 6.
- Монгол Улсын Үндсэн хуулийн Цэцийн тухай хууль (1992). *Төрийн мэдээлэл эмхэтгэл*, 3.
- Мөнхсайхан, О., Очирбал Р. (2021). “Монгол Улс дахь хүний эрхийн төлөв байдал: Тулгамдсан асуудал, шийдэл”. *Тойм судалгаа*. УБ.

References

- Mongol Ulsyn Yndsen Huul' (1992). *Tөрийн medeелеl emhetgel*, 1.
- Yndsen Huulijn Ceced margaan hyanan shijdverlekh azhillagaany tuhaj huul' (1997). *Tөрийн medeелеl emhetgel*, 6.
- Mongol Ulsyn Yndsen huulijn Cecijn tuhaj huul' (1992). *Tөрийн medeелеl emhetgel*, 3.
- Mөнhsajhan, O., Ochirbal R. (2021). “Mongol Uls dah' хүний erhijn төлөв bajdal: Tulgamdsan asuudal, shijdel”. *Tojm sudalгаа*. UB.

Информация об авторе

Бадамцэцэг Даваацэрэн – старший преподаватель факультета права и социальных наук Университета внутренних дел Монголии.

About the author

Badamtsetseg Davaatseren – Senior Lecturer, Faculty of Law and Social Sciences, University of Internal Affairs of Mongolia.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 29.07.2024

Одобрена после рецензирования 22.08.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted July 29, 2024

Approved after reviewing August 22, 2024

Accepted October 28, 2024

Обзоры конференций

УДК 378

DOI: 10.35750/2713-0622-2024-3-473-492

«Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (обзор III международной научно-практической конференции)

Александра Александровна Жаворонкова

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

niospbu@univermvd.ru

ORCID: 0009-0008-1158-3615

Лариса Викторовна Каверина

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

lvkaverina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6294-2042

Антон Алексеевич Рожков

Санкт-Петербургский университет МВД России

(Санкт-Петербург, Россия)

anrozkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1890-0368

Аннотация

В статье представлен обзор III международной научно-практической конференции «Российская девиантологическая панорама: теория и практика», прошедшей под эгидой «Российского девиантологического журнала» в сентябре 2024 года. Конференция была нацелена на обмен научными знаниями о девиантном поведении, анализ современных методологий исследования и профилактики девиаций, а также объединение ученых и практиков, работающих в этой научной области. В конференции приняли участие более 130 ученых и практических работников из 56 научных, образовательных, социальных, медицинских, правоохранительных и иных организаций России и зарубежных стран. Среди которых: представители Академии МВД Республики Беларусь, Центра повышения квалификаций и подготовки кадров МВД Республики Беларусь, Министерства безопасности и гражданской защиты Республики Гвинея, Департамента уголовно-исполнительной системы по Костанайской области, Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами, образовательных и научных организаций системы МВД России и ФСИН России, Росгвардии, Прокуратуры Российской Федерации, Минобрнауки России, МЧС России, Минобороны России, Минздрава России, Минюста России, территориальных органов МВД России, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Смоленской Православной Духовной Семинарии, Федерального научного центра

Жаворонкова А. А., Каверина Л. В., Рожков А. А. / Zhavoronkova A. A., Kaverina L. V., Rozhkov A. A.

психологических и междисциплинарных исследований. Работа конференции была организована в форме пленарного заседания и секционных заседаний «Современная девиантология», «Психолого-педагогические исследования девиантного поведения». Результатом конференции стало обсуждение на международном уровне тенденций изменения девиантных форм поведения в современном мире, а также причин данных изменений; распространение новых методов и методик диагностики девиаций у подростков, молодежи и взрослых; обобщение положительного опыта профилактики девиантного поведения в обществе на уровне отдельной личности и социальных групп; развитие и укрепление международного сотрудничества ученых и практиков в решении актуальных общих задач снижения социального напряжения в обществе и повышения уровня социальной удовлетворенности личности.

Ключевые слова

девиантное поведение, теория девиантологии, изучение девиаций, профилактика девиантного поведения, диагностика девиаций, коррекция девиантного поведения

Для цитирования: Жаворонкова, А. А., Каверина, Л. В., Рожков, А. А. (2024). «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (обзор III международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 4 (3), 473–492. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-473-492.

Conference reviews

“Russian deviantology panorama: theory and practice” (Review of the III International Scientific and Practical Conference)

Aleksandra A. Zhavoronkova

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

niospbu@univermvd.ru

ORCID: 0009-0008-1158-3615

Larisa V. Kaverina

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

lvkaverina@mail.ru

ORCID: 0000-0001-6294-2042

Anton A. Rozhkov

Saint Petersburg University of the MIA of Russia
(Saint Petersburg, Russia)

anrozkov@mail.ru

ORCID: 0000-0003-1890-0368

Abstract

The article presents an overview of the III International Scientific and Practical Conference “Russian Deviantological Panorama: Theory and Practice” held under the auspices of the “Russian Journal of Deviant Behavior” in September 2024. The conference was aimed at exchanging scientific knowledge on deviant behaviour, analysis of modern methodologies of research and prevention of deviance,

as well as bringing together scientists and practitioners working in this scientific field. The conference was attended by over 130 scientists and practitioners from 56 scientific, educational, social, medical, law enforcement and other organisations in Russia and abroad including representatives of Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Personnel Training Center of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Belarus, Ministry of Security and Civil Protection of the Republic of Guinea, Department of the correctional system for Kostanay region, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabyrbayev, Tashkent State Pedagogical University named after Nizami, educational and scientific organisations of the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia and Federal Penitentiary Service of Russia, Federal National Guard Troops Service of the Russian Federation, Prosecutor's Office of the Russian Federation, Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Ministry of Emergency Situations of Russia, Russian Ministry of Defense, Ministry of Health of the Russian Federation, the Ministry of Justice of the Russian Federation, territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Mental Health Research Center, Smolensk Orthodox Theological Seminary, Federal Scientific Center for Psychological and Interdisciplinary Research. The conference was organised in the form of a plenary and sectional sessions: “Modern deviantology”, “Psychological and pedagogical studies of deviant behaviour”. The conference resulted in the international discussion of trends in deviant behaviour changes in the modern world, as well as the causes of these changes; dissemination of new methods and techniques for diagnosing deviations in adolescents, youth and adults; generalisation of positive experience in the prevention of deviant behaviour in society at the level of an individual as well as social groups; development and strengthening of international cooperation of scientists and practitioners in solving urgent common problems of reducing social tension and improving the quality of life of adolescents, youth and adults.

Ключевые слова

deviant behaviour, theory of deviantology, study of deviations, prevention of deviant behaviour, diagnosis of deviations, correction of deviant behaviour

For citation: Zhavoronkova, A. A., Kaverina, L. V., Rozhkov, A. A. (2024). “Russian deviantology panorama: theory and practice” (Review of the III International Scientific and Practical Conference). *Russian Journal of Deviant Behavior*, 4 (3), 473–492. doi: 10.35750/2713-0622-2024-3-473-492.

Приятно осознавать, что Санкт-Петербургский университет МВД России стал признанной научной площадкой для обсуждения таких важных фундаментальных и прикладных вопросов для мировой науки и деятельности органов внутренних дел, как теории и концепции девиации, методология изучения девиантного поведения, виды девиаций, критерии и показатели различных видов девиаций, причины и условия формирования девиантного поведения личности и у группы лиц, профилактика девиантного поведения у подростков и взрослых. Важным шагом и амбициозным проектом на этом пути было издание на базе университета «Российского девиантологического журнала». Его организаторами и идейными вдохновителями явились А. А. Реан, доктор педагогических наук, академик Российской академии образования, профессор, Заслуженный деятель науки Российской Федерации (главный редактор журнала); М. В. Бавсун, доктор юридических наук, профессор, Заслуженный юрист Российской Федерации (председатель редакционной коллегии), Л. В. Каверина, кандидат филологических наук (ответственный секретарь). Они смогли не только предложить красивую идею, но и воплотить ее в жизнь, подобрав творческую, инициативную и работоспособную команду. На своих страницах, за непродолжительное время, журнал объединил научные мысли и труды таких знаменитых ученых как: Е. В. Змановской, Ю. А. Шаранова, М. В. Бавсуна, А. Г. Караяни, Ю. М. Караяни, С. Д. Гуреевой, Е. И. Мещеряковой, Ю. И. Пудовочкина, М. М. Бабаева,

С. Ф. Милюкова, А. В. Никуленко, А. А. Реана, А. С. Ваторопина, Л. Г. Почебут, Т. В. Кирилловой, Л. В. Готчиной, А. А. Нечепуренко, Я. И. Гилинского, Ю. Ю. Комлева, В. В. Балахонского, Л. А. Григоровича, А. А. Горелова, А. Ю. Чудакова, М. А. Ерофеевой, С. В. Шевелевой, Ю. А. Клейберга, Л. Я. Дорфмана, А. П. Скиба, В. Ф. Лапшина, Ю. Ю. Стрельниковой, В. Ю. Ухова, В. Л. Ситникова, А. В. Смирнова, С. В. Духновского, О. А. Дизера, А. В. Шаболтас, Н. Ф. Гейжан, С. Ю. Чимарова, В. Н. Бурлакова.

Свой весомый вклад в живое обсуждение актуальных проблем девиантологии на страницах журнала внесли иностранные авторы: Ехуэй Хуан, Жуй Сю, Тесленко Александр Николаевич, Росалина Тио Оча, Муслумов Рустам Рафикович, Гаррисон Елена, Батболд Галбадрах, Тяньде Хуан, Баяндорж Цолмон, Федотова Елена Сергеевна, Стешич Елена Сергеевна, Чулуунбаатар Батболд, Янь Цин, Тао Е, Пунцагсүрэн Баярбаатар, Инсин Сюй, Цзялу Лу, Буяннэмэх Дашдорж, Фам Вьет Кхоа, У Цзели, Мяо Ин.

Объединение различных взглядов и направлений на страницах журнала и их дальнейшее обсуждение в рамках регулярного взаимодействия редакции с авторами указали на необходимость регулярных встреч и обсуждения наиболее актуальных, интересных идей девиантологии и полученных противоречивых результатов эмпирических исследований, что способствовало переносу дискуссии в очный формат, организации и проведению международной научно-практической конференции «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Злоказов, Каверина, 2022; Каверина, Жаворонкова, 2023).

Таким образом, в 2024 году 27 сентября в Санкт-Петербургском университете МВД России состоялась третья международная конференция «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (Российская девиантологическая панорама: теория и практика, 2024).

Конференция проводилась при информационной поддержке «Российского девиантологического журнала», который в 2024 г. вошел в перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки России.

В работе конференции приняли участие представители Академии МВД Республики Беларусь, Центра повышения квалификаций и подготовки кадров МВД Республики Беларусь, Министерства безопасности и гражданской защиты Республики Гвинея, Департамента уголовно-исполнительной системы по Костанайской области, Костанайской академии МВД Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева, Ташкентского государственного педагогического университета имени Низами, образовательных и научных организаций системы МВД России и ФСИН России, Росгвардии, Прокуратуры Российской Федерации, Минобрнауки России, МЧС России, Минобороны России, Минздрава России, Минюста России, территориальных органов МВД России, ФГБНУ «Научный центр психического здоровья», Смоленской Православной Духовной Семинарии, Федерального научного центра психологических и междисциплинарных исследований.

С приветственным словом к участникам конференции обратился **начальник Санкт-Петербургского университета МВД России кандидат юридических наук, доцент, заслуженный сотрудник органов внутренних дел Российской Федерации генерал-лейтенант полиции И. Ф. Амельчаков**. В своем выступлении он отметил, что «Российский девиантологический журнал» действительно является успешным амбициозным проектом университета. В настоящее время журнал стал рупором

русской научной мысли и научных достижений, который позволяет распространять передовые и наиболее эффективные практики в области противодействия девиациям. Журнал решает и еще одну очень важную в современном мире задачу – он является инструментом противодействия обесцениванию не только российской науки, но и российских традиционных духовно-нравственных ценностей и культуры. Игорь Филиппович добавил, что со своими задачами журнал справляется во многом благодаря проводимой третий год подряд конференции. Ее участники являются не только профессионалами, но и патриотами, ищущими пути и средства достижения целей, поставленных перед нами обществом, Президентом РФ, руководством страны и Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Открыл пленарное заседание профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук Г. В. Марченко с докладом «Формирование мировоззренческих ценностей как фактор профилактики негативных поведенческих девиаций». В своем выступлении Геннадий Викторович обратил внимание на то, что в современном мире «гибридных» и «ментальных» войн коллективного Запада против России возникла острая необходимость на государственном уровне решать задачу поиска эффективных инструментов противодействия распространению девиаций, подрывающих нравственные устои в различных сферах общественной жизни. Данная задача является экзистенциальной, так как неконтролируемое распространение различных форм девиантного поведения, продвижение «нетрадиционных» субкультур, глумление над нравственными принципами, извращенное понимание явления «свободы» в любом обществе закономерно приводят к изменению смыслов, которые составляют основу этнической, социальной и религиозной идентичности населения. В настоящее время наблюдается навязывание России чуждых ей ценностей – свободного выбора пола, допустимость однополых браков, легализации употребления наркотиков и других, которые стали частью западной культуры, и одновременно принимаются меры, направленные на развитие в мире русофобии, на запрет российской культуры, науки, искусства и спорта.

В качестве эффективного способа разрешения обозначенной проблемы Г. В. Марченко предлагает творчески подойти к осуществлению исторического просвещения населения и при

Также к участникам мероприятия обратился наместник Спасо-Преображенского Авраамиева мужского монастыря Николай Сергеевич Золотов, который зачитал приветственное слово митрополита Смоленского и Дорогобужского Исидора и обратил внимание на то, что профилактика девиантных форм поведения является задачей не только институтов светского государства, но и церкви. Основной целью в данном направлении является сохранение и укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей в России и в мире.

реализации мер по формированию и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Он указал на необходимость активно внедрять в массовое сознание путем организации соответствующей информационной среды таких категорий, как: «истина», «красота», «добро», «гуманизм», «милосердие»; удерживать на государственном уровне в центре особого внимания молодое поколение, создать для них развитую социальную инфраструктуру для самовыражения и развития; подобрать и распространить в обществе эмоционально выразительные, ясные и лаконичные идеологемы, определяющие современные векторы государственного развития и содержание мировоззренческих ценностей. Выступление Геннадия Викторовича было интересным и эмоциональным, сопровождалось яркими примерами из истории, литературы и искусства (Марченко, 2024).

Санкт-Петербургский государственный университет на пленарном заседании представила **профессор кафедры социальной психологии, доктор психологических наук, профессор Л. Г. Почебут**. В своем выступлении «Деструктивное информационное воздействие на правосознание граждан в современном обществе» Людмила Георгиевна обозначила такую важную в современном обществе проблему, как противодействие в информационной войне, в которой используются деструктивные средства и способы, направленные на изменение социальных

представлений, установок и ценностей у людей и всей сложившейся системы общественного и правового сознания, формирование у них чувства страха, ненависти и интолерантности. Она раскрыла стадии ведения информационной войны, знание которых позволяет понять механизм их протекания. Задачей первого этапа войны является массированное информационное воздействие на людей и представление им односторонней информации без возможности получить другую информацию из альтернативных источников. Задачей второго этапа войны является разрушение моральных, этических и правовых норм, популяризация новых идей, которые идут в разрез с традиционными духовно-нравственными ценностями. Задачей третьего этапа является навязывание новой идеологии, внедрение ее в сознание как можно большего количества людей, и прежде всего тех, кто на государственном уровне способен принимать важные решения. Таким образом, власть в обществе меняется не революционным путем, а с помощью изменения сознания граждан и сложившейся системы правоотношений, что и обеспечивает победу в информационной войне. Кроме того, Л. Г. Почебут привела примеры тактик и стратегий противодействия информационным войнам, раскрыла их содержание.

С докладом на тему «Оценка рисков девиантного поведения студенческой молодежи» выступила **заведующий кафедрой психологии и философии с курсами биоэтики и истории Отечества Тверского государственного медицинского университета Министерства здравоохранения Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Е. А. Евстифеева**. В своем докладе она изложила результаты психодиагностического исследования депривации личностно-психологического здоровья

и рисков девиантного поведения у студенческой молодежи. В исследовании приняли участие 1714 студентов образовательных организаций высшего образования Тверского области. Елена Александровна констатирует, что от 28 % до 44 % студенческой молодежи тверского региона проявляют пограничные значения склонности к аддиктивному и девиантному поведению, и от 26 % до 42 % студентов находятся в зоне риска, значительная часть студентов от 22 % до 35 % проявляет агрессивность. Таким образом, она приходит к неутешительным выводам о том, что нынешняя студенческая молодежь Тверской области не может найти смысл жизни, ощущение стабильности и уверенности в будущем, предрасположены к проявлению агрессии и аддиктивного поведения, могут проявлять аутоагрессивное поведение (Евстифеева, Малкова, Удалова, 2024).

С интересным докладом «Показатель утомленности сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем притязаний» выступил **профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент С. В. Духновский**. В своем докладе Сергей Витальевич представил результаты проведенного эмпирического

исследования, направленного на выявление связей между утомленностью сотрудников органов внутренних дел и уровнями их притязаний. Респондентами выступили 181 сотрудник органов внутренних дел, проходившие первоначальную подготовку и повышение квалификации на базе Санкт-Петербургского университета МВД России. В качестве психодиагностических методик были использованы опросник «Субъективная оценка уровня утомленности личности» (СОУ) и методика «Отношение к себе как профессионалу».

Исследователем было установлено, что низкий уровень притязаний у сотрудников органов внутренних дел, который выражается в отсутствии у них стремления к профессионально и личностно-значимым целям, говорит о низкой вовлеченности сотрудников в служебную деятельность, стремлении минимизировать свои психологические (интеллектуальные и эмоциональные) усилия. Сотрудники с таким уровнем притязаний стремятся к решению более простых, стандартных задач, не требующих дополнительного приложения сил, проявления своих способностей и творчества. Они имеют низкий уровень утомленности, на фоне мотивации «избегания трудностей». Сотрудники с умеренным уровнем притязаний воспринимают служебную деятельность как требующую сильного интеллектуального и эмоционального напряжения. У них отмечается повышенный уровень утомленности. У сотрудников с повышенным уровнем притязаний, которые ориентированы в служебной деятельности на достижение более высоких результатов и проявляют большую вовлеченность в работу, уровень утомленности умеренный (рабочей усталости) при сохранении высокой мотивации. Таким образом, С. В. Духновский сделал вывод о том, что уровень притязаний выступает компенсаторным фактором и повышение его уровня у сотрудников органов внутренних дел может являться действенным условием профилактики их утомленности (Духновский, Белянкина, 2024).

Представители Сургутского государственного педагогического университета представили на пленарном заседании конференции доклад «Особенности смысложизненных ориентаций подростков со склонностью к девиантному поведению». **Профессор кафедры психологии,**

доктор психологических наук В. В. Гагай и доцент кафедры психологии, кандидат психологических наук М. Л. Тарасенко представили результаты эмпирического исследования смысложизненных ориентаций подростков. Они обратили внимание аудитории на то, что смысложизненные ориентации являются регулятором направленной деятельности человека, и работа по развитию смысложизненных ориентаций у подростков со склонностью к девиантному поведению должна носить комплексный и систематический характер, строиться с учетом индивидуальных психологических особенностей подростков.

В завершении пленарного заседания с докладом выступил **начальник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат психологических наук, доцент К. В. Злоказов**. Кирилл Витальевич рассказал о «Российском девиантологическом журнале» как научном проекте, обозначив его миссию и определив перспективы развития.

По завершению пленарного заседания начали свою работу секции.

Работа **секции «Современная девиантология»**, модераторами которой выступили профессор кафедры философии и социологии Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент Павел Григорьевич Мартысюк и профессор кафедры управления персоналом и воспитательной работы учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор исторических наук, профессор Сергей Юрьевич Чимаров, включала в себя рассмотрение вопросов, касающихся теории и концепций современной девиантологии, уголовно-правовых и криминологических аспектов девиантного поведения, коррекции и профилактики девиантного поведения и других проблемных вопросов.

В своем выступлении П. Г. Мартысюк обратил внимание аудитории на взаимосвязь духовно-нравственных ценностей, существующих в рамках определенного культурно-исторического типа, и проявлений девиации, в которой скрывается феномен культурной девиации. «Девиация устанавливается в рамках определенного культурно-исторического типа как своего рода отклонение от смыслового ядра господствующей на то время мировоззренческой парадигмы. Те ценностные установки, которые принимаются одной культурной эпохой как должное, в рамках сменяющей её культурной эпохи подвергаются сомнению, а то и жесточайшей критике. Само по себе перманентное возникновение различного рода культурных девиаций обусловлено тем, что культура в ее высшем проявлении вырабатывает духовные ценностные ориентиры, стремится зафиксировать истину, потенциально выходящую за пределы личностного творящего начала. То, что сокрыто во внеличном начале, никогда не уравнивается с тем, что способен продемонстрировать творящий субъект, стремящийся зафиксировать свое творение в пространственно-временном измерении. Оно всегда будет выше последнего, всегда существовать на уровне неосуществленного идеала. Сама по себе культурная девиация может наполняться как деструктив-

ным, так и конструктивным смыслом. В этой ситуации реализуется принцип историзма с его оценкой содержания того или иного явления, исходя из его временной оценки, основанной на соответствии и соотносительности ведущих парадигм. Отсутствие должного уровня парадигмальности в рамках современного типа культуры приводит к его дегуманизации как своего рода девиации, обусловленной непрекращающейся потребностью закрепления абсолютной реальности за отдельно взятым творением. Подобное чревато порождением культивируемых вещей, но при этом оскудением внутреннего мира человека. В свою очередь, попытка устранения субъективизма в восприятии мира со стороны отдельных личностей пробуждает к жизни новые направления и стили в искусстве. Сама по себе девиация при переходе от субъективизма к объективизму способна привести к смене ведущих парадигм» (Мартысюк, 2024).

Доклад Л. В. Шабанова раскрывал девиацию как мотивирующее поведение молодежи. В своем выступлении он познакомил участников конференции с новым значимым элементом в социально-психологической динамике девиантных групп молодежи – транзитивного поведения групп молодежных неформальных объединений, а также маркерами (критическими сигналами) транзита от молодежных неформальных объединений к молодежным неконформистским объединениям, неконформистского «утяжеления» поведения, от девиантного поведения к делинквентному (Шабанов, 2024).

Представитель Центра подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров Министерства внутренних дел Республики Беларусь О. С. Волосач познакомила участников секции с основными аспектами профилактики девиантного поведения при подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. В своем выступлении она сделала акцент на том, что в пенитенциарной практике проблема девиантного поведения лиц, находящихся в местах лишения свободы, была и остается актуальной. Девиантное поведение выступает главным объектом социального воздействия, так как даже находясь в учреждениях уголовно-исполнительной системы, спецконтингент продолжает проявлять асоциальное поведение. Поведение является слабо прогнозируемым и часто связано с высоким уровнем агрессивности. Задача профессиональной подготовки сотрудников уголовно-исполнительной системы заключается в их качественной подготовке в короткие сроки к самостоятельному выполнению должностных обязанностей, умению правильно реагировать на провокации спецконтингента, конструктивно взаимодействовать с ним. Оксана Сергеевна поделилась положительным опытом, накопленным в Центре подготовки, повышения квалификации и переподготовки кадров Министерства внутренних дел Республики Беларусь, в решении данной задачи, который может быть успешно использован и в пенитенциарной системе Российской Федерации (Волосач, 2024).

Представитель Костанайской академии Министерства внутренних дел Республики Казахстан имени Шракбека Кабылбаева Ш. М. Кабжанова поделилась опытом использования метафорических ассоциативных карт в групповой психокоррекционной работе по профилактике предупреждения суицидов в органах внутренних дел. В своем докладе она изложила пошаговую методику проведения групповой психокоррекционной работы с сотрудниками, проживающими трудную жизненную ситуацию (Кабжанова, 2024).

Тему девиации правосознания в условиях информационного мира раскрыл в своем выступлении Е. Ф. Некрасов. В своем выступлении он справедливо указал, что в современных условиях стремительного развития научно-технического прогресса принятие правовых норм зачастую не поспевает за необходимостью регулирования возникающих новых общественных отношений. «Общество стало информационным. Возник и продолжает развиваться рынок информационных услуг. Информация стала товаром, который покупается и продается, как и любой другой продукт. Таким образом, современное право должно адаптироваться к регулированию этих

процессов». Евгений Ефимович поставил экзистенциальный вопрос: «Каким должно стать право в наше время, чтобы эффективно противостоять вышеупомянутым угрозам?» – и предложил в качестве принципа ответа на этот вопрос опираться на нормы морали (Некрасов, 2024).

Ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России А. Д. Белоусов заинтересовал участников конференции информацией о дифференцированной внешней профилактике виктимного поведения граждан, сталкивающихся с телефонным мошенничеством. В своем докладе он описал неконструктивное поведение потерпевших в ситуациях телефонного мошенничества и представил психологически обоснованные сюжеты профилактических роликов социальной рекламы с учетом когнитивных стилей потребителей данной продукции, что по оценке аудитории является очень продуктивным и современным инструментом (Белоусов, 2024).

О такой форме девиантного поведения, как вандализм, участникам секции напомнила Ю. А. Тимошенко. Она обратила внимание на общественную опасность данного явления, которое свидетельствует об искажении в сознании правонарушителей представлений о традиционных российских духовно-нравственных ценностей и пренебрежении ими норм права и морали.

О необходимости повышения правовой культуры несовершеннолетних в контексте профилактики их девиантного поведения высказалась в своем докладе М. Л. Огурцова. Среди важных причин распространения негативных моделей поведения у несовершеннолетних и формирования у них противоправных установок она выделяет их неконтролируемую трансляцию в информационном пространстве. Марина Леонидовна предложила принять дополнительные правовые и организационные меры, направленные на повышение эффективности работы по правовому просвещению и правовому информированию несовершеннолетних, среди которых: распространение позитивного информационного контента в сети Интернет на различных ресурсах, ознакомления обучающихся в образовательных организациях с их конституционными правами и обязанностями граждан, разъяснение правовых норм в простой и доступной форме, информирование детей о способах защиты своих прав, проведение школьных правовых конкурсных мероприятий, проведение просветительских мероприятий с несовершеннолетними, совершившими правонарушение (Огурцова, 2024).

Вопросы профилактики, но уже проявления антисоциальной креативности в девиантном поведении, изложила в своем выступлении Н. В. Мешкова. Она представила результаты исследования связи антисоциальной креативности и личностных характеристик и предложила направления профилактических мероприятий по снижению проявления антисоциальной креативности, среди которых: коррекционно-развивающая работа с подростками; просветительско-профилактическая работа с семьей подростков с девиациями; обучение подростков стратегиям регулирования эмоций; работа с детской травмой; снижение мотивации мести и повышение способности к прощению; развитие стратегии изменения негативных мыслей или переоценки ситуации, провоцирующей гнев; просвещение родителей о важности формирования морали, способности к прощению, стимулировании сотрудничества и кооперации, ответственности; информирование родителей о позитивных практиках воспитания; мониторинг стилей воспитания в семье с трудными подростками (Мешкова, Ениколопов, 2024).

Д. А. Соколов в своем выступлении рассмотрел криминологическое содержание защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей как одно из направлений профилактики девиантного поведения. Он описал проблему девиантного поведения как следствия нарушений в процессе приобщения к традиционным духовно-нравственным ценностям, раскрыл влияние деформации нравственно-психологических черт личности на криминализацию ее поведения. Денис Александрович привел примеры конкретных составов преступлений, свидетельствующих о негативных изменениях в системе индивидуальных ценностных ориентаций преступников,

и результаты анализа нормативных правовых актов, направленных на защиту традиционных российских духовно-нравственных ценностей (Соколов, 2024).

О возможностях уголовного наказания в сфере предупреждения преступных девиаций несовершеннолетних участникам конференции изложил М. А. Сутурин. Через призму анализа потребностной сферы личности он рассмотрел вопросы девиантного поведения несовершеннолетних с позиции интересов государства и общества – возможности и эффективность уголовного наказания, как реакции на акты преступных девиаций (Сутурин, 2024).

Выступление Н. В. Нятиной было посвящено региональному аспекту оснований и компонентам деструктивного социально-политического взаимодействия населения в сетевых сообществах. Ею были рассмотрены междисциплинарные подходы к обоснованию причин, видов и последствий среди разных возрастных групп девиантного поведения, социальные и политические компоненты распространения девиаций среди молодежи. Наталья Владимировна познакомила аудиторию с новым направлением исследований проблемы девиантного поведения – конструктивная девиация и раскрыла основные его положения (Нятина, Головацкий, 2024).

О. В. Гаврилова свое выступление посвятила описанию проблемы совершенствования системы нравственного и полового воспитания подрастающего поколения как одного из факторов профилактики девиантного поведения. Ольга Вячеславовна указала на то, что отсутствие в образовательных организациях системы полового воспитания и неподготовленность значительной части родителей и педагогов к осуществлению полового воспитания молодежи, являются причинами, порождающими антисоциальные проявления. Она выделила основные направления профилактики девиантного поведения, среди которых: формирование у молодежи навыков общения с представителями другого пола; выработка критического отношения к неверным установкам, предрассудкам в отношении к другому полу; формирование у мальчиков и девочек нравственных понятий и убеждений о нравственной чистоте, верности, чуткости, тактичности, чувстве собственного достоинства, чувстве долга и ответственности; формирование убеждения о вреде и опасности ранних половых связей, о недопустимости безответственности и легкомыслия в отношениях с лицами другого пола (Гаврилова, 2024).

В завершении работы секции был представлен доклад М. Р. Нигматуллина, в котором была раскрыта социально-экономическая характеристика семьи в механизме девиации несовершеннолетних. Представленная характеристика была основана на статистических и аналитических данных УМВД России по г. Тюмени. Мухамедяр Ралитович обосновал, что на повышение уровня девиации несовершеннолетних наиболее существенно влияют такие социально-экономические факторы семьи как: низкий уровень материального благополучия; низкий уровень образовательно-культурной характеристики; недостаточный контроль со стороны родителей за досугом детей; неблагоприятное бытовое окружение, отрицательные связи и контакты по месту жительства, учебы несовершеннолетних; недостатки в организации культурного досуга несовершеннолетних (Нигматуллин, 2024).

В ходе работы *секции «Психолого-педагогические исследования девиантного поведения»* были рассмотрены результаты психологических и педагогических исследований девиантного поведения. Модераторами заседания были профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации Ситников Валерий Леонидович и профессор кафедры юридической психологии учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, доктор психологических наук, доцент Духновский Сергей Витальевич.

С докладом «Школьный вандализм: причины проявления» выступила Д. Д. Шевалдина, в котором представила результаты эмпирического исследования причин и мотивов школьного вандализма как одного из проявлений девиантного поведения подростков, описала наиболее частые виды вандализма среди школьников. Исследование было проведено с помощью опросника «Мотивы вандального поведения». Объем выборки составил 907 обучающихся 8-11 классов двадцати общеобразовательных школ Москвы, Оренбургской области, Пермского края, Ростовской области, Санкт-Петербурга, Свердловской области, Татарстана, Тюменской области, Чеченской Республики, что свидетельствует о масштабности проведенного исследования и достоверности полученных результатов (Шевалдина, Кружкова, Бобоумаров, 2024).

Представитель Смоленской Православной Духовной Семинарии Смоленской Епархии Русской Православной Церкви А. К. Задоров поведал присутствующим о Капелланской службе и профилактике девиантного поведения в армии. Он описал виды девиантного поведения, с которыми сталкиваются военные капелланы в армии, и рассказал о формах и видах их работы.

Е. В. Рыбакова поделилась опытом изучения механизмов дисфории как фактора этиопатогенеза поведенческой девиации и других деструкций в статусе несовершеннолетних. Она указала, что проблематика дефицита представлений о возможной дисфорической природе нарушений поведения несовершеннолетних, а также упрощенное, узкое понимание данного состояния обуславливает необходимость более системных мер по адресной поддержке детей, подростков, молодых людей со сходными проблемами, а также по совершенствованию подготовки специалистов по работе с ними. Данные выводы Елены Владимировны были подтверждены результатами, проведенного опроса специалистов данной области (Рыбакова и др., 2024).

Интересную тему в своем докладе развила Е. В. Чернышева, рассказав о психологических предикторах рискованного поведения в цифровой среде. Она представила результаты эмпирического исследования проявлений киберрискового зависимого поведения. Среди важных частных выводов можно выделить: наличие связи навязчивого желания пребывания в Интернет-пространстве с низким уровнем у человека регуляции настроения, низким самоконтролем, подверженностью к скуке, отвращением к монотонным занятиям, с появлением внутриличностных проблем; проблемное использование Интернета связано с показателями симптома отмены, с предпочтением онлайн-общения; активные пользователи Интернета отдают предпочтение развлекательным ресурсам; киберкоммуникативная зависимость, троллинг, хейтеринг и другие формы аномального поведения приводят к тому, что негативные действия не только не осуждаются человеком, но и принимаются как норма. Елена Викторовна призвала аудиторию к соблюдению мер безопасности при использовании Интернет-пространства, избегать участия во вредоносных виртуальных активностях, таких как кибербуллинг, хакерство или распространение лживой информации, чрезмерно использовать Интернет (Чернышева, 2024).

Представитель Сургутского государственного педагогического университета Е. И. Алферова привлекла внимание участников секции выступлением об особенностях проявления суицидального риска подростков с разным уровнем жизнестойкости. Она указала на то обстоятельство, что в современном мире важными психологическими механизмами, позволяющими выжить в сложных социальных условиях, являются жизнестойкость и выработанные механизмы психологической защиты; в условиях бесконтрольности информационного пространства, которое провоцирует психосоциальный дистресс, коэффициент жизнестойкости играет буферную (антисуицидальную) роль и служит основой профилактики риска возникновения суицидального поведения у подростков.

Тему особенностей регулятивного компонента психологической надежности сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности в своем докладе раскрыла Э. К. Шелепина. Утомленность ею была рассмотрена как проявление тонической характеристики психического

состояния сотрудника, приводящей к снижению его работоспособности. Элина Константиновна обосновала связь повышения утомления со снижением производительности деятельности у сотрудников органов внутренних дел, качества решаемых служебных задач, их психологической надежности, что выражается в увеличении времени, затрачиваемого для решения служебной задачи, количестве и видах допускаемых ошибок (Духновский, Шелепина, 2024).

А. С. Цимбал поделился опытом в исследовании взаимосвязи информационно-психологической уязвимости и субъективного благополучия сотрудников органов внутренних дел. В результате проведенного исследования Александром Сергеевичем было установлено, что повышение информационно-психологической уязвимости сотрудников органов внутренних дел соотносится со снижением переживания ими благополучия; в группе сотрудников с умеренным благополучием показатель информационно-психологической уязвимости достоверно выше, чем в группе сотрудников с повышенным уровнем благополучия (Цимбал, 2024).

Итоги конференции были подведены в завершении работы каждой из секций и обобщены организаторами.

В рамках конференции был проведен заочный **конкурс стендовых докладов**. Условием конкурса было представление стендового доклада, состоящего из постера и научной статьи, выполненной по публикационным требованиям издания «Российский девиантологический журнал». Победителями конкурса стали: Куликова Татьяна Ивановна, доцент кафедры специальной психологии, дефектологии и социальной работы Тульского государственного педагогического университета имени Л. Н. Толстого, кандидат психологических наук, доцент с постером «Обоснование необходимости профилактики сквернословия в межличностном взаимодействии подростков в условиях сельской школы»; Макух Наталия Олеговна, доцент кафедры психологии профессиональной деятельности факультета психологии и пробации Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат психологических наук с постером «Детерминация психосексуальных расстройств у осужденных женщин особенностями детско-родительских отношений: диагностика и коррекция»; Нятина Наталья Владимировна, доцент кафедры социологических наук Социально-психологического института Кемеровского государственного университета, кандидат социологических наук, доцент

с постером «Основания и компоненты деструктивного социально-политического взаимодействия населения в сетевых сообществах: региональный аспект». Материалы победителей будут опубликованы в «Российском девиантологическом журнале».

III международная научно-практическая конференция «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» без преувеличения явилась значимым событием в научном сообществе не только России, но и зарубежных государств. Она позволила ее участникам обогатиться теоретическими и практическими знаниями и навыками, получить новые идеи и мотивацию для их реализации, а также развитию продуктивной научной коммуникации между участниками.

Список литературы

- Белоусов, А. Д. (2024). Дифференцированная внешняя профилактика виктимного поведения граждан, сталкивающихся с телефонным мошенничеством. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 379–387). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN OPJDPF.
- Волосач, О. С. (2024). Профилактика девиантного поведения при подготовке сотрудников уголовно-исполнительной системы Республики Беларусь. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 395–401). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN NTITCI.
- Гаврилова, О. В. (2024). Совершенствование системы нравственного и полового воспитания подрастающего поколения, как один из факторов профилактики девиантного поведения. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 402–407). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации. EDN NQYOMR.
- Духновский, С. В., Белянкина, В. А. (2024). Показатель утомленности сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем притязаний. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 218–225). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN KEAEST.
- Духновский, С. В., Шелепина, Э. К. (2024). Выраженность мнемических способностей у сотрудников органов внутренних дел с разным уровнем утомленности. В *Психология личности в эпоху изменений: социализация, ценности, отношения: сборник материалов международной научно-практической конференции* (Калуга, 30-31 мая 2024 года, стр. 409–418). Калуга: Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского. EDN DQXWBM.
- Евстифеева, Е. А., Малкова, Э. Ю., Удалова, Л. В. (2024). Оценка рисков девиантного поведения студенческой молодежи. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 43–47). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN DCGLQR.
- Злоказов, К. В., Каверина, Л. В. (2022). «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (обзор первой международной научно-практической конференции).

Российский девиантологический журнал, 2 (3), 354–362. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-354-362>. EDN KTJTBМ.

- Кабжанова, Ш. М. (2024). Использование метафорических ассоциативных карт в групповой психокоррекционной работе по профилактике предупреждения суицидов в ОВД. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 425–431). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN ZGAZVU.
- Каверина, Л. В., Жаворонкова, А. А. (2023). «Российская девиантологическая панорама: теория и практика» (обзор второй международной научно-практической конференции). *Российский девиантологический журнал*, 3 (3), 369–376. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-3-369-376>. EDN OJICPU.
- Мартысюк, П. Г. (2024). Трансформация концепта культурной девиации в контексте общественного развития. *Человек. Культура. Образование*, 2 (52), 10–24. EDN JSNREK.
- Марченко, Г. В. (2024). Формирование мировоззренческих ценностей как фактор профилактики негативных поведенческих девиаций. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 442–448). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN WAЕК-MQ.
- Мешкова, Н. В., Ениколопов, С. Н. (2024). К вопросу о профилактике проявления антисоциальной креативности в девиантном поведении. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 412–415). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN NJVXJB.
- Некрасов, Е. Ф. (2024). Девиация правосознания в условиях информационного мира. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 57–61). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN ZHYJZS.
- Нигматуллин, М. Р. (2024). Социально-экономическая характеристика семьи в механизме девиации несовершеннолетних. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 126–133). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN GSKYAK.
- Нятина, Н. В., Головацкий, Е. В. (2024). Социальные и политические основания конструктивной девиации студенческой молодежи: анализ цифровых следов в региональных сетевых сообществах. *Виртуальная коммуникация и социальные сети*, 3 (3 (11)), 271–280. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-3-271-280>. EDN YFAIXV.
- Огурцова, М. Л. (2024). Повышение правовой культуры несовершеннолетних в контексте профилактики их девиантного поведения. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 454–459). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN VTEMСW.
- Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, сост.

- А. А. Жаворонкова) (2024). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. ISBN 978-5-91837-871-7. EDN UYGWTK.
- Рыбакова, Е. В., Гаязова, Г. А., Султанова, Р. С., Рыбаков, Д. Г. (2024). Изучение механизмов дисфории как фактора этиопатогенеза поведенческой девиации и других деструкций в статусе несовершеннолетних. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 325–336). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN SVBBGA.
- Соколов, Д. А. (2024). Криминологическое содержание защиты традиционных российских духовно-нравственных ценностей как одного из направлений профилактики девиантного поведения. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 173–179). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN HREEWR.
- Сутурин, М. А. (2024). Возможности уголовного наказания в сфере предупреждения преступных девиаций несовершеннолетних. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 180–187). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN IRSZCS.
- Цимбал, А. С. (2024). Взаимосвязь информационно-психологической уязвимости и субъективного благополучия сотрудников органов внутренних дел. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 355–359). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN OUKRZV.
- Чернышева, Е. В. (2024). Проблемное использование Интернета как следствие киберрискового поведения. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 360–364). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN PBULSE.
- Шабанов, Л. В. (2024). Девиация как мотивирующее поведение молодежи. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 79–87). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN EVNSNR.
- Шевалдина, Д. Д., Кружкова, О. В., Бобоумаров, С. А. (2024). Школьный вандализм: причины проявления. В А. А. Жаворонкова (сост.), *Российская девиантологическая панорама: теория и практика: материалы III международной научно-практической конференции* (Санкт-Петербург, 27 сентября 2024 года, стр. 371–374). Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет МВД России. EDN OUKRZV.

Reference

- Belousov, A. D. (2024). Differencirovannaya vneshnyaya profilaktika viktimnogo povedeniya grazhdan, stalkivayushchih s telefonnym moshennichestvom. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj*

- nauchno-prakticheskoy konferencii (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 379–387). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN OPJDPP.
- Volosach, O. S. (2024). Profilaktika deviantnogo povedeniya pri podgotovke sotrudnikov ugolovno-ispolnitel'noj sistemy Respubliki Belarus'. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 395–401). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN NTITCI.
- Gavrilova, O. V. (2024). Sovershenstvovanie sistemy npravstvennogo i polovogo vospitaniya podrastayushchego pokoleniya, kak odin iz faktorov profilaktiki deviantnogo povedeniya. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 402–407). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii. EDN NQYOMR.
- Duhnovskij, S. V., Belyankina, V. A. (2024). Pokazatel' utomlennosti sotrudnikov organov vnutrennih del s raznym urovnem prityazanij. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 218–225). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN KEAEST.
- Duhnovskij, S. V., Shelepina, E. K. (2024). Vyrazhennost' mnemicheskikh sposobnostej u sotrudnikov organov vnutrennih del s raznym urovnem utomlennosti. V *Psihologiya lichnosti v epohu izmenenij: socializaciya, cennosti, otnosheniya: sbornik materialov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Kaluga, 30–31 maya 2024 goda, str. 409–418). Kaluga: Kaluzhskij gosudarstvennyj universitet im. K. E. Ciolkovskogo. EDN DQXWBM.
- Evstifeeva, E. A., Malkova, E. Yu., Udalova, L. V. (2024). Ocenka riskov deviantnogo povedeniya studentcheskoj molodezhi. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 43–47). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN DCGLQR.
- Zlokazov, K. V., Kaverina, L. V. (2022). «Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika» (obzor pervoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii). *Rossiyskij deviantologicheskij zhurnal*, 2 (3), 354–362. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-3-354-362>. EDN KTJTBM.
- Kabzhanova, Sh. M. (2024). Ispol'zovanie metaforicheskikh asociativnyh kart v gruppovoj psihokorrekcionnoj rabote po profilaktike preduprezhdeniya suicidov v OVD. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 425–431). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN ZGAZVU.
- Kaverina, L. V., Zhavoronkova, A. A. (2023). «Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika» (obzor vtoroj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii). *Rossiyskij deviantologicheskij zhurnal*, 3 (3), 369–376. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2023-3-369-376>. EDN OJICPU.
- Martysyuk, P. G. (2024). Transformaciya koncepta kul'turnoj deviacii v kontekste obshchestvennogo razvitiya. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, 2 (52), 10–24. EDN JSNREK.
- Marchenko, G. V. (2024). Formirovanie mirovozzrencheskikh cennostej kak faktor profilaktiki negativnyh povedencheskikh deviacij. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy*

- konferencii (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 442–448). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN WAEKMQ.
- Meshkova, N. V., Enikolopov, S. N. (2024). K voprosu o profilaktike proyavleniya antisocial'noj kreativnosti v deviantnom povedenii. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 412–415). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN NJVXJB.
- Nekrasov, E. F. (2024). Deviaciya pravosoznaniya v usloviyah informacionnogo mira. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 57–61). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN ZHYJZS.
- Nigmatullin, M. R. (2024). Social'no-ekonomicheskaya harakteristika sem'i v mekhanizme deviacii nesovershennoletnih. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 126–133). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN GSKYAK.
- Nyatina, N. V., Golovackij, E. V. (2024). Social'nye i politicheskie osnovaniya konstruktivnoj deviacii studencheskoj molodezhi: analiz cifrovyyh sledov v regional'nyh setevyyh soobshchestvah. *Virtual'naya kommunikaciya i social'nye seti*, 3 (3 (11)), 271–280. <https://doi.org/10.21603/2782-4799-2024-3-3-271-280>. EDN YFAIXV.
- Ogurcova, M. L. (2024). Povyshenie pravovoj kul'tury nesovershennoletnih v kontekste profilaktiki ih deviantnogo povedeniya. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 454–459). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN VTEMCW.
- Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, sost. A. A. Zhavoronkova) (2024). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. ISBN 978-5-91837-871-7. EDN UYGWTK.
- Rybakova, E. V., Gayazova, G. A., Sultanova, R. S., Rybakov, D. G. (2024). Izuchenie mekhanizmov disforii kak faktora etiopatogeneza povedencheskoj deviacii i drugih destrukcij v statuse nesovershennoletnih. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 325–336). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN SVBBGA.
- Sokolov, D. A. (2024). Kriminologicheskoe sodержanie zashchity tradicionnyh rossijskih duhovno-nravstvennyh cennostej kak odnogo iz napravlenij profilaktiki deviantnogo povedeniya. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 173–179). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN HREEWR.
- Suturin, M. A. (2024). Vozmozhnosti ugolovnogo nakazaniya v sfere preduprezhdeniya prestupnyh deviacij nesovershennoletnih. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossijskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 180–187). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN IRSZCS.

- Cimbal, A. S. (2024). Vzaimosvyaz' informacionno-psihologicheskoy uyazvimosti i sub"ektivnogo blagopoluchiya sotrudnikov organov vnutrennih del. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 355–359). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN OUKRZV.
- Chernysheva, E. V. (2024). Problemnoe ispol'zovanie Interneta kak sledstvie kiberriskovogo povedeniya. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 360–364). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN PBULSE.
- Shabanov, L. V. (2024). Deviaciya kak motiviruyushchee povedenie molodezhi. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 79–87). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN EVNSNR.
- Shevaldina, D. D., Kruzhkova, O. V., Boboumarov, S. A. (2024). Shkol'nyj vandalizm: prichiny proyavleniya. V A. A. Zhavoronkova (sost.), *Rossiyskaya deviantologicheskaya panorama: teoriya i praktika: materialy III mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* (Sankt-Peterburg, 27 sentyabrya 2024 goda, str. 371–374). Saint Petersburg: Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii. EDN OUKRZV.

Информация об авторах

Лариса Викторовна Каверина – ответственный секретарь «Российского девиантологического журнала», кандидат филологических наук.

Александра Александровна Жаворонкова – научный сотрудник научно-исследовательского отдела Санкт-Петербургского университета МВД России.

Антон Алексеевич Рожков – заместитель начальника учебно-научного комплекса по исследованию проблем кадровой работы и морально-психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат педагогических наук, доцент.

About the authors

Larisa V. Kaverina – Executive Secretary of the “Russian Journal of Deviant Behavior”, Cand. Sci. (Phil.)

Aleksandra A. Zhavoronkova – researcher of the research department of St. Petersburg University of the MIA of Russia.

Anton A. Rozhkov – Deputy Head of the Educational and Scientific Complex for the Study of the Problems of Personnel Work and Moral and Psychological Support for the Activities of the Internal Affairs Bodies of St. Petersburg University of the MIA of Russia, Cand. Sci. (Ped.), Docent.

Вклад авторов

Авторы внесли равный вклад в разработку исследования, обработку его результатов и написание текста статьи. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Author's contribution

The authors contributed equally to the research development, results processing and writing the text of the article. The authors declare no conflicts of interests.

Поступила в редакцию 03.10.2024

Одобрена после рецензирования 09.10.2024

Опубликована 28.10.2024

Submitted October 03, 2024

Approved after reviewing October 09, 2024

Accepted October 28, 2024